

Лев Прозоров
Варяжская Русь. Наша славянская Атлантида

Языческая Русь –

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2687235

«Лев Прозоров. Варяжская Русь: славянская Атлантида»: Яуза, Эксмо; Москва; 2010
ISBN 978-5-699-43661-3, 978-5-699-54665-7

Аннотация

Эта великая цивилизация канула в бездну времени. Ее гордая история превратилась в легенду, сказку, небыль. Ее блестящая культура предана забвению. Имена ее прославленных городов – Аркона, Ретра, Винета – теперь известны меньше, чем селения каких-нибудь инков или ацтеков...

Говоря о погибших цивилизациях, мы обычно представляем себе оплетенные лианами развалины в далеких джунглях или руины на дне океана, вспоминаем легендарные имена: Атлантида, Лемурия, Му... Но, оказывается, бездна беспамятства поглощает не хуже океанских вод. Оказывается, не в допотопные эпохи, а меньше тысячи лет назад, и не на

других материках, а совсем рядом существовала великая цивилизация наших предков, на равных соперничавшая со Священной Римской империей и могущественной Византией – а теперь фактически забытая.

Про эту арийскую цивилизацию почти не пишут книг, не снимают фильмов. Никто, кроме горстки специалистов, не помнит и менее причудливых многоликих Богов, походы и победы ее грозных князей, великие битвы, что кипели на ее берегах. Забылось даже, что именно оттуда пришли наши предки, что это наша прародина, наша славянская Атлантида – Варяжская Русь.

Ее подлинную историю восстанавливает новая книга от автора бестселлеров «Русь языческая», «Богатырская Русь», «Святослав Храбрый – русский Бог войны» и «Евпатий Коловрат».

Лев Прозоров Варяжская Русь: славянская Атлантида

Посвящения

Богам и людям Варяжской Руси.

*А.Ф. Гильфердингу, С.А. Геденову, А.И. Павинскому, И.А. Лебедеву, А.А. Котляревскому, Д.Н. Егорову, А.Г. Кузьмину, С.Н. Азбелеву, В.И. Меркулову, В.В. Фомину
И с огромной благодарностью за терпение моему редактору Л. Незвинской.*

ПРЕУВЕДОМЛЕНИЕ!

Тем, кому нравится думать, что славяне только земелюшку пахали, да водили в веночках печальные хороводы босиком по травке, **эта книга может оказаться крайне неприятной**.

ПРОЛОГ

– Вот если бы дело касалось Тутанхамона или иссохших африканцев, невесть почему сохранившихся на другом конце света; если бы это был Вавилон, или Китай, или какая-нибудь раса, столь же далекая и таинственная, как «лунный человек», – вот тогда ваши газеты поведали бы об этом все, вплоть до зубной щетки или запонки. Но о людях, которые построили ваши приходские храмы, дали названия вашим городам и ремеслам, даже дорогам, по которым вы ходите, – о них вам никогда не хотелось что-либо узнать.

«Проклятие золотого креста»

Г.К. Честертон

Что представляется нам при словах «исчезнувшая цивилизация»?

Кишащие змеями руины в сердце ядовитых джунглей, оплетенные лианами личины причудливых идолов, поседевшие от жаркого солнца и песчаных ветров камни пирамид, древний храм на дне океана, на минуту возникающий в иллюминаторе субмарины. Что-то чужое и далекое, растворившееся во мраке тысячелетий.

Но, оказывается, бездна забвения поглощает цивилизации столь же надежно, как океанская пучина, и не требуется долгих эпох, чтоб целый мир превратился в сказку, а сказка – забылась.

Не на далеком континенте, не в допотопные времена, не так уж далеко от нас – здесь, в Европе, менее тысячи лет назад, погибла целая цивилизация. Не ищите книг о ней на полках

магазинов и библиотек – ей уже очень давно не посвящали книг. Об этой цивилизации не сняли ни одного фильма. Только немногие знают названия ее многолюдных городов, имена диковинных многоглавых кумиров, которым она поклонялась, названия битв, кипевших на ее берегах. Для большинства же читателей само ее существование остается в безвестности – легендарной Атлантиде Платона в этом отношении повезло больше. Вот тут и книги, и фильмы... а многим ли что-то скажут имена велетов и рериков? Скольким известно, что такое Ретра – нет, не ретро, а именно Ретра? А Волын – не Волынь на Украине, а именно Волын – кто помнит, что город с таким названием когда-то называли «самым большим городом в Европе»? А что знаете про Винету – нет, нет, не про Виннету, вождя краснокожих, а именно про Вине ту?

Все это тем более удивительно, что носители этой цивилизации – не атланты, погибшие без наследников, погрузившись «в один день и одну бедственную ночь» в пучины одноименного океана, не этруски или шумеры, чей язык был непонятен пришедшим им на смену народам (что не мешает огромному количеству людей записываться в их потомки). Кровь творцов и героев исчезнувшей цивилизации течет в нынешних народах, обитающих на берегах Балтики. «Осси» – восточный немец – или датчанин, швед или уроженец балтийского побережья Польши, латыш или эстонец с высокой вероятностью несут в себе ту или иную долю их крови, ежедневно проходят по городам, холмам и берегам, названным на языке той цивилизации. И в особенности все это относится к русским.

Наш народ, наша страна обязаны существованием именно этой цивилизации. Ее кровь течет в наших жилах, ее язык – родня нашему, ее выходцы проложили торговые и военные пути по нашим землям и закладывали на них до сих пор стоящие города. Она дала нам первых князей.

И тем не менее – мы забыли о них. Для огромного большинства русских то, о чем я буду говорить в этой книге, окажется новостью, может даже показаться фантастикой, выдумкой, на которую столь щедры иные рассказы об исчезнувших цивилизациях, забытых народах, затерянных мирах.

Тем нужней мой рассказ. Рассказ об исконной, изначальной варяжской Руси, нашей, славянской Атлантиде.

Глава I ПОЧЕМУ МЫ ЗНАЕМ О НЕЙ ТАК МАЛО

*Летописей не сохранилось.
Собираем мозаику по кусочкам.
Труды дореволюционных ученых.
Семьдесят лет молчания.*

*Сей кубок чадам древних лет!
Вам слава, наши деды!
Друзья, уже могущих нет;
Уж нет вождей победы;
Их дома вихорь разметал;
Их гробы срыли плуги;
И пламень ржавчины сожрал
Их шлемы и кольчуги;
В.А. Жуковский*

К сожалению, погибшая на южных берегах Балтийского моря цивилизация не оставила для нас своих летописей. Если нечто подобное и велось – то только при языческих храмах, и, нет сомнения, должно было погибнуть вместе с ними от рук носителей новой веры, будь то чужаки-германцы или свои, – зачастую новообращенные становятся нетерпимее, чем самые фанатичные из обративших. Некому было записать и предания. Чуть больше обычного

повезло преданиям генеалогическим – родословным потомков знати варяжской Руси, принявших чужую веру и чужой язык, но сохранивших память об именах и родстве великих предков. Впрочем, и эти генеалогии дошли до нас в очень поздних, XVI – XIX веков, списках. И это все. В результате историю этих народов приходится собирать буквально по кусочкам – по чужеземным, зачастую враждебным, хроникам франков, датчан и саксов, путевым заметкам путешественников, житиям тех, кто «просвещал» варяжские берега чужеземной верой, договорам, грамотам, картам, преданиям и сагам, по фольклору покинувших прародину потомков, по памяти земли – археологии – и памяти языка. Интересно, что сохранилось от этой цивилизации больше, чем думают – иное дело, никто не торопится обнародовать сохранившееся, и бесценный памятник, алтарь языческого Бога, привезенный трофеем, свидетельством торжества новой веры, в христианский храм, успешно долежал там до нового времени, а потом отправился в местный краеведческий музей, где и пребывает, оставаясь неизвестным потомкам своих почитателей. Точно так же в далекой Англии сохраняются названия, памятники морских походов с южного берега Балтики, причем не захоластные деревушки, а целые графства – но, полагаю, их жители также в основном пребывают в неведении о людях, которым обязаны названиями родных мест. Полезные сведения о славянской Атлантиде могут содержать даже, например, гербы водворившейся на ее землях, и частично происходящей от ее князей и рыцарей, знати: они сохранили самые разнообразные сведения о предках своих обладателей – от их верований до головных уборов.

Нельзя сказать, чтоб цивилизации балтийских славян вообще не посвящали книг. В свое время они были весьма популярной темой. Началось это в середине XIX столетия, когда национальные чувства и славян, и германцев были на подъеме. Германия шла к объединению, появились и панславистские настроения, и судьба балтийской Руси, протекавшая как раз на границе славянского и германского миров, не могла остаться вне внимания.

Первым, специально посвященным нашей теме исследованием, был объемный труд Александра Федоровича Гильфердинга (известного собирателя русских былин и видного деятеля славянофильского движения), вышедший в 1855 году «История балтийских славян». Спустя шесть лет исследователь издал следующую часть своей работы «Борьба славян с немцами на Балтийском поморье в средние века». Эта интереснейшая, полная полезных сведений книга по сей день читается с огромным интересом. Хотя славянофильские убеждения автора очень сильно сказываются на каждой странице. Когда Гильфердинг простоудушно объясняет, как «славян *естественно стремил*о все далее на запад», а саксы, жившие в устье Эльбы, вынуждены были отбиваться от них, а спустя несколько страниц жалуется, что соседство хищных германцев испортило «славянское племя, вообще такое миролюбивое и кроткое», не знаешь, то ли смеяться, то ли плакать. И это повторяется постоянно – оплакивается некое качество, которое-де несчастные славяне утратили в результате соседства с германцами; иной раз кажется, что Александра Федоровича более огорчает не покорение славян германским оружием, не сожженные города и обращенные в рабов пленники, а то, что гадкие германцы научили невинных ободритов и велетов таким ужасам, как воинственность, наследственная аристократия, почитание личных Богов и пр.

Между тем стоит посмотреть на славян в других краях – и там обнаруживается точно то же самое, притом с первых их упоминаний. Вспомним, скажем, сохраненный византийским летописцем Менандром ответ славянского вождя Дабриты послам аварского кагана: «Родился ли на свете и согревается ли лучами солнца тот человек, который бы подчинил себе силу нашу? Не другие нашу землю, **а мы чужую привыкли обладать**. И в этом мы уверены, **пока будут на свете война и мечи**». Много ли кротости и миролюбия в этих словах? Да слова словами – а когда славяне вторгались на Балканы, захлестнув их до самого Пелопонесса-Мореи, когда они доходили до Италии, внушая ужас римскому папе – тогда они тоже были кроткими и миролюбивыми? А разве не упоминает Иордан – и многие другие писатели после него – про племенную знать антов и славян? А Прокопий – не

упоминает ли в самом первом подробном рассказе о быте и нравах тех же славян и антов о почитании ими Бога-Громовержца? И все это – еще в VI – VII веках.

Или еще – опять же злые германцы осквернили чистую проповедь христовой веры славянам «родовой враждой», «духом исключительности». И однако, вот странность: сам же Гильфердинг рассказывает о многолетнем – если не о многовековом – союзе язычников-саксов и фризов с язычниками-велетами. Он же, цитируя Титмара, говорит о том, что саксы признавали благородство славянской знати (речь о пленнице, ставшей матерью епископа Магдебургского Вильгельма). Он, наконец, описывает, как знатный сакс, понося ободрита, употребляет *евангельское* сравнение язычника с псом. Так родовая ли гордыня мешала «христианскому братству» – или пришедшая вера ссорила считавшие друг дружку ровней племена?

Если же не обращать внимания на эти идеологические издержки, книга очень хороша и познавательна.

Еще десять лет спустя увидел свет труд польского слависта Адольфа Ивановича Павинского «Полабские славяне в борьбе с немцами в VIII – XIII вв.». О настрое книги говорит название. Впрочем, «с той стороны» выходили не менее, гм, заостренные произведения. А вот двухтомник И.А. Лебедева «Последняя борьба балтийских славян против онемечения» (1876), невзирая на еще более драматичный заголовок, серьезнее. Первый том вообще целиком и полностью посвящен анализу источников – впервые в отечественной литературе по этой теме.

Вышедшая в 1874 году фундаментальная работа Александра Александровича Котляревского (более известного исследованиями русского язычества) посвящена праву балтийских славян.

Венчает эту плеяду Д.Н. Егоров с двухтомником «Славяно-германские отношения в средние века. Колонизация Мекленбурга», появившимся в печати за два года до революции. Хотя многие считают его работу чересчур скептической – очень уж остро критикует он и некоторые источники (особенно достается Гельмольду), и своих предшественников, но тем не менее эта книга во многом воистину итоговая. Соглашаться с Дмитрием Николаевичем или нет – дело каждого, но прочесть однозначно стоит. Во-первых, потому, что в книге много сведений, не встречающихся более нигде. Во-вторых, потому, что мысли, высказанные Егоровым в своей работе, применимы отнюдь не только к тем вопросам, которые он рассматривает в своей книге.

А в-третьих – потому, что это последняя книга, вышедшая по этой теме на русском языке.

Да, читатель, совершенно верно – последняя... ну, вплоть до той, что Вы сейчас держите в руках.

Писали ведь. Работали, многотомные монографии составляли. Я ведь назвал здесь только самые крупные труды, самых именитых авторов, не упомянув Первольфа, Будиловича, Филлипова, Флоринского и многих иных. Вообще в стороне оставил пока работы Гедеонова, Забелина, в которых южный берег Варяжского моря увязывался с темой происхождения Руси и ее первых князей. Легко подсчитать – в среднем в Российской империи с середины XIX столетия каждые десять лет выходило примерно по одной **фундаментальной** работе, посвященной славянскому населению южного берега Балтики. А вот после революции, за все семьдесят лет, и за двадцать последующих – ни одной. Совсем. Вообще. Абсолютно. Ни толстых книг, ни тонких, ни в два тома, ни в один. Даже в самый разгар заигрывания со славянами, в сороковых-пятидесятых, когда «кремлевский горец» провозгласил себя и свою партию «новыми славянофилами» – книг на «заговоренную» тему не вышло. Казалось бы, это онемеченная знать Российской империи могла иметь причины замалчивать загубленную не без участия германцев цивилизацию – ан нет, замалчивали не они.

Даже той же Атлантиде посвятила советская наука объемистый том (Н.Ф. Жирова, «Атлантида», 1964 год, если кому интересно). Но только не «славянской Атлантиде»...

Ладно, не пишете сами. Так переиздайте! Нет. Не переиздавалось что-то...

Выходили статьи – в сборниках и специальных журналах. Особенно отмечу статьи, посвященные связи славянской Атлантиды с началом Руси – Вилинбахова, Энговатова, Кузьмина – но и это были лишь статьи, несравнимые по объему с фундаментальными трудами Геденова или Забелина, и остававшиеся в основном неизвестными широкому основному большинству читателей. Но не более. В книгах по истории славянства поминали многовековую историю южнобалтийских насельников несколькими страницами в самом лучшем случае. Чаще же всего ее вытаскивали на свет краешком в несколько строчек, попрекая германцев и вообще «Запад» их уничтожением. Создатели «самого большого города Европы» своего времени оказывались в одном ряду с тасманийцами или могикианами.

Это все, читатель, мы с Вами говорили про науку. В художественной литературе было примерно то же самое. «Рюген, с его грозными божевами, и загадочные поморяне, и полабские славяне, называвшие луну Леуной, лишь отчасти затронуты в песнях Алексея Толстого» – написал когда-то Велимир Хлебников, и с тех пор изменилось очень мало.

Ну и, наконец, приведу еще один пример. Наверняка Вам, читатель, доводилось слышать про великого русского композитора Николая Андреевича Римского-Корсакова. Да-да, «Садко», «Сказка о царе Салтане», «Снегурочка», «Золотой петушок», «Сказание о невидимом граде Китеже» – его оперы всегда на слуху. И даже если Вы не любитель оперы – Вы слышали его музыку – в сказочных фильмах или в мультиках.

Костюм княжны Войславы для оперы-балета «Млада»

Но – если только Вы не фанат его творчества, или не настолько увлечены балтийским славянством, варяжской Русью, как автор этих строк, то навряд ли Вы слышали про его оперу-балет «Млада», трагическую историю княжны из Арконы, ее возлюбленного Яромира и злодейки-соперницы Войславы.

И вот по ней Вы точно не видели не фильмов, ни мультфильмов, ни, скорее всего, театральных постановок. Потому что оперу эту давным-давно не ставили.

При жизни автора в Мариинке несколько раз было – и все. Вообще все, понимаете? При советской власти каждая из опер композитора по многу раз была поставлена во множестве театров – и «Кощей Бессмертный», и «Сказка о царе Салтане» – я уж про «Снегурочку» и «Садко» не говорю. А «Млада» – нет.

Это единственная опера у Римского-Корсакова... нет, не так. Это – **единственная опера**, посвященная балтийским славянам.

В такой обстановке тотального замалчивания – неудивительно, что огромная масса

русских читателей вовсе не имеет представления о Варяжской Руси.

А вот почему такая обстановка сложилась вокруг нее... Это уже совсем другой вопрос, уважаемый читатель. И мы о нем поговорим попозже.

Пока же, в завершение первой главы: особенно обидно, что за рубежом про эту цивилизацию знают хоть и немного – но все-таки знают. Я вот тут, в очередной раз посетив столицу нашей все еще необъятной страны, полистал забавную детскую книжицу «Викинги идут» некоего Маури Кунноса.

Посмеялся приключениям скандинавов (ну Боги бессмертные, когда уже перестанут употреблять слово «викинг» как синоним слову «скандинав», нести чушь про «богов викингов», «женщин викингов» и «королей викингов»?!) впрочем, позже, и до этого дойдет речь в свое время), изображенных в виде различных зверюшек. Естественно, жители остальных стран в том же стиле: князь Ярослав Мудрый – волк, император Византии, хе-хе, бегемот.

Но не суть.

А обратил внимание вот на что – в сем труде западного автора, для западного читателя изданного, как нечто хорошо знакомое, упоминаются венды. То викинг Гуннар, стремясь добиться благосклонности девушки, хвастается победой над вендами, то Олаф, вожак ватаги, стремясь залучить в свои ряды простодушного здоровилу-берсерка, рассказывает тому, что его, Олафа, сестру «похитили злые венды».

То есть даже детишки там у них в курсе, что были такие венды, и что они даже бедолагами-неудачниками, которых обижали злые германцы, вовсе не были, а были довольно серьезными ребятами, от которых и норманны могли получить немало неприятностей.

Ну а теперь откройте мне отечественную детскую книжку про начало Руси или про эпоху викингов. И покажите мне там слово «венды». Причем чтоб это была не очередная фантастика от «Белого города», а вменяемая детская книга. Чтобы венды воспринимались в одном ряду не с «влесовой книгой», «арийским спасителем Бусом Белояром» и прочими вышне-крышнями, а с реальными событиями истории.

Покажите, пожалуйста!

Я «благодарствую» скажу.

Это о детях. Взрослые читатели-англосаксы – или, шире говоря, англоязычные читатели – могут познакомиться с работой Эрика Кристиансена «The Northern Crusades». Немцы – с трудом Йоахима Херрмана «Die Slawen in Deutschland». Полагаю, бессмысленным будет вопрошать, почему эти труды не переведены у нас.

Глава II

ВО ТЬМЕ НЕМЫХ ЭПОХ: ОТ БОЕВЫХ ТОПОРОВ ДО ВЕНЕДОВ

*На ощупь во тьму веков.
Мощь и бессилие археологии.
Боевые Топоры – первый
«натиск на восток».
Лужицкая культура – современница
Трои и скифов. Подклешевые погребения.
На свет источников. Загадка венедов.
«Лишь бы не славяне».
Пришельцы или туземцы?
Теория «германских остатков».
Суовены и велеты Птолемея*

*Молчат гробницы, мумии и кости,
Лишь слову жизнь дана.
Из тьмы веков на мировом погосте*

Звучат лишь письма.

Валерий Брюсов

Эти слова великого русского поэта очень точно описывают сложность проблемы, встающую перед исследователями истории любого народа, не оставившего после себя письменных памятников. Археология – свидетель, увы, немой. На каком языке говорили люди той или иной культуры, к какому народу принадлежали – сама она ответить не может. Зачастую одна и та же культура, скажем, именьковская в среднем Поволжье, в трудах разных исследователей становится, в зависимости от их взглядов, то славянской, то угорской, то тюркской. Что говорить о том, как распознать по археологическим остаткам народы, меньше отличающиеся друг от друга?! Буквально – на ощупь.

Археология говорит нам, что у берегов, на которых возникла варяжская Русь, давняя и славная история. Мы можем определить, как жили, где бывали, с кем общались жители южной Балтики – но не можем назвать не то что их имен, Богов, которым они поклонялись, битв, в которых они одерживали победы или терпели поражения – даже о языке, на котором они говорили, мы можем только строить предположения. Пять с лишним тысяч лет назад на тех берегах, о которых мы ведем речь, зародилась так называемая культура боевых топоров. Ее представители великолепно овладели шлифованием камня – из него и были их топоры, приручали скот, возможно, владели и кой-каким земледелием, разобрались и в непростом искусстве плавки меди и бронзы. Передовые отряды Боевых Топоров – фатьяновцы, балановцы, абашевцы – в первый раз в человеческой истории прошли в «натиске на Восток» от берегов будущего Варяжского моря, Балтики, к берегам Оки, Волги, Дона и Камы.

В Московском историческом музее можно увидеть их керамику, каменное оружие и выразительную бронзовую скульптуру Галичского клада. Именно они, а не мифические «финно-угры», освоили дебри будущего русского Залесья. Одни исследователи видели в Боевых Топорах индоевропейцев вообще, общих предков народов, разнесших индоевропейские языки до Ирландии на западе и Индии на востоке. Другие видели в них тевтонов, уже тогда творивших «дранг нах остен», неся троглодитам свет первой культуры – как нетрудно догадаться, такие теории пользовались особой популярностью в Германии. Третьи выбирали, так сказать, золотую середину, видя в них общих предков – но не всех индоевропейцев, а только германцев, славян и балтов (латышей, литовцев и еще нескольких народов, которые к нашему времени растворились в русских, белорусах, поляках и немцах). Наконец, не так давно американская исследовательница литовского происхождения Мария Гимбутас¹ выдвинула версию, что Боевые Топоры были предками именно и собственно балтов. То есть, конечно, понятно, что всяк кулик хвалит свое болото (за исключением разве тех, что водятся в наших краях), но миссис Гимбутас указала на серьезные основания для своего предположения – а именно, на гидронимию, иначе говоря, названия рек и озер. Как-то так получилось, что крепче всего держатся в людской памяти названия не городов и сел (эти, как мы в досталь налюбовались за прошлый век, могут на протяжении одного столетия сменить наименование трижды – скажем, Петербург в течение XX века успел побывать Петроградом, Ленинградом и, наконец, опять Петербургом, ненамного отстал Царицын – Сталинград – Волгоград), не гор и лесов, а именно водоемов. Так вот, Мария Гимбутас установила, что практически на всех обширных землях, по которым расселились когда-то Боевые Топоры, есть балтские названия. Не является исключением – это, читатель, я попрошу Вас запомнить, нам еще предстоит вернуться к этому обстоятельству – и Варяжское побережье, вплоть до Ютландии. Что, если и не доказывает теорию Гимбутас, то придает ее предположению некоторый вес.

¹ Увы, в США не слишком хорошо разбираются в чужих культурных тонкостях – Гимбутас мужская фамилия, по обычаю предков Марии следовало б зваться Гимбутене. А так вышло нечто вроде Natasha Rasputin из американских комиксов.

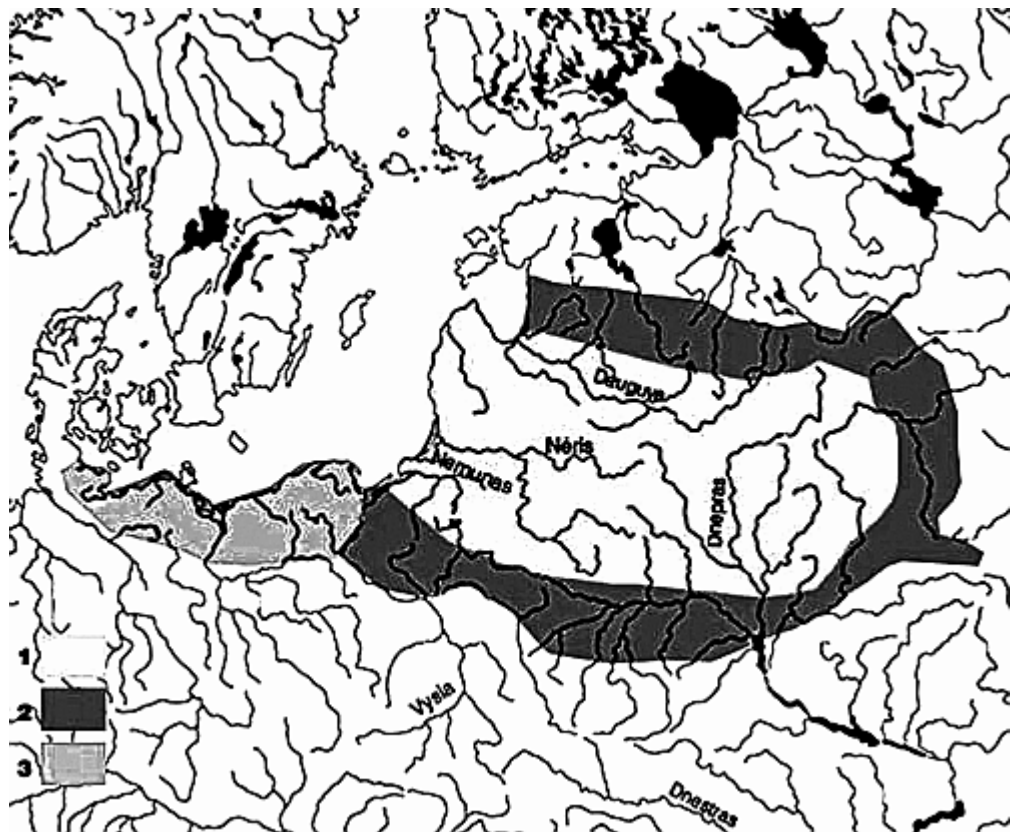
Внешность фатьяновца

Идол солнечного Божества, абашевская культура

Орудия и посуда «культуры Боевых Топоров»

Балтские топонимы. Карта М. Гимбутас.

Как можно видеть, разброс мнений чрезвычайно велик. Так же непросто обстоят дела и с лужицкой культурой, считающейся (и опять же, отнюдь не всеми археологами!) наследницей одной из ветвей Боевых Топоров. Тут даже с географическими границами нет полной ясности – на одних схемах Лужицкая культура «отлучена» от Балтики, зато простирается на юг к Адриатическому, захлестывая аж север Италии! А вот на других на юг она заходит едва ли дальше истоков Одры, зато «получает» выход к Балтийскому морю – между устьями Вислы и той же Одры. Возникла она тридцать два века назад, когда еще стояла Троя, блистали Микены, на Крите, «посреди виноцветного моря» таился в Лабиринте Минотавр – а закончилась ее история за четыре века до начала христианского летоисчисления, когда триста спартанских воинов царя Леонида вошли в историю своим подвигом, а в степях к северу от Черного моря – Понта Эвксинского – клонилось к скорому закату скифское царство. Неподалеку от Гнезно, на озере Бискупин («Епископское») археологи нашли в торфе отлично сохранившееся городище – остатки древнего укрепленного поселения лужицких времен. Торф сберег все – рыболовные сети и горшки, лодки и колеса... Теперь на месте самого выдающегося памятника лужицкой культуры стоит музей под открытым небом, огромная реконструкция, посетив которую каждый может хоть на минуту погрузиться в ту далекую эпоху.

Женщина в костюме лужицких времен

Если Боевые Топоры были преимущественно скотоводами, то люди лужицкой культуры – по преимуществу земледельцы, причем земледельцы весьма оседлые – судя по кладбищам, использовавшимся веками. Если Боевые Топоры хоронили покойников в земле, что дало нам возможность узнать об их внешнем облике, то лужицкая культура лишила нас этой возможности, перейдя к трупосожжению.

По этому поводу Б.А. Рыбаков сделал очень странный комментарий, связав переход от земляных могил к погребальным кострам с переходом от веры в переселение душ к вере в

мир иной, куда уходят покойники. Очень, очень странная мысль – ведь страна, в которой по сию пору большинство населения свято верит в переселение душ (помните – «хорошую религию придумали индусы»?), и сейчас сжигает покойников на кострах, а христианская культура, напрочь отрицая переселение душ, столь же решительно выступает и против кремации, а мертвых именно хоронит.

Реконструкция городища лужицкой культуры

По обычаю бескурганых погребений сожженного праха в урнах лужицкую культуру, вкупе с родственными ей, назвали культурами полей погребальных урн.

Если Боевые Топоры еще стояли одной ногою в каменном веке, представители лужицкой культуры (очень хочется сократить это громоздкое определение до «лужичане», но во избежание путаницы с племенем лужичан, о которых будем упоминать позднее, воздержусь) были уже полноправными представителями века металлов – их орудия были из бронзы, а впоследствии появились и железные. Среди прочего, люди той эпохи делали и бронзовые бритвы. Знали они и торговлю: в их поселениях часто находят предметы из дальних земель – Средиземноморья и скифской степи. Впрочем, не все находки такого рода говорят о торговле – массовые находки скифских стрел на иных городищах рассказывают скорее о дальних набегах кочевников – и о том, что южные края лужицкой культуры казались им желанной, богатой добычей.

Еще, кстати, Рыбаков мельком упомянул о «подражании» позднему линейному письму критян, найденному у жителей лужицкой культуры. К сожалению, тему эту он не развил – хотя казалось бы, что может быть интересней? Немой свидетель мог обрести голос – хотя бы на пару слов. Но по ним можно было бы хотя бы угадать его язык!

Одни из исследователей относят лужицкую культуру к, понятное дело, германцам, другие – к зашедшим далеко на север иллирийцам (предкам современных албанцев), третьи – к фракийцам, родичам знаменитого Спартака, четвертые – к кельтам, наконец, немало исследователей относило их к праславянам.

Выдающийся археолог В.В. Седов, ныне, к сожалению, покойный, полагал лужицкую культуру колыбелью целого ряда европейских народов – германцев, кельтов, славян, италиков – в общем, всех крупных этносов центральной Европы.

По соседству с лужицкой культурой на берегу Балтики располагалась родственная ей поморская. У нее был достаточно любопытный обычай – верх урны, в которую ссыпался прах покойного после сожжения тела на костре, изображался в виде головы человека с лицом. Интересно, что этой голове иногда приделывали глиняные уши с глиняными же серьгами – благодаря чему мы знаем, что этот обычай на юге Балтики возник уже тогда. Иногда в глиняных ушах женских головок вставлено несколько глиняных сережек – по всему, любительницы пирсинга имели в той эпохе достойных предшественниц. Крышки на урны делали в виде шапок – круглых шапок с меховой опушкой, точно таких же, которые будут в ходу на Руси вплоть до Петровских реформ.

На стыке лужицкой и поморской культур образовалась культура подклешевых погребений. Называется она так потому, что покойников в ней хоронили не в изысканных лицевых урнах, а в горшках попроще, накрытых сверху мисками, «клешами» по-польски. Именно с подклешевой культурой Седов связывает возникновение славян. В те времена предки славян активно общались с кельтами гальштатской и латенской культур, заселявшими тогда юг Польши и Чехию – немецкое название Чехии, Богемия, сохранило название одного из кельтских племен – бойев.

Во времена следующей, пшеворской культуры, берега Балтики, наконец, попадают в поле зрения историков Средиземноморья. Из тьмы доисторических, бесписьменных времен мы выходим на свет исторических источников – свет, по правде сказать, пока довольно тусклый.

Первым он выхватывает из тьмы слово «венеды».

Собственно, похоже на то, что народов с таким названием в Европе было не то два, не то даже три. Были адриатические венеты или энеты, которых греческие легенды выводили из Трои. Памятники их языка сохранились – и они имеют немного общего со славянами. Гораздо интереснее в этом отношении венеды балтийские, о которых здесь в основном и будет говориться. Кем были те венеды, с которыми Юлий Цезарь столкнулся в северной Галлии – еще одним народом-тезкой, или балтийскими венедями, сказать трудно.

О балтийских венедах впервые мы узнаем из заметок Корнелия Непота, который рассказывает, как к берегам северной Германии в 58 году прибило бурей корабль... индов. Виновато здесь не только созвучие, но и географические представления древних – они верили, что индийский океан соединяется с северными морями. Исследователи не

сомневаются, что в виду имелись именно веныды (виниды, винды в некоторых написаниях).

Более подробно балтийских венодов первым (опять-таки, если не с ними имел дело Цезарь) описал Публий Корнелий Тацит в своем сочинении «О происхождении германцев и местоположении Германии». Он расположил их между следующими племенами: свевами (предками нынешних швабов) на западе, певкинами или бастарнами на юге, сарматами на юго-востоке и фенами (саамами, лопарями – предки эстонцев и финнов вышли к балтийскому морю позднее, по оценке финского филолога Сятеле, только к 5 веку) на северо-востоке.

«Отнести ли певкинов, венодов и феннов к германцам или сарматам, право, не знаю, хотя певкины, которых некоторые называют бастарнами, речью, образом жизни, оседлостью и жилищами повторяют германцев. Неопрятность у всех, праздность и косность среди знати. Из-за смешанных браков их облик становится все безобразнее, и они приобретают черты сарматов. Веныды приняли многое из их нравов, ибо ради грабежа рыщут по лесам и горам, какие только не существуют между певкинами и феннами. Однако их скорее можно причислить к германцам, потому что они сооружают себе дома, носят щиты и передвигаются пешими, и притом с большой быстротой; все это отмежевывает их от сарматов, проводящих всю жизнь в повозке и на коне».

Я настоятельно рекомендую, читатель, запомнить этот небольшой шедевр римской этнографии. Германец – это такой европейский варвар, который не сармат. И все. Остальное неважно. *Tertium non datur*, третьего не дано. Из трех племен – даже феннов-лопарей! – Публий Корнелий Тацит только в отношении певкинов-бастарнов вспомнил про язык, про то, что нам сегодня, говоря о родстве народов, приходит в голову первым делом. Для Тацита же язык не столь принципиален: ходишь пешком, живешь в доме, укрываешься за щитом – замечательно, ты германец.

Не так уж и задолго до того Гай Юлий Цезарь также безмятежно определил германцев в разновидность галлов. Боюсь, и тут большую роль сыграли общие привычки – ну, например, ношение штанов и нежелание бриться и стричься по-римски – чем какие-то иные критерии.

Поэтому о «германстве» племени можно заключать только в том случае, если есть свидетельства о его языке. Например, про лангобардов-винулов их историк Павел Диакон пишет: «ведь на их языке слово «lang» означает «длинный», а «bart» – борода». Тут можно говорить о германском происхождении племени. Нельзя отлучить от германцев и готов, хотя в источниках и упоминаются между германскими их именами, такими, как Германарих, Атаульф, скажем, или Ульфила, и имена совсем иного звучания – Годида, Витимир, Вадемерка. Эти имена могут говорить о том, что готами иногда называли примкнувшими к племенному союзу готов славян или о переходе имен от славян к готам – как и славяне иногда перенимали имена соседей. Но собственно готский язык был германский, и сие, как ни разочарует это иных читателей, неоспоримо. Латинская эпиграмма «Варварские пиршества» сетует на то, что под звуки готской речи «Eils! ...scapia matzia ia drincan» никто больше не слагает стихи. Думаю, «heil» и «drinken» опознает даже не слишком знакомый с германскими языками человек. Более того, германский язык готов засвидетельствовал через много веков францисканский монах Гийом Рубрук, ездивший от римского папы к хану монголов в 1253 году. В Крыму, как утверждал он, «было много готов, язык которых германский (teutonicum)». Если уж готы говорили по-германски даже в Крыму тринадцатого века, где им определенно не от кого было «набраться» этого, то тем более мы не имеем основания сомневаться в их германоязычии за тысячу лет до того.

Вернемся, однако, к венадам.

Явившись в сочинении Тацита, веныды кочуют по страницам сочинений географов Вечного города без особых приключений полтысячи лет. Малозначительные расхождения в определении их точного месторасположения естественны, и трудно сказать – отмечают ли они изменения реальных границ племени, или всего лишь разницу во взглядах и познаниях информаторов римских мудрецов. Мы узнаем названия тех или иных племен, что живут

неподалеку от них, но это, пожалуй, и все. Ни про обычаи, ни про язык – ни слова. Сыны Волчицы не зря славились прагматизмом – с венедами не воюют, и, видимо, всерьез не торгуют, – чего ж зря переводить ценный папирус? Да, есть такие. Живут во-о-о-н там (а может, на три сандалиии правее... или левее). И все, чего вам еще?

Дело сдвинулось с мертвой точки, когда за стилос – или за перо – взялись те самые народы, что жили неподалеку от венедев и успели с ними навоеваться вдоволь – ну и наторговаться, я думаю, тоже.

Готский историк Иордан в труде «О происхождении и деяниях гетов» пишет так: «В Скифии первыми с запада живет племя гепидов, окруженное великими и славными реками; на севере и северо-западе протекает Тизия; с юга эту же область отсекает сам великий Данубий (Дунай. – *Ē.Ī* .), а с востока – Флютавизий; стремительный и полный водоворотов, он, ярьсь, катится в воды Истра (тоже Дунай. – *Ē.Ī* .). Между этими реками лежит Дакия, которую, наподобие короны, ограждают скалистые Альпы. У левого их склона, спускающегося к северу, начиная от места рождения реки Вистулы (Вислы. А парой строчек позже путаник Иордан обзовет ее же уже Висклой. – *Ē.Ī* .), на безмерных пространствах расположилось многолюдное племя венетов. Хотя их наименования теперь меняются соответственно различным родам и местностям, все же преимущественно они называются склавенами и антами.

(...)

Эти венеты, как мы уже рассказывали в начале нашего изложения... происходят от одного корня и ныне известны под тремя именами: венетов, антов, склавенов. Хотя теперь, по грехам нашим, они свирепствуют повсеместно, но тогда все они подчинялись власти Германариха».

Вот так – получается, что готы, долго и крепко воевавшие с венетами-венедами, числили их прямой родней славян. И другие германцы, кстати, тоже. Конкретнее, это имя закрепилось у германцев за западными славянами, в особенности – за племенами южного берега Балтики, создателями той цивилизации, о которой я собираюсь Вам, читатель, рассказать.

Утверждают, что сами славяне никогда себя так не называли, и никто, кроме немцев их так не звал. И то, и другое неправда. Свою речь называли «венской», *wenske*, еще полабские венды из окрестностей Люнебурга, сохранившие свой язык до XVIII века, до эпохи составления словарей. И, что значительно интереснее, прибалтийские финны – то есть собственно финны-суоми и эстонцы – до сих пор называют русских соответственно *venaja* и *vene* или *veneläinen*. Подобное единодушие между немцами и финскими племенами, до крестовых походов XII века вряд ли имевшими шанс пообщаться, вряд ли могло бы возникнуть, если бы сам народ – точнее, сами народы – юга Балтики не называли себя так.

Отмечу и еще одно обстоятельство. Очень интересно, в каком тоне Иордан, гот, представитель племени, никем и никогда не замеченного в пацифизме, отзывается о венетах и их сородичах: «по грехам нашим, они свирепствуют повсеместно». Впрочем, и Тацит высказывается о них в совершенно том же духе: «ради грабежа рыщут по лесам и горам, какие только не существуют между певкинами и феннами».

Первый век, между прочим. Что там Александр Федорович Гильфердинг толковал про «кроткий и миролюбивый характер»? или злые германцы успели его так покорежить уже ко временам Тацита?

К сожалению, в археологических, лингвистических и исторических кругах сейчас стало модно отрицать любые свидетельства о славянах до VI века. Дескать, только в это время появились упоминания о славянах, а значит, до того никаких славян быть не могло. И венедеды, таким образом, славянами быть не могут – так как нагло существовали задолго до ставшей сакральной даты.

Такой блестящий исследовательский метод применяется только к славянам. Никто не стесняется говорить об угрох, скажем, за века до того, как в десятом столетии о них впервые упомянули источники. Никого не смущает, что тевтоны и кимвры повстречались греческому

мореплавателю Питфею задолго до того, как Юлий Цезарь впервые упомянул о германцах. Нет, такие строгие требования предъявляют к славянам – только и исключительно. Точно так же обстоят дела и с атрибуцией археологических культур, и с прочтением незнакомых имен... иной раз может показаться, что основной критерий такой научности «только бы не славяне!». Тюрки или балты, кельты или иранцы, скандинавы или финны, конечно. Но не славяне. Нельзя. Это относится не только к эпохе до VI века. Но к ней – в первую очередь.

Только этим настроением, царящим в ученых кругах, настроением в самом прямом и буквальном смысле славянофобским, могу я объяснить тот факт, что славянство балтийских венедов, невзирая на свидетельство двух неродственных друг другу языков и ясное указание хрониста-гота из далекого шестого столетия, упрямо не то, что оспаривается – отвергается с порога.

Сейчас, после кончины археолога Седова и лингвиста Трубачева такое настроение, боюсь, станет всеобщим.

Между тем оно мешает. Вполне ощутимо мешает разобраться во множестве загадок истории, в том числе нашей.

В частности, мешает дать напрашивающийся и естественный ответ на один вопрос истории южного побережья Балтики и прилегающих земель, а именно: куда делось «дославянское» население этих земель, когда туда пришли славяне? Традиционно считается, что эти места заселяли «германцы». Считается так, разумеется, потому, что так писали римляне. Остальные соседи этих земель, равно как и само их население, письменных мемуаров не оставило. А методы, которыми римляне отличали германцев от негерманцев, мы уже знаем. Говоря кратко, население интересных нам краев ходило пешком чаще, чем ездило верхом (но все же совсем уж пешеходами не были – шпоры появляются в культурных слоях местных городищ и селищ довольно рано), жило в домах, а не в кибитках и использовало в бою щиты. Ах да, с высокой долей уверенности можно утверждать, что сарматами они не были. Вот, собственно, и все, что следует из того, что эти народы в римских источниках отнесены к германцам.

Официальная точка зрения гласит, что обитавшие в тех местах германские племена ушли отсюда на завоевание Римской империи, а на освобожденных ими территориях расселились славяне. Другая версия утверждает, что германские племена были выметены отсюда нашествием Атилы (про это пугало тогдашней «прогрессивной общественности» мы тоже скажем несколько слов, но позже). Все эти красивые версии разбиваются об один печальный для их сторонников факт. Названия большинства славянских племен и племенных союзов междуречья Лабы (Эльбы) и Одры (Одера) очень близко воспроизводят названия племен «восточных германцев», заселявших их во времена, так сказать, классической античности, или, иначе говоря, расцвета Римской империи.

Вот таблица соответствий, выведенная В.П. Кобычевым в 1970-х годах нашего столетия. Слева – племена римской эпохи, справа – их славянские «наследники».

Лугии	Лужичанс
Ругии	Ругянс или руянс
Силинги	Слензянс
Вельгы	Велеты-лютичи
Лемовии	Лемузы
Марсинги	Марачанс (мораванс)
Гелизии	Геленсичи
Хатты	Хуттичи
Дидуны	Дсдошанс
Хизо-[барды]	Хижанс
[Ланго]-барды	Бодричи
Земноны	Земчичи
Боланы	Полянс
Вандалы	Венеды
Варины, варны	Варны

Здесь разве что параллель лангобарды-бодричи выглядит натянутой. Тем паче, что, как мы еще будем говорить, никаких бодричей не было, а были ободриты (в свою очередь, лангобарды обрели такое имя, только уйдя с прародины, а до этого они величались винулами, согласно их летописцу Павлу Диакону). С другой стороны, список можно и дополнить – например, упоминаемые Иорданом грани поразительно напоминают украин – и по звучанию, и по значению.

Значительность этого обстоятельства подчеркивает его полнейшая уникальность. Более нигде в славянском мире имена племен не повторяют племенные названия дославянских туземцев в таком объеме. Самое большее, что можно вспомнить по этому поводу – сербское племя дуклян на месте эллинской Диоклеи, и северян на Десне, чье имя подозрительно похоже на название сарматского племени савар, живших на этом месте.

Но это и все. И на Востоке, и на Юге славянства дукляне с северянами представляют скорее исключение, чем правило. В целом же – на место истров, либурнов, мезеев приходят требуняне и захлумяне. На смену будинам, неврам, гелонам – дреговичи, древляне, поляне. У смолян, милингов, езеричей, верзичей и ваюничей нет никаких предшественников-тезок на землях Балканского полуострова. А соседящее с ними племя дреговичей вообще являет собой пример яркой приверженности славян племенным названиям пращуров – ведь «дреговичи» происходит от слово «дрягва», болото – не самая характерная деталь для балканского ландшафта! Название говорит нам, что его носители пришли на каменистые холмы Эллады из топких сырых мест.

И только на крайнем западе славянства, в междуречье Лабы и Одры, исключение становится правилом. Что как минимум обозначает, что никакая орда Аттилы никаких первоначальников не смела – иначе от кого славяне узнали бы потом все эти имена и названия? Не по римским же картам они шли к Лабе?!

Кстати говоря, непонятно и иное – куда же ушли эти племена, освободившие-де место славянам добровольно или под настоятельным воздействием Аттилы? Ведь кроме вандалов и ругов (о которых у нас тоже пойдет еще особый разговор) ни одно из перечисленных «германских» племен не проявило себя на землях рушащейся Римской империи! Мы нигде вне очерченных Лабой и Одрю границ не встретим ни луга, ни хизобарда, ни варна...

Тут родилась иная теория – теория «германских остатков». Якобы германские племена на самом деле остались на своих местах, славянское население было сравнительно малочисленно и поверхностно. Потому-то, мол, и дались эти земли германцам так *легко*, потому и изгладилась память о славянах, их языке и обычаях так *быстро*, что славян была горстка промеж остававшихся на своих местах аборигенах (говорили даже о немецком

простонародье и славянских господах!). Как легко догадаться, такая теория была порождена «сумрачным германским гением». Тут все шло в дело – и явно подложные списки первых любекских ратманов, где немецкие имена соединялись с заведомо вымышленными фамилиями вроде «фон Аркона», «фон Юлин» (кто б еще сказал, что жителям этих далеких городов делать в совете Любека) и пр., и обмолвка англо-норманнского хрониста Ордерики Виталия, утверждавшего, что лютичи поклоняются-де... «Гводану, Туру и Фрейе». Ведь ясно, кажется, что Ордерики попросту перенес на лютичей веру своих земляков-язычников – так автор «Сказания о Мамаевом побоище», не мудрствуя лукаво, заставлял «поганого» Мамаю взывать к Перуну и Хорсу, так саги викингов описывали «капища Тора» в финской Биармии, так Юлий Цезарь уверенно называл галльских Богов Юпитером, Аполлоном, Марсом, Меркурием и Венерой. Первым же из известных нам прибега к этому приему «Отец истории» Геродот – он рассказывал соотечественникам-афинянам, что в Египте Ареса, бога войны, почитают с головою сокола, а в Скифии – вообще в виде воткнутого в грудь хвороста меча.

Я не буду сейчас рассказывать, как «легко» и «быстро» происходила германизация славянской Атлантиды. Об этом поговорим попозже. Но теория германских остатков натывается на два непреодолимых препятствия – во-первых, свидетельства христианских миссионеров, посещавших земли ободритов и поморян. Они немало странствовали по землям к Востоку от Лабы, описали города и языческие храмы², озера и дубравы, но ни полусловом нигде не намекнули о повстречавшихся им людях, которые бы говорили на понятном и знакомом им германском языке! А ведь, согласно теории германских остатков, таких людей должно было остаться значительное множество, если не боль шинство!

Предположим, что проповедники как-то пропустили такое «малозаметное» обстоятельство, как присутствие в вендских землях множества своих соплеменников. Но есть и еще одно препятствие – язык земли, название сел, хуторов, рек, урочищ. Очень часто, даже когда прежние хозяева земли оттеснены или истреблены, память о них сохраняет именно язык земли, топонимика. Чтоб не погружаться за примером вглубь веков и не вступать на скользкую дорожку сомнительных этимологий, вроде поиска «финских» корней для названий Ильмень, Суздаль, Москва, Рязань, которыми до сих пор балуются горе-лингвисты, возьмем пример поочевиднее. Среди Соединенных Штатов Америки двадцать пять носят имена, восходящие к языкам краснокожих аборигенов – Юта, Айова, Техас, Висконсин, Алабама и многие, многие другие. Так что, останься на землях между Одрой и Лабой значительное количество германцев, их присутствие отразилось бы в названиях.

И тут тоже с германством «не срastaется». Если мы посмотрим на старинные, средневековые³ карты и земельные грамоты – в них часто переселяются поселения и всяческие географические ориентиры – мы увидим, что названия мест в этих краях отражают отнюдь не германскую речь.

Тут есть Барновичи, Вершичи, Гостирадичи, Мыследаржичи, есть Гориславь, Даргомьшль, Тешимирь, Хотин, Славятин, Чехов, есть Борки, Подлуги, Уезд, Рыбница, Кремьень, Глина и Заезерьье, есть Ратае, Свинаре и Ковале, есть Лупигловы и Белокуры, есть Поздиволк, Турин, Могилин, Торгов. Есть Белбог, Радигощ, Перун, Святогора и Требница.

А вот с германскими названиями туго.

Так что лично я предпочту считать, что перечисленные племена были венедскими, славянскими.

² Кстати, храмов «Гводена, Тура и Фрейи» они нигде не увидели, это только Ордерику из далекой Британии могло привидеться подобное.

³ Это должны быть именно средневековые карты. Современные названия, даже и восходящие временами к славянским, за века изменились до неузнаваемости. Может выйти конфуз, как с тем же Гильфердингом, который, увидев на карте своего времени словечко Ziesar, решил, что славяне слышали про Цезарей. На самом деле на средневековых картах это название фигурирует как Заезерьье – слово, нет спору, славянское, но никаких цезарей...

Ну вот например – возьмем края варинов-варнов. Как раз те, кто должен был бы входить в число «германских остатков» по мысли создателей этой теории.

В 1232 году там находились: озеро Варинское, речка Тепница, ручей Студеный (как я уже говорил, озера, реки и прочие водоемы самый надежный индикатор, в Новой Англии, где никаких индейцев нет уже лет триста-четыреста, большинство названий рек и озер – индейские). Кроме того мы встречаем там болото Голенский луг (Guolenske lug), Живанов лес, речка Рострубовица, озеро Душинское, ручей Душница, озеро Бельчь, село Предел между Язвинами и Вановыми могилами (Wanove mogili), Махначи, Мирово, Погловы, Долгие Луги и Водровый Лаз.

Не знаю, читатель, как вы, а по мне так все это оставили скорее славяне, чем германцы.

Что интересно – упоминавшаяся уже Мария Гимбутас признает первым упоминанием славян «суовенов» на карте Птоломея (II век). Напомню еще раз – американка литовского происхождения, человек, которого в славянофильстве может обвинить только очень уж упертый параноик. А отечественные исследователи как вцепились в VI век, так и не желают видеть ничего славянского за этой границей – ни отдельных слов, ни названий племен, впоследствии появляющихся в качестве заведомых славян, ни собственно своего фетиша – «общеславянского самоназвания». Они настаивают на позднейшей описке, превращая суовенов в ставанов и почему-то считая их балтами – хотя подобное племя истории балтских народов неизвестно. Но... не славяне – значит, научно.

«Племя»⁴, о котором я говорю, это велеты. С ними нам много раз придется сталкиваться на страницах этой книги, первый же случай их упоминания – та же карта Птоломея, рядом с суовенами.

Во времена Птоломея славяне уже жили на варяжских берегах.

Глава III

В ЗАРЕВЕ ВЕЛИКИХ ПОЖАРОВ: ОТ ПАДЕНИЯ РИМА ДО БРАВАЛЛЫ

Родословные вендских князей. Радагайс. Крок, Крак, Краки. Загадка гуннов. Руги-федераты – варяги-русь? Одоакр, первый герой Руси. «Тидрек-сага». «Утрехтский летописец» – велеты против короля Артура. Фризско-саксо-велетский союз. Вендель. Скандинавия: таинственный конунг Висбур. Посланцы с гусями: «благородные дикари»? Шпионы? Волхвы? Битвы за Данию: Саксон Грамматик. Бравалльская битва – конец легенды, начало истории.

Ну, а зная все это, мы не можем отмахиваться от данных родословных мекленбургских князей, что опубликовал на русском языке Всеволод Игоревич Меркулов. Правители Мекленбурга происходили от вендских князей и ничуть не скрывали этого, наоборот – гордились. Согласно их родовым преданиям, предком-родоначальником их был Радегаст – Радагайс или Редегаст римских историков, вождь варваров, который в свое время внушал Вечному городу и доживавшей последние годы империи не меньший ужас, чем Аттила. Он представлен в хрониках (особенно авторов-христиан), как варвар из варваров, страшнее любых готов и вандалов – ибо вожди тех уже в основном были христианами – а Радагайс ярый язычник. «Варвар из варваров», кроме того, предводительствовал не взбунтовавшимися римскими солдатами варварского происхождения, а ордой диких племен, живших «от Дуная до Рейна» (то есть как раз в тех местах, где обитали венеда, луги, велеты, варны, суовены и прочие), его полчища, уверяли испуганные римляне, насчитывали двести или даже четыреста тысяч воинов. В Риме взбурлила смута, подняли голову язычники, видевшие в Радегасте кару древних Богов оставившему их Городу, христианские летописцы с негодованием упоминают о возобновившихся жертвоприношениях у старых алтарей. Остановить варваров

⁴ Точнее, союз племен, если использовать язык этнографической науки, «княжение», «земля», если выбрать определения русской летописи, или, если обратиться к терминам византийских хронистов, «Славиния».

удалось буквально на пороге Рима, в теснинах северной Италии, но войска для этого собирали со всей империи, наняли конные отряды гунна Ульдина и алана Гоара, остроготскую пехоту. Подтянули легионы даже от далекой Британии – и больше туда Рим не вернулся. Войсками империи руководил лучший полководец того времени – Стилихон – кстати, сам полуварвар. Но только благодаря переметнувшемуся готам Радагайса-Радегаста удалось разбить. Олимпиодор утверждает, что лучших людей («оптиматов») Радегаста, взятых в плен, Стилихон взял в свою гвардию. Правда, Олимпиодор называет совершенно несусветную численность этих «оптиматов» – в двенадцать тысяч. Это какая ж была у Стилихона гвардия? Даже если предположить, что накинули лишний нолик⁵, все равно изрядно...

Стилихон, бывший истовым христианином, после победы над язычником Радегастом решил приструнить и своих приверженцев старины – чтоб не вздумали говорить, что это Боги вняли их мольбам и защитили Город! Он предал огню святыню римских Богов – пророческие свитки Сивиллы.

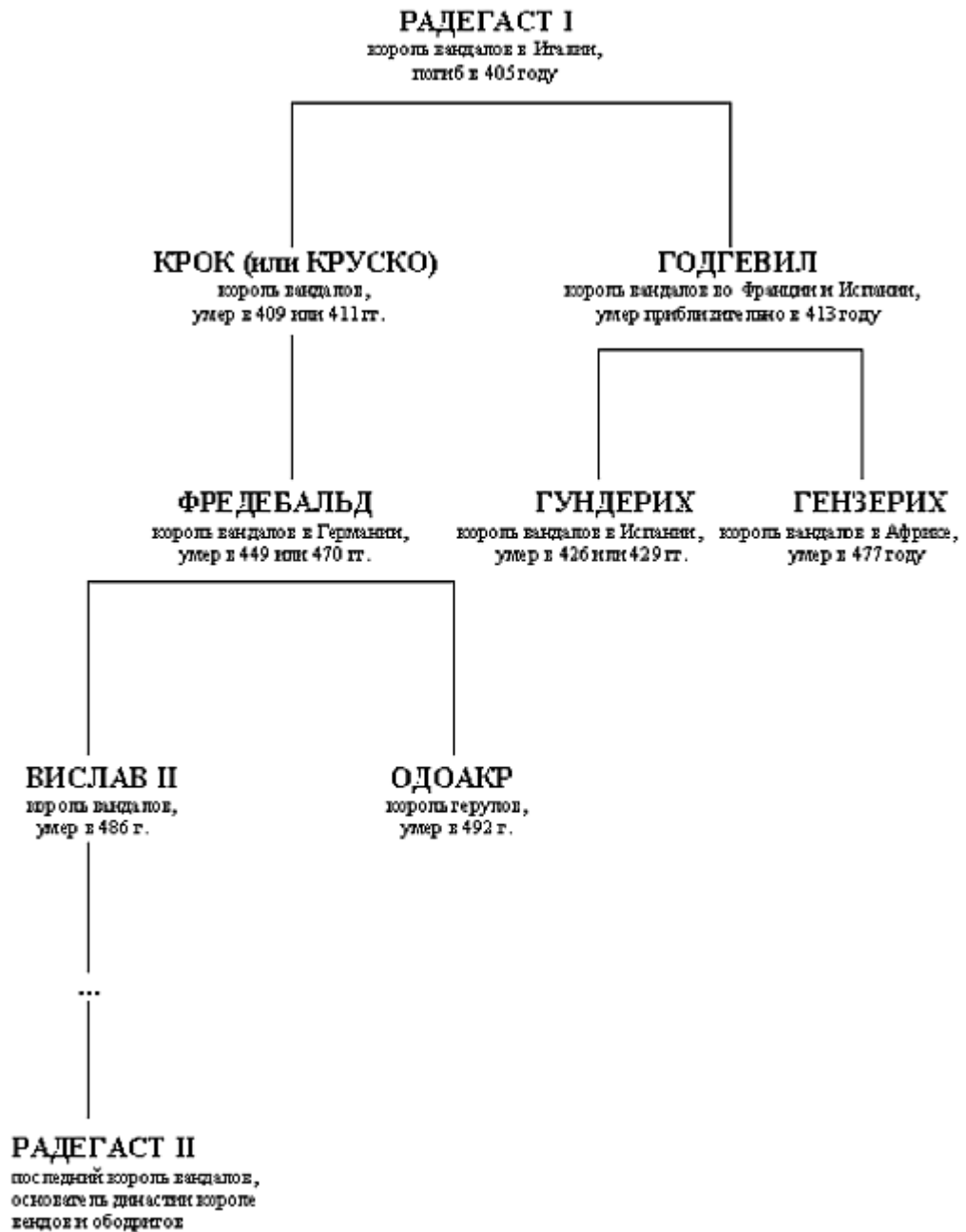
Через три года Стилихон был убит по приказу своего воспитанника, императора Гонория.

Еще через два года войско христианина-варвара Алариха впервые за многие века вошло в Вечный город, предав столицу империи огню и железу.

А память о Радагайса-Радегасте многие исследователи видят в почитании бога-воина Радегаста-Сварожича в земле велетского племени ратарей, описанного средневековыми миссионерами и хронистами.

Согласно генеалогии Бухгольца, сыном Радегаста был Крок. С этим именем связан ряд легенд, причем не только славянских. Скажем, у чехов Крок почитается, как древний справедливый правитель, скорее праведный и мудрый судья, чем военный вождь. Согласно легенде, ему наследовала одна из трех дочерей, которые все были ведуньями-жрицами. Другая вышла замуж за богатыря по имени Бивой, голыми руками победившего вепря-людоеда. У поляков есть предание о князе по имени Крак, мудром и справедливом правителе, основателе Кракова, которому наследовала дочь-ведунья Ванда. На сходство этих легенд давно обратили внимание. А вот мне довелось обратить внимание на другое интересное соответствие. Есть датская легенда о Хрольфе Краки, конунге, прославленном более мудростью и справедливостью, чем подвигами на поле брани или военными походами – для скандинавских легенд герой не вполне обычный. Как и время Крака в жизни поляков, Крока – в чешской истории, правление Краки воспринималось как этакий золой век местного значения. Как и они, он не имел сыновей. Как и им, ему наследовала дочь-колдунья Скульд. Но вот тут уже вступал со своим голосом скандинавский менталитет. К магии, тем более женской, скандинавы задолго до крещения относились вполне однозначно. В саге дочь Краки изображена злобной ведьмой, погубившей отца и разрушившей плоды многих лет его заботы о земле и народе. Примечательней же всего было то, что жил на свете Краки как раз в те годы, что и Крок из родословной – если он действительно приходился сыном Радегасту-Радагайсу.

⁵ Хотя... а как тут накинешь? Там же наверняка римские цифры были, а в них, например, 5 будет V, 50 это L, а 500 – D. Тут ноликом не обойдешься...

Генеалогия Бухгольца (по книге В.И. Меркулова)

Чешский Крок с дочерьми

Через некоторое время я наткнулся на статью Мелетинского об англосаксонском эпосе, в котором он указывал на параллели между героями англо-саксонского «Беовульфа» и датской саги о Хрольфе Краки. Сам конунг там едва упоминался, как Хротульф, а еще указывалось на параллель между Беовульфом (т.е. «пчелиным волком», «Медведем») и Бодваром Бьярки («Медвежонком»), героем и победителем чудовищ из дружины Краки. И тут я вспомнил о мелькнувшей у меня мысли – когда всплыл параллели между Краком, Кроком, Краки и их вещими дочерьми, поневоле припомнился Бивой, и подумалось – да не Беовульф ли это? Оказывается, вполне возможно.

Курган Крака под Краковом

И вырисовалась примерно вот такая таблица соответствий между западнославянскими и скандинавскими героями:

Ванда

	Чешские легенды	Польские легенды	Сага о Хрольфе Краки	Беовульф
Миротлюбивый, но мудрый и праведный правитель локального «Золотого вьска»	Крок +	Крак +	Хрольф Краки +	Хродульф +/-
Его дочь-наследница, вещая ведунья	Либуше (сестры Кази и Тета) +	Ванда +	Скульд -	
Герой, победивший чудовище	Бивой		Бодвар Бьярки	Беовульф

Затруднюсь сказать, что значит такое сходство персонажей. Вряд ли оно случайно, но даже если и нет, то о чем говорит? Отражение ли это неких реальных исторических событий

– или остатки какого-то общего эпоса? В любом случае они указывают на гораздо более тесное переплетение судеб славян и германцев, чем принято обыкновенно считать.

Следующим историческим персонажем, с которым связана судьба балтийского славянства, можно считать... гунна Аттилу.

Гунны, без преувеличения, самый загадочный народ, пронесшийся над Европой в том смерче, который именуют «Великим переселением народов». У нас есть два подробных описания гуннов – труд римского историка Аммиана Марцеллина (на нем, собственно, и основано нынешнее представление о гуннах вообще, об их внешности и образе жизни), и мемуары дипломата Приска Панийского, ездившего в столицу Аттилы с византийским посольством. Так вот если вычеркнуть из обоих описаний слово «гунны», то никто не догадается по ним, что речь идет об одном и том же народе. Гунны Аммиана безобразны, подобны «двуногим зверям». Приск отмечает красоту гуннских женщин, а встретив прижившегося среди гуннов элина, не узнал в нем земляка, пока тот не заговорил. Гунны Аммиана проводят жизнь на седле и в кибитке, боясь зданий, будто гробниц, и всю жизнь проводят в кочевьях, так что никто из них не знает, где родился. Приск описывает столицу Аттилы, как настоящий деревянный город, описывает и дворец вождя. Аммиан утверждает, что гунны никогда не касаются сохи. Согласно Приску, гуннское простонародье пьет напиток из ячменя, а знать любит вино – и то, и другое без земледелия немислимо. Гунны Аммиана одеваются в шкуры и носят их, пока те не развалятся. Гунны Приска одеваются хорошо, а знатные – даже роскошно. Интересно – особенно для нашей темы – то, что Приск величает Аттилу «повелителем отдаленных островов океана». Речь, скорее всего, идет про Балтийское море – к иному «океану» владения Аттилы не могли выйти в принципе. Но... каким образом их «повелителем» мог бы стать вождь конной орды кочевников, которые, как это живописно обрисовано у Аммиана, спустившись с седла, едва могут ходить? Никакая конница и в более поздние времена не доходила до балтийских берегов из Приднепровья или Подунавья. Тем паче невозможно было это полторы тысячелетия назад.

На занимательные мысли наталкивает и рассмотрение образа Аттилы в эпической Германской поэзии. Если Вы, читатель, смотрели немой фильм Фрица Ланга «Нибелунги» – а если не смотрели, сделайте это при первой возможности, оно того стоит! – то помните основную коллизию второй серии, посвященной мести Кримхильды за подло убитого Зигфрида. Тевтонская богиня, чтоб заполучить оружие против убийц, отдает себя полужверю. Особенно ярко это отражено в сцене, где Кримхильда (в блестящем исполнении Маргарет Шен) спускается... нет, **сниходит** ! в главный зал хором Аттилы (не менее блестяще сыгранного Рудольфа Кляйне-Рогге). И полужверь отлично понимает, что к нему сниходят, он благоговеет, он счастлив, он готов порвать в клочья всякого, исполнить любое повеление – лишь бы ледяная статуя на ступенях приняла его руку и сделала шаг...

Великолепно выдуманно, бесподобно снято, божественно сыграно... вот только никакого отношения к реальному образу Аттилы в «Песни о Нибелунгах», да и в более ранних легендах германцев и скандинавов, не имеет. В поэмах англосаксов, когда прославляют могущественных и славных правителей прошлого, именно Аттилу-«Этлу» называют в самом начале, вторым после Александра, но – перед «Эрманриком», Германрихом, легендарным готским королем. Кстати, и в других англосаксонских поэмах гунны идут в перечислении народов на первом месте. В скандинавской «Старшей Эдде» мать вдовы Сигурда – скандинавского аналога Зигфрида – говорит про Аттилу:

Аттила благоговеет перед Тевтонской Богиней («Нибелунги», 1927)

Великого конунга я тебе выбрала, *первым из всех он признан повсюду* .
Да и «Песнь о Нибелунгах» высказывается про Аттилу-«Этцеля» в тех же похвальных тонах:

*Как ни суди об Этцеле, завидный он жених.
От Роны вплоть до Рейна он всех людей славней.
От Эльбы и до моря нет короля сильней.
Себя прославил Этцель так, что из всех краев
К его двору стекалось немало удальцов.
Был с каждым он приветлив, учтив и щедр без меры,
Будь то боец языческой иль христианской веры.*

Как видим, настоящие германцы и скандинавы нимало не испытывали к гуннам презрения или отвращения, скорее наоборот. И не зря многие из прославленных героев германских легенд служили Аттиле – Теодорих (Дитрих, Тидрек) Бернский⁶, Хильдебранд, Вальдер и другие. И даже само имя Аттилы, в его скандинавской огласовке «Атли» носили впоследствии многие ярлы и конунги скандинавов даже полтысячи лет спустя после его смерти. Мужское имя Гуннар и женское Гунн считались на севере аристократическими. Впрочем, если верить Иордану, в его времена использование готами гуннских имен носило массовый характер.

⁶ Здесь, однако, некоторая путаница – Аттиле на самом деле служил не Бернский, то есть Веронский, Теодорих, а его отец, которого звали Теодомиром – впрочем, для эпоса путаница минимальна.

Нордический Аттила кисти Делакруа. Смех смехом, а «Старшая Эдда» Атти-Аттилу называет Длиннобородым

Поневоле возникает вопрос – а могли ли так относиться гордые германцы к чумазому раскосому дикарю из кибитки? Могло ли сложиться такое отношение к пришельцам-завоевателям с совершенно чужими и чуждыми обычаями, внешностью, образом жизни?

Интересно, что у кране, племя, входившее в велетский союз, считали своих князей потомками Аттилы. Беда – Бå да, а не Бедå – Достопочтенный, священник-англосакс, в VII веке помещал гуннов между данами и саксами. На землях велетов и ободритов, ставших германскими, древние курганы называли «могилой гунна». Да и тот же Приск... рассказывая о жизни подданных Аттилы, он говорит, что они называли свой любимый напиток «мед», а Иордан, описывая погребение гуннского вождя, говорит, что погребальный пир гунны на своем языке именовали «стравой». Два слова дошло до нас из языка европейских гуннов, и оба они оказались славянскими. Будь они, скажем, финскими, или кельтскими, или иранскими, или германскими – никаких споров о происхождении гуннов не возникало бы более.

«Могилы гуннов» на южном берегу Балтики. Каспар Дэвид Фридрих

Но ведь славяне – это же «ненаучно»...

Не буду, впрочем, говорить, что все ясно. С одной стороны, что-то должны значить римские описания гуннов как не слезающих с седла кочевников со страхолюдными физиономиями? Там отнюдь не один Марцеллин отметился. Традиция распространять имя гуннов на степные народы вроде авар или болгар тоже что-то да значит. Кстати, ей и русичи не брезговали – недаром половцы в «Слове о полку Игореве» и татары в «Задонщине» названы гуннами-«хиновой». С другой стороны, есть сведения о гуннах, как фризском племени. Тот же Беда считает их... германцами. В общем, как я и говорил, вопрос с гуннами крайне запутанный, и, по всей видимости, однозначного ответа не имеет. В любом случае, в истории европейских гуннов, гуннов Атиллы, балтийские славяне приняли участие, и участие заметное. Недаром та же «Старшая Эдда» среди послов, присланных Атиллой за невестой, называет некоего Ярослава⁷.

А сейчас пришла пора уделить несколько слов народу, который имеет немалое значение для нашей темы. Благодаря именно ему мы говорим не только о «балтийских славянах», но и о варяжской Руси!

Где-то во II – III веках от НХЛ Римская империя, уже начавшая утрачивать тот воинский дух, что сделал римлян повелителями половины известного им мира, пригласила на свои земли у Дунайской границы варварское племя. В обмен на землю варвары должны защищать империю от других варваров. В общем, чтобы не отдавать землю империи варварам, ее отдавали варварам. Такие, «прирученные» варвары назывались федераты.

Племя, о котором мы говорим, называлось руги.

В I веке его упоминает Тацит на юге Балтики, и на острове Рюген. Го т Иордан отзывается о них, как о превосходящих германцев (!!) духом и телом. В начале IV века в Веронском документе они фигурируют, как федераты империи, расселенные на землях дунайской провинции Норик. В следующем веке они воюют с готами, союзничают с

⁷ Любителям похихикать над «Богданом Гатылой» украинского писателя Билька хочу напомнить – первыми славянизировать Атиллу начали **русские** авторы. Исследователи Венелин и Иловайский, писатели Вельтман и Кондратьев, ...

гуннами. Кстати, один из вождей гуннов, дядя Атиллы, носит имя Ругилы или Руги. В VI веке государство ругов погибло, но руги – точнее, «ругины» – в VII веке упоминаются тем же Бедой Достопочтенным. С этого момента, кстати, даже строгие радетели недопущения в историю «ненаучных славян» согласны говорить об славянстве ругинов – из-за славянского окончания «ин» (сравните «русин», «славянин» и пр.). В средневековых латиноязычных германских источниках ругами всегда именуют русов. Широко известно упоминание княгини Ольги, Елены в крещении, как «Елены, королевы ругов» в «Хронике продолжателя Регинона». В Раффельштетенском торговом уставе (904 год) упоминаются «славяне из ругов», приезжающие в этот верхненемецкий город с торговлей. Назаренко колеблется, не торопясь причислять отождествление русов и ругов к «книжной» этнонимии, основанной на простом созвучии. «Практически все случаи его употребления так или иначе связаны с автопсией (то есть сообщениями очевидцев. – *Ё.И.*), что существенно подрывает предположение о книжном характере термина применительно к Руси», – замечает он. А.Г. Кузьмин, исследовавший огромное количество таких сообщений и особое внимание уделявший сообщениям источников о русах в Средней Европе, выразался еще категоричнее: «Тождество ругов и русов не гипотеза и даже не вывод. Это лежащий на поверхности факт, прямое чтение источников, несогласие с которыми надо серьезно мотивировать».

Тождество ругов с русами позволяет ответить на один из важнейших вопросов нашей истории – кто же такие варяги-русь, создавшее нашу страну и давшие начало роду Рюриковичей, семь столетий правившему ею. Дело в том, что варяги, или, как они называются в сагах, веринги, многими исследователями считаются калькой, переводом с римского «федераты». Норманнисты, считающие, что варяги – это название скандинавов, породили чудесную схему: норманны через славянские земли ехали на службу в Царьград, там получали название «верингов» и потом, возвращаясь на родину, назывались таким именем, под коим их и запомнили славяне.

В Царьград они, очевидно, ехали молча. Может, вообще, тайком и украдкой.

Ко всему прочему – скандинавы в Византии федератами не назывались и называться не могли – слишком далеко жили от ее границ. Наемниками они там были, наемниками из дворцовой гвардии, и только. Причем «Сага о людях из лососьей долины» совершенно ясно сообщает, что ее герой Болле сын Болле, прибыв в Константинополь и присоединившись к дружине «верингов», был **первым из норманнов**, которые служили императору Восточного Рима. Чтоб обойти это крайне неудобное для них свидетельство, норманнисты идут, к сожалению, на прямой подлог под видом перевода. Вместо «норманнов» пишут «норвежцев и исландцев», хотя такого значения слово «норманн» никогда не имело. Норманн может означать норвежца – и до сих пор остается самоназванием этой нации – или скандинава вообще, или, наконец, представителя любого племени на берегах Балтийского моря. Так термином пользовались за пределами Скандинавии – франки и их южные и западные соседи. В их хрониках «норманнами» становятся северные саксы-нордальбинги, и балтийские славяне.

Но мы отвлеклись, вернемся к ругам – точнее, все же к русам, ибо, как справедливо отмечает В.И. Меркулов, не было народа, называвшего себя ругами. Только пройдя двойное искажение у римского автора, услышавшего его от германцев, или у германца, пишущего на латыни, имя приобретало такое звучание. Так вот, они, в отличие от скандинавов, как раз и были федератами-верингами, да не кого-нибудь, а великого, еще не утратившего большую часть своего блеска и славы Рима. И такое положение было настолько почетно, что его как раз могли превратить в название народа: «смотрите, дикари из болот и чащоб, мы – не вы, мы – федераты, мы – веринги, мы служим великому Риму!»

По крайней мере, это было бы более разумно, чем странная версия, по которой скандинавы получили от славян название по статусу, полученному ими в третьей стране, путь в которую лежал через славянские земли...

Земля дунайских ругов-русов оставила по себе память в целом гнезде местных названий и личных имен от слова «рус, русский». Документы эпохи Карла Великого

отмечают на том же месте «Русскую Марку». Интересно, что и ближайшие соседи и сородичи ругов – ободриты – тоже отметились на Дунае, и в тех же самых местах. И в русских летописях мелькают некие «варяги дунайские».

Самым знаменитым ругом-русом того времени, без сомнения, должен считаться Одоакр. Личность, надо сказать, тоже весьма загадочная – не меньше, чем, скажем, гунны. Кем его только не называют в источниках! И внуком тому самому Кроку, и безродным, и сыном вождя. И готом (ну, это понятно, служил в готских отрядах, значит гот), и «герулом с острова Рюген», и скиром. Скиры эти сами по себе странный народ. Жили где-то рядом с венедами, в государстве Атиллы играли немалую роль. Римские источники называют их – ну естественно! – германцами, а историки послушно это повторяют. Я же не буду в третий раз повторять, что значит «германцы» в устах римских историков, и сколько веса это определение имеет. Вождь скиров Едико был приближенным Атиллы и возглавлял посольство гуннского повелителя в Константинополь. Вместе с ним в посольстве ехал римлянин на гуннской службе – да, бывали и такие типажи – по имени Орест. После смерти Атиллы и распада его скороспелой державы вождь остроготов Теодомир разгромил скиров и убил Едико. После этого поражения скиры так и не оправились. Более они не появлялись на исторической арене.

Монета Одоакра

Иордан же именуется Одоакра ругом. Может, скиры и были одним из ругских племен? Одоакр из родных мест пришел в провинцию Норик – точнее, уже в королевство русов. Там он повстречался с отшельником Северином – его житие до сих пор служит одним из основных источников о королевстве русов. Отшельник пользовался большой популярностью в провинции и имел влияния даже на короля русов, которому уже давно принадлежала реальная власть в Норике. Более того, уважение к Северину испытывал и сосед ругов, заклятый язычник, король алеманов Гильбульд. Впрочем, Северин и не пользовался известностью в интересах своей веры – не сказано, чтоб он пытался обратиться к королю, часто внимавшего его советам, или королевского вельможу, чьего сына исцелил. Не очень понятно поэтому, за какие заслуги Северина величают «апостолом ругов». Среди примеров прозорливости святого житие приводит и историю о его встрече с молодым еще Одоакром. Юный великан явился к старцу, славному предсказаниями, чтобы узнать о своей судьбе. Одетый в шитую из шкур одежду, он едва не выворотил низкий потолок кельи отшельника головой. Отшельник предсказал ему, что, отправившись в Италию, он прославится и станет великим властелином. Предсказание сбылось. Когда Одоакр со своими людьми прибыл в Италию, Римом, точнее Равенной, куда из разоренной готами и вандалами столицы переместилось правительство умирающей империи, правил от имени провозглашенного императором сына патриций Орест – тот самый, что некогда служил Атилле и ходил послом в Константинополь вместе с скиром Едиком. В скором времени Одоакр стал командующим войсками Ореста – а потом возглавил мятеж недовольных правителем воинов. Орест погиб, его малолетний сын, Ромул Августул, вскоре отрекся от престола. Одоакр не стал облачать в императорские регалии очередную марионетку, не стал надевать их и сам. Он фактически «закрыв» западную Римскую империю, отправив регалии в Константинополь, императору

Зенону. Православный владыка отблагодарил варвара за щедрый дар, натравив на него вождя остроготов, воспитывавшегося в Константинополе Теодориха, сына разгромившего скиров Теодомира. Война длилась долго, пока Одоакра не убили предательски на пиру в честь «примирения».

У нас Одоакра не очень рисуют, а вот на Западе эту тему очень любили еще более ста лет назад. Одоакр и Северин

Одоакр и его воины

Одоакр принимает отречение Ромула Августула

Самое интересное – об Одоакре, судя по всему, помнили на Руси. Спустя семь веков после его гибели новгородский летописец, рассказывая о взятии Царьграда крестоносцами, особо отметил, что их вождь был из «Берна» (Вероны), особо отметил – «идеже бысть злый поганый Дидрех» – то есть Дитрих, как звали Теодриха в немецких песнях и преданиях. Иной причины настолько ненавидеть давно умершего вождя остроготов кроме убийства соплеменника-Одоакра у новгородского летописца не было. Интересна мимолетность упоминания – видимо, «злый поганый Дидрех» и его злодеяние хорошо были известны возможным читателям – землякам современникам летописца.

Об «князе Одоацере», взявшем Рим во главе русов «из Ругии, с Балтийского или Немецкого Поморья», напомнил своим воинам-запорожцам Богдан Хмельной речи с «древним русским Одоацером» сравнит гетмана Богдана его писарь Самийло Зирка.

Вот именно поэтому – а отнюдь не только потому, что мне так хотелось или так интереснее, я и предпочел версию Иордана об Одоакре-руге.

Помнили Теодориха и в варяжской Руси, через которую память об Одоакре и его гибели могла прийти на земли Руси Новгородской и Киевской. Народная легенда поставила его во главе полуночной Дикой Охоты проклятых душ. На это обратил внимание еще славянофил Хомяков в своей книге «Семирамида».

Германцы также помнили о вражде Теодориха с русами. Сохранилась «Тидрек-сага», рассказывающая о войнах, которые вели, с одной стороны, конунги готов и гуннов, а с другой – вожди русов и «вильтинов» – то есть вильцев, велетов⁸. По этой последней детали мы можем определить, когда сложилось это предание. Дело в том, что в X веке велеты стали называться лютичами. Прежнее название очень быстро вытеснило старое. Еще Фортинский в 1872 году обратил внимание, что германский хронист начала XI столетия Титмар Мерзебургский употребляет слово «велеты» только в цитатах из более ранних летописцев, когда же рассказывает сам, то говорит только о «лютичах». Во французской «Песни о Роланде», скажем, хотя и идет речь о временах Карла Великого (действительно воевавшего с велетами, о чем мы будем говорить позднее), но говорится именно о «лютиче (leutiz) Дапаморе». Из этого можно заключить, что песня складывалась позже времен Карла. В саге же, наоборот, говорится только о «вильтинах» и нигде – о лютичах. Значит, она была сложена никак не раньше начала XI века.

И вот что любопытно – если с гуннской и готской стороны выступают, соответственно, Аттила (что любопытно, в саге его владения скорее где-то во Фрисландии), и Тидрек (Теодорих) Бернский, то со стороны русов выступают, кроме Озантрикса (в котором иногда видят Одоакра), конунг Вальдамар и его главный воин Илиас (Илья) Русский. Традиционно считается, что они попали туда из русских былин, связанных-де с Владимиром Крестителем. Но если, как мы видели, сага не могла сложиться позже начала XI века, то о каком влиянии былин про Крестителя можно говорить? Креститель на момент сложения саги был или живым современником, или недавним покойником. Вывести его в саге, как современника Аттилы – решительно невозможно. И получается, что речь о каком-то совсем ином Владимире – а то и об иной Руси. Тем паче, что ЭТА Русь граничит с вильтинами-велетами – и одновременно с итальянскими владениями Тидрека-Теодориха. Да не дунайское ли королевство русов-ругов перед нами? На эту мысль наводит и зачин саги: «Сага эта начинается в Апулии и идет к северу по Лангобардии и Венеции в Швабию, Венгрию, *Руссию*, Виндланд, Данию...» Как видим, «Руссия» саги лежит между Венгрией и Виндландом – землями полабских славян. Но ведь и в наших былинах, на что нечасто обращают внимание, Киев, в котором княжит Владимир Красно Солнышко, стоит на Дунае, а не на Днепре. Впрочем, былинам я посвятил особую книгу, выдержавшую уже два издания.

Но, пожалуй, не менее познавательны для нашей темы те строки саги, которые связаны не с противостоянием Владимира Красна Солнышка и Ильи Аттиле и Теодориху, а с

⁸ Еще упоминаются «пулины» – поляне, поляки, но они, в отличие от русов и вильтинов, активными действующими лицами не являются, говорится только, что они – соседи и близкая родня и тем, и другим..

народом вильтинов или вилькинов. В начале саги рассказано, как конунг Вильтин (или Вилькин), эпоним⁹ – прародитель велетов-вильцев, – покоровивший Свитьод (Швецию, точнее, собственно землю свеев) и Гуталанд (остров Готланд), «все царство Шведского конунга» (напоминаю, сага – **шведская** !), Сканию (Сконе, область на юге современной Швеции), Скаланд (вряд ли имеется в виду одноименный поселок на севере современной Норвегии, но что именно – сказать не решусь), Ютланд (Ютландия, Дания), Винланд (в данном случае, конечно, это не «виноградная страна», открытая по ту сторону Атлантики Лейвом Счастливым, а страна виндов, полабских славян). Картина, что и говорить, совершенно поразительная – чужаку, не скандинаву и даже не германцу приписаны совершенно поразительные завоевания в Скандинавских землях. Даже если сделать поправку на то, что речь скорее о набегах, чем о завоевании в нынешнем смысле – все равно поразительно. Хотя археологически присутствие славян зафиксировано практически во всех перечисленных землях – от значительной доли керамики на поселениях до крепостей специфически славянской постройки включительно – правда, все они относятся ко временам более поздним, чем времена Аттилы и даже Теодориха.

Кстати, и у славян есть предания об успешной войне с населением «Даномалхийских» (т.е. Данемаркских, датских) островов. Сохранил их польский хронист Кадлубек, естественно, приписав победу своим соплеменникам, которые с данами никогда не граничили, и по одной этой причине войн с ними вести не могли. Со смутными воспоминаниями о давней победе сплелась забавная легенда – якобы длинные, «женские» волосы датчан принудили в знак поражения носить победители-славяне. Здесь отразилось отношение вендов, волосы и бороды традиционно остригавших коротко или вообще бривших, к прическам скандинавов – у которых, наоборот, длинные волосы были знаком высокого рода, а стриженная, а тем более бритая голова – клеймом нищего, если не раба.

Вернемся, однако, пока к подвигам велетов. Уж не знаю, как обстояло дело с покорением Швеции или Готланда, но в Нидерландах, скажем, их присутствие сказывалось вполне ощутимо. Все тот же Беда Достопочтенный сообщает, что около 700 года франкский мажордом Пипин – фактический правитель страны и предок Карла Великого – отдал в качестве центра епархии Виллиброрду город в земле фризов, только что огнем и мечом покоренной распятому богу и франкскому королю. Город этот назывался Вильтабург, то есть, как отмечает Достопочтенный Беда, город вильтов. На языке же галлов, продолжает англосаксонский клирик, тот город именовался Трайектум. Сейчас он более известен, как Утрехт.

То есть уже в VII веке велеты-вильты обосновались на землях будущей Голландии столь крепко, что даже имели свои города между фризскими.

⁹ Эпонимом называется герой, который дает свое имя народу, городу, касте и пр. Известные эпонимы – Сим, Ханаан, Иуда, Израиль из библейских мифов, Данай и Эллин из греческих, Ирмин и Саксот из германских, Словен, Чех, Лех, Рус – из славянских легенд.

Беда Достопочтенный

Гораздо полней и сочнее расписывает подробности пребывания велетов в своей земле более поздний «Утрехтский летописец». Оказывается, сообщает он, велеты с саксами и фризами составляли некий род надплеменного союза, жили в мире, выбирали общих вождей, а Вильтбург – Вильтенбург в «Утрехтском летописце» – был их общей столицей. Рукопись «Утрехтского летописца» относится к XV веку – но в это время велеты уже давно отошли в историю, а само имя в такой форме, как я уже говорил, не употреблялось полтысячи лет. Так что вряд ли его «славянские» сведения – вымысел позднего сочинителя. Он так же говорит о том, что Флердинген когда-то, до франкского завоевания, звался Славенбургом. О присутствии славян на землях Голландии говорят, как и в Мекленбурге, топонимы. Их здесь заметно меньше, но они все же есть – Свято, Камен, Воденице и пр. Возможно, и популярные голландские фамилии ванн дер Вильт и ванн дер Вельт – память о тех временах.

Союз велетов с саксами, по всей видимости, начался раньше, чем с фризами. По крайней мере, «Утрехтский летописец» говорит о славянах в дружинах Хенгеста и Хорсы, англосаксонских завоевателей Британии. Гильфердинг полагал, что свидетельством проникновения славян-велетов в Британию являются графство Уилтшир (Вильтшир) и город Уилтон (Вильтон). Оба расположены на юго-западе Англии, названия известны как минимум с VIII века. Интересно, что именно в этих местах протекала бурная жизнь короля Артура и его сподвижников – само собою, они должны были сражаться с завоевателями-саксами и их союзниками велетами. Интересно было бы узнать, кто из антигероев артуровского цикла легенд имеет славянские корни – но ныне этого уже не узнать. Впрочем, если уж искать – так не иначе как среди великанов. И франкские песни, и сага изображают велетов великанами;

собственно, «велет» или «волот» по-славянски и значит «великан».

Славянофил А.С. Хомяков и советский ученый В.В. Мавродин с интервалом почти в сто лет писали о каких-то славянских погребениях в Англии, но что за погребения и почему славянские – этого мне выяснить не удалось. У саксов также почитался вполне славянский *Zernebock* – то есть Чернобог. Об этом пишет не только писатель Вальтер Скотт (безумную саксонку Ульрику, призывающую темного Бога предков на головы поработителей, вряд ли забудет кто из прочитавших роман «Айвенго»), но и вполне себе историк Шарон Тернер.

Прокопий Кесарийский рассказывает о походах в Британию варнов. Вообще, именно это племя, по его рассказу, господствовало в те времена «от реки Истра и до северного Океана (разумеется, и тут, как и в случае с Аттилой, подразумевается Балтика, она же Венедский залив)». Прокопий отмечает очень неординарный обычай, господствовавший у варнов, а именно – наследник правителя, чтоб унаследовать трон, обязан был жениться на мачехе. У германцев подобного обычая не было, и дочь вождя англов, когда ее жених Радигис (уж не о молодости ли Радагайса-Радегаста идет речь?) женился на мачехе, почувствовала себя оскорбленной, что послужило причиной войны между англами и варнами. Кстати, впоследствии Гельмольд упомянет о былом величии вагров, которые подчинили себе и ободритов, и землю велетского племени хижан или кичан и заходили дальше – нет ли тут путаницы, не смешал ли он с ваграми по созвучию варнов, благо оба племени впоследствии вошли в племенной союз ободритов-рериков? Во всяком случае, есть свидетельства могущества и влияния варнов; о величии вагров никакой источник, кроме Гельмольда, не упоминает.

Есть еще одно саксонско-славянское божество. Конрад Бото в своей «Саксонской хронике» рассказывает о славянском Боге, почитавшемся, однако же, в саксонском Гоцларе. Бога звали Кродо, в одной руке его кумир держал рог с плодами, в другой – колесо о шести спицах, под ногами его изобразили рыбу. Что это за Бог, теперь сказать трудно. Сопоставляли его и с русским Родом, и с хорутанским Къртом, и со словом «крада» – погребальный костер. Сейчас древний Бог – частичка местного «брэнда», туристы, посещающие Гоцлар, фотографируются с ряженными, изображающими Кродо или около скульптуры, воспроизводящей его идол. Интереснее, однако, другое. А именно – алтарь славянского Бога, который франки торжественно, как трофей, внесли в церковь, где он и пролежал тихо-мирно до XIX века, когда его сдали в музей. В музее он пребывает и ныне. Боги одни знают, почему, его датируют первой половиной XII века, хотя Саксонские земли оказались под христианами-франками еще при Карле Великом, и как-то очень сомнительно, чтобы триста лет спустя кто-то в одном из центров Священной Римской Империи Германской нации стал бы делать алтарь языческому Богу – да еще славянскому.

Сам это алтарь поражает. Мы привыкли при мысли о языческом культе славян представлять грубо обтесанные камни или бревна, верхом языческого искусства считать Збручского идола – может быть, полного глубокого космогонического смысла, но вряд ли способного «показаться живым» – как, по сообщениям немецких проповедников, видевших святыни Рюгена-Руяна, Вольна, Щецына, Радигоща, казались изображения, покрывавшие храмы варяжской Руси. Здесь же мы видим тончайшую работу, мы различаем складки на одежде и пряди в прическе поддерживающих алтарь фигур – судя по бородам, длинным волосам и долгополым одеяниям, изображены языческие жрецы. То, что мы видим в музеях – это, в основном, идолы, сохранившиеся на окраинах, там, где заведомо не было хороших мастеров. Хотелось бы, чтобы, говоря о славянском языческом искусстве, представляли не их, а – ну хотя бы тот же алтарь Кродо. Ведь, говоря об искусстве православном, имеют в виду отнюдь не отлитые деревенским мастером распятия с тощими головастыми фигурками, нет – подразумевают Дионисия или Рублева. Не будет ли справедливо и о языческом искусстве судить по высшим проявлениям, а не по низшим?

Крото из «Саксонской хроники»

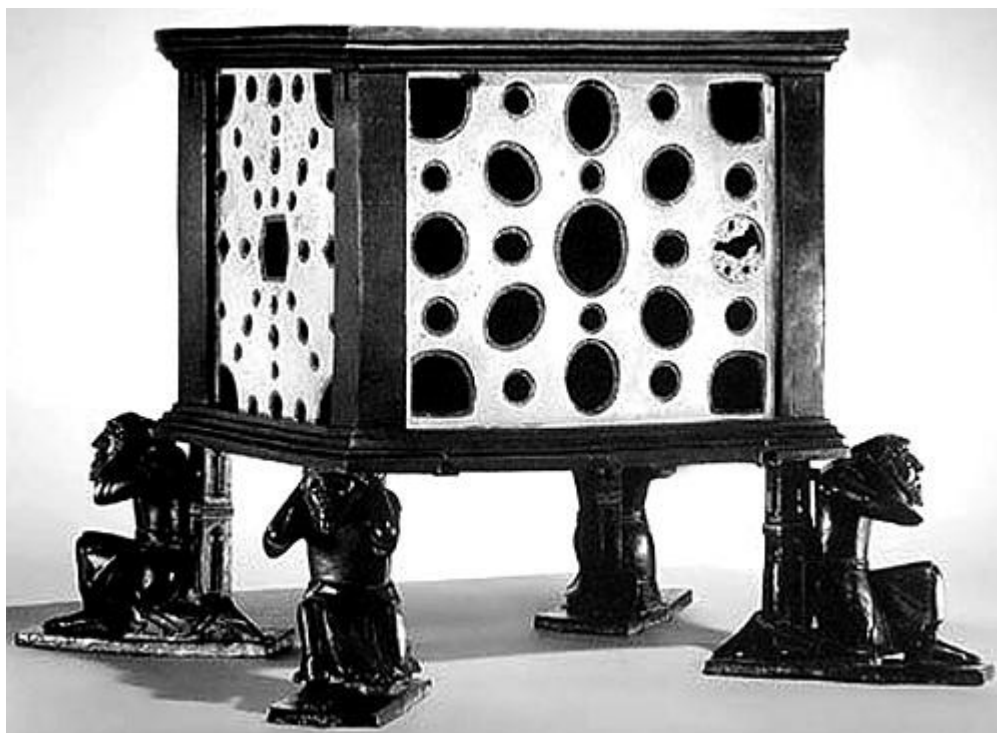
И это чудище тоже якобы Крото

Кродо – туристический бренд Гоцлара

И еще одна завлекалка для туристов на ту же тему

Алтарь Кредо в музее Гоцлара

Фигурки поддерживающих алтарь жрецов

Впрочем, вернемся к саге о Тидреке и к вильтинам.

Конунг Вильтин, был, согласно этой саге, не только могучим завоевателем, но еще и дедом Велунда. Кто-то знает этого персонажа, как Виланда из рассказов Киплинга, кто-то – по повести Семеновой «Хромой кузнец» (в котором мрачная, кровавая и мстительная натура эпического кузнеца, по обыкновению, нещадно сентиментализирована¹⁰), мельком

¹⁰ Пожалуй, только Мария Васильевна могла сделать из угрюмого типа, однажды развалившего надвое соперника-кузнеца, только чтоб показать, на что способен выкованный им клинок, тонко чувствующую натуру, противника войн и едва ли не пацифиста.

упоминался он в старом сериале «Робин из Шервуда», как создатель семи волшебных мечей. Волшебный кузнец-богатырь, он стал почитаться как покровитель кузнечного дела вообще, кузнец богов и бог кузнецов. Впоследствии, очевидно, по *большой любви* германских ковачей к новой вере, христиане сделали имя их покровителя одним из наименований дьявола – как Воланд. Это имя мелькает у Гете и получает всемирную славу в романе Булгакова – но в том Воланде уже ничего нет от предшественника, кроме имени, германского происхождения – «пожалуй, немец» – да хромоты.

На этом саксонском ларце изображен, по предположениям исследователей, Велунд

Короче, Велунд был крут до невероятия, и то, что скандинавское предание делает его внуком прародителя велетов – это довольно-таки внушительное свидетельство уважения к последним. А может быть – и высокая оценка их мастерства в ремеслах¹¹.

Не знаю, насколько связано это с тем фактом, что в VI – VIII веках на берегах Балтийского и Северного морей расцветает очень яркая и самобытная культура, оставшаяся в истории, как вендельская. Ее центром была область Вендель в Швеции. Название достаточно красноречиво – достойный двойник голландскому Вильтбургу и английскому Вильтширу. Исследователи рассуждают о кельтском, сарматском влиянии, об каком-то «импульсе с юга»... в общем, прикладывают все мыслимые и немыслимые усилия, чтобы ни в коем случае не произнести ужасного, гадкого, ненаучного слова на букву «с». Нет, не того. И не того тоже. Хуже. С... сл... слав... славя... ну, Вы поняли.

А придется.

Кельты в центральной Европе на момент появления вендельского искусства уже отсутствовали. Зато прямыми преемниками кельтов в искусстве и культе были балтийские славяне.

Сарматы никакого выхода не то что к Скандинавии, но и к Балтийскому морю не имели. Только через венедские земли – а даже те, кому очень, ну прямо-таки страстно хочется, отрицать славянства венедов в VI – VIII веках не могут.

Наконец, с юга – это ведь опять никак не миновать славянских земель, лежащих строго на юг от Швеции.

Просто ай-яй-яй.

Да, и еще. В вендельском искусстве очень распространен мотив война с хищной птицей

¹¹ Интересно, что хорошими кузнецами-оружейниками считались соседи и сородичи велетов варны. Тот самый правитель готв Теодорих брал с варнов дань мечами – словно хазары с полян в летописном предании.

на шлеме. Есть еще с кабанами, но они как раз неплохо в Скандинавии известны, и в «Беовульфе» говорится про «вепрей на вражьем шлеме», и археологически таких немало найдено. А вот птиц на шлемах нет – ни в скандинавских легендах, ни среди находок археологов. Так вот, у кумира Сварожича в Ретре-Радогоще, святилище велетов (его Вы, читатель, могли видеть хотя бы на картине Константина Васильева, почему-то называющейся «Свентовит», но изображающей именно Сварожича) на шлеме как раз хищная птица.

Есть и еще один след общения скандинавов со славянами в довольно раннее время.

Среди перечня представителей шведско-норвежского королевского рода Инглингов встречается достаточно любопытное имя, а именно – Висбур.

Комментаторы этого отрезка (А.Я. Гуревич, А.А. Хлевов) никак не комментируют это имя, сосредотачиваясь на судьбе носившего его конунга. Между тем само это имя несет некоторую историческую информацию.

Вендельские воины в шлемах а-ля Сварожич

Дело в том, что для скандинавского именованного имя Висбур совершенно чужеродно. У норманнов эпохи викингов оно более не встречается, ни целиком, ни его составляющие.

Если мы обратимся к собственно тексту саги об Инглингах, то узнаем, что матерью Висбура была иноземка, финнка Дрива, дочь Сньера Старого, конунга финнов. Однако вся эта история не может восприниматься на веру. Дело в том, что имена «финнов» в рассказе о Висбуре – мать Висбура, ее отец, их придворная колдунья Хульд – не финнские, а скандинавские, и не имена, а значащие прозвища – Дрива – Метель, Сньяр – снег, Хульд – холод. Таким образом, Висбур оказывается чуть ли не сыном Снегурочки и внуком Деда Мороза.

Кажется ясным, что вся эта история сочинена если не записавшим сагу Снорри Стурлусоном, то пересказчиками саги до него. («Автор несомненно принимал «Перечень Инглингов» за вполне правдивый источник. Тем не менее он, по-видимому, считал себя вправе развивать сведения, сообщаемые Тьодольвом о том или ином событии, в обстоятельный рассказ о том, что, по мнению рассказчика, должно было привести к данному событию, психологически его обосновывая и принимая правдоподобие придуманного им за фактическую правду» – пишет про Снорри Стурлусона ученый-комментатор.) Достоверно в

ней только иноземное происхождение Висбура.

Долго искать края, откуда, собственно, на деле была мать Висбура, не приходится. Если имя Висбур за исключением этого случая, в скандинавских источниках действительно не встречается, то составляющие все же мелькают: первая часть в имени **Вис** савальд, вторая в именах **Бур** ислейф, Реттибур, Унибур. Все эти имена, хоть и встречаются в норвежских и исландских сагах, не скандинавские. Носитель первого – претендент на руку норвежской королевы «из Гардарики», т.е. из Руси, обычно в этом имени видят обработку славянского Всеволод. Второй, Бурислейф – Борислав, Борис – так же уроженец Гардарики, брат и соперник Ярислейфа-Ярослава Мудрого из саги об Эймунде. Реттибур – «конунг вендов», Унибур – его полководец. Эти имена обычно воспроизводят, как Ратибор и Унебор.

Таким образом, допустимо предположить, что древнорвежского конунга на деле звали Всебор (имя, бытовавшее у западных славян еще в XVII веке), или же, *Вышебор (схожее изменение произошло при германизации славянского названия Висмара – Вышемира)¹². Ничего сверхъестественного в появлении в именованном скандинавских конунгов славянского имени нет, в конце концов, еще Иордан в VI веке отмечал, «насколько в обычае у племен перенимать по большей части имена: у римлян – македонские, у греков – римские, у сарматов – германские. Готы же по преимуществу заимствуют имена гуннские». Однако интересен сам факт контактов скандинавов со славянами (по всей видимости, балтийскими), притом контактов, во-первых, очень ранних. Во всяком случае, в «Перечне Инглингов» скальда Тьодольва Висбур фигурирует, как предок Олава Альва, чье существование в эпоху Великого переселения народов засвидетельствовано археологически. Во-вторых, контакты скандинавов и балтийских славян-вендов, как представляется, были вполне равноправными, иначе именем чужеземца, наверное, не назвали бы будущего правителя страны. Для этого нужно было, чтобы имя считалось у скандинавов достойным вождя, а значит, и народ, у которого позаимствовали имя, должен считаться самое меньшее равней.

Естественно, в отличие от норманнистов, делающих глобальные выводы из *возможной* скандинавской этимологии нескольких имен русских князей, мы не станем, исходя из *очевидной* славянской этимологии имени древнорвежского конунга, говорить о славянском происхождении династии. Но сам факт наличия славянского имени в перечне правителей шведов служит дополнительным доказательством раннего и, по всей вероятности, значительного присутствия славян на Балтике.

Есть еще одно упоминание о балтийских славянах не в эпосе или легендах, а во вполне серьезных исторических документах. В конце VI – начале VII века писатель и ученый из Восточной Римской империи, Феофилакт Симокатта, рассказал на страницах своей «Истории» о таком странном случае:

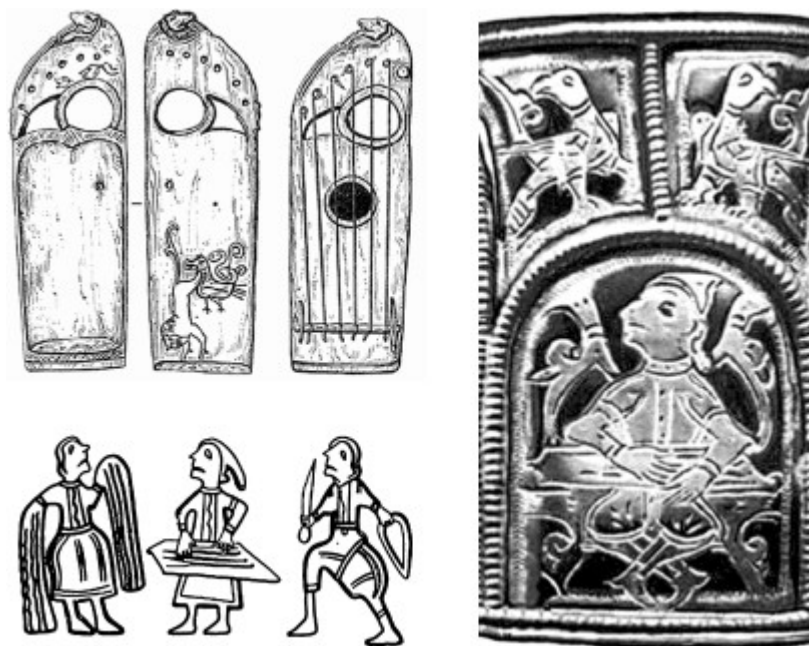
«На другой день трое людей из племени славян, не имеющих никакого железного оружия или каких-либо военных приспособлений, были взяты в плен телохранителями императора. С ними были только кифары, и ничего другого они не несли с собой. Император (Маврикий Стратег, известный, кстати, трактатом о способах ведения войны с соседями Восточного Рима, в том числе славянами и антами. – Л.П.) стал их расспрашивать, какого они племени, где назначено судьбой им жить и по какой причине они находятся в ромейских пределах. Они отвечали, что по племени они славяне, что живут на краю западного Океана (и снова под океаном надо понимать Балтику. – Л.П.), что каган (аварский, контролировавший тогда почти всю Среднюю Европу. – Л.П.) отправил к ним послов с тем, чтобы собрать военную силу, и прислал почетные дары их племенным владыкам. Дары они приняли, но в союзной помощи ему отказали, настойчиво указывая на то, что их затрудняет дальность расстояния. А их отправили к кагану в качестве заложников, как бы в доказательство того,

¹² Кстати, Велунд в поздних записях саги тоже «финн» – очевидно, в обоих случаях финны сменяют вильтинов-велетов и вендов, как народ, обитающий на восточном «краю земли». Во времена Висбура и Велунда скандинавы не знали о землях восточнее вендов, в эпоху викингов узнали, что за вендами есть земля финнов, и ее обитатели сменили прежних восточных соседей в сагах.

что это путешествие длится пятнадцать месяцев. Но каган, забыв все законы по отношению к послам, решил чинить им всякие затруднения при возвращении. Они слышали, говорили они, что ромейский народ и по богатству, и по человеколюбию является, так сказать, наиславнейшим; поэтому, обманув [кагана], они выбрали удобный момент и удалились во Фракию. Кифары они носят потому, что не привыкли облекать свои тела в железное оружие – их страна не знает железа, и потому мирно и без мятежей проходит у них жизнь, что они играют на лирах, ибо не обучены трубить в трубы. Тем, для кого война является вещью неведомой, естественно, говорили они, более усиленно предаваться музыкальным занятиям. Выслушав их рассказы, император пришел в восхищение от их племени, и самих этих варваров, попавших в его руки, он удостоил милостивого приема и угощения. Удивляясь величине их тел и красоте членов, он направил их в Гераклею».

История это подала повод к самым разным толкам. Одни решили, и всерьез, что славяне к тому времени еще не вышли из каменного века. Причем о таком писали не немцы-славянофобы, о таком зачастую писали сами славяне. Например, Юзеф Крашевский в своем романе «Старинное предание», по которому недавно Ежи Гофман снял фильм «Когда солнце было богом», живописал ушлого торговца-немца, продающего наивным славянам металлические вещи, якобы созданные волшебными карликами-гномами, и старейшину Виша, берегущего на почетном месте прадедовские каменные секиры и ворчащему на новомодные железные игрушки. Другие, особенно славянофилы, нашли лишний повод порассуждать о том самом «кротком и миролюбивом» характере славян. Третьи заподозрили в речах славян хитрость разведчиков (писатель Финжгар в книге «Под солнцем Свободы», скажем). Но вряд ли славяне могли надеяться провести такой детской сказкой опытных интриганов из Восточного Рима. Наконец, выдвигалась версия, что славяне ничего такого не говорили, а Феофилакт попросту воспроизвел утопический образ «благородных дикарей», живущих в счастливом золотом веке. Ну, с эдаким подходом можно вообще разобрать на «цитаты» и «мотивы» всю историю, не оставив от нее живого места. Кому-то это, может, и понравится – но не мне, читатель. Думаю, и не Вам, раз уж Вы взяли в руки эту книгу.

Правильный подход тут указал, как мне думается, Гильфердинг. На сей раз Александр Федорович не стал мудрствовать о доброте и кротости славян (мы с Вами, читатель, уже не раз полюбовались на эту «кротость»), а предположил, что послы, о которых писал Феофилакт, были «кудесниками», жрецами. И Феофилакт, стало быть, принял обычаи касты за обычаи народа (между прочим, не исключительное явление – средневековые авторы, в том числе русские, считали отдельным народом, «рахманами», индийских брахманов). В самом деле, у целого ряда европейских народов существовал обычай, запрещавший жрецам касаться железа. А игра на гусях издревле была неотъемлемой частью языческого ритуала, за что и пользовалась острой неприязнью христианских священнослужителей. Столь же обычно использование жрецов в качестве дипломатов – такую роль играли, скажем, друиды у кельтов, а как мы помним, кельты оказали немалое влияние на религию варяжской Руси. На крещеной Руси послами бывали христианские священники.

Гусли и гуслиеры Руси

Таким образом, с самых давних времен, едва ли не сразу после появления на глазах летописцев, жители варяжской Руси знали и воинские дружины, и жречество.

Какое из племенных княжеств варяжского Поморья отправило в путь кудесников-послов? Однозначно сказать, конечно, нельзя – но есть свидетельство, способное послужить намеком. У сирийского автора Псевдозахарии Ритора, писавшего в те же годы, что и Симокатта, или чуть позже, рассказано о народе, живущем далеко по ту сторону алано-тюркской степи. Этот народ великанского роста (помните – «удивляясь *величине их тел*») и у него «нет оружия» («не привыкли облекать свои тела в железное оружие»). Называется этот народ «рус». И поскольку речь идет о жизни «на краю западного Океана», придется предположить, что Рюген, остров русов, уже тогда был видным жреческим центром.

А теперь начну с рассказа о событии, которое завершило легендарный период истории славянской Атлантиды, послужив началом ее, увы, недолгого расцвета. Я говорю о так называемой битве при Бравалле.

Датируют ее по-разному – от V до VIII веков от нхл, делая ее героев то современниками Сигурда Фафнисбани, «Убийцы Фафнира», Зигфрида «Песнио Нибелунгах», и Гьюкунгов, убитых Атли-Аттилой, то старшими современниками Рагнара Лодброка, великого вождя викингов. Я предпочитаю быть ближе к золотой середине – конец VII – начало VIII века.

Вели ее конунг Харальд Боезуб¹³ в старых книгах прозвище не переводят и оставляют его Гильдетандом) и его племянник Сигурд Кольцо, правитель шведов.

Именно при Харальде датские племена перешли, тесня ютов, англов и саксов, с островов на материк. Но перед этим произошло еще много интересного в его судьбе, причем вся его жизнь так или иначе переплеталась с варяжской Русью и славянами.

Его отца, Хрерика Метательное Кольцо из рода Скъольдунгов, убил конунг Сконе – края на юге нынешней Швеции, тогда не подчинявшегося правителям шведов, Ивар Широкие Объятья. Объятия и впрямь были широкими... и крепкими – Ивар захватил Упсалу, убив Ингьяльда Коварного из рода Инглингов, грабил в Англии и на Восточном торговом пути. Не минули смертельные объяття и отца Харальда – даром, что Хрерик приходился Ивару зятем. Собственная дочь, Ауда, с маленьким Харальдом бежали от Ивара сперва на Готланд, а потом... вот это «потом» и интересно. Саги, что вдова с малышом

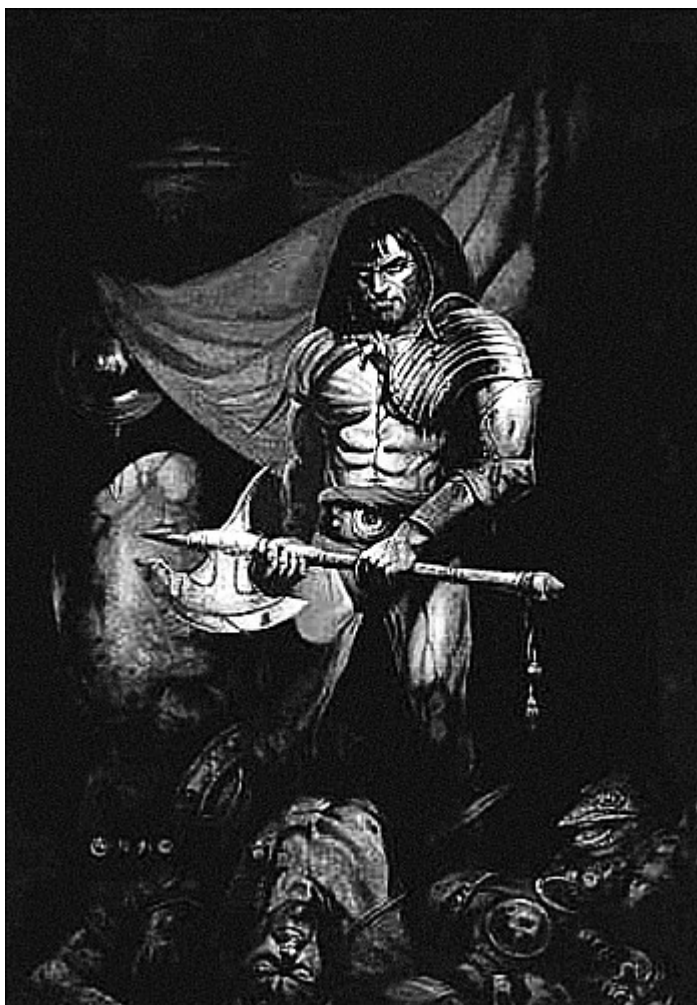
¹³ По одной версии, конунга звали так оттого, что у него были сильно выступающие зубы, по другой – зуб или клык битвы – просто иносказательное название, кеннинг героя.

укрылась от отца в Гардах, даже в Хольмгарде, как позднее будут скандинавы называть Новгород. Но не произошло ли и здесь невольной подмены, как с Велундом и Висбуром? Не разумела ли сага балтийских русов с острова – «Хольма» – Рюгена? Новгорода же в те времена не было совершенно определено. Во всяком случае, следующий муж овдовевшей королевы был «гардским», русским князем, с явно нескандинавским именем «Радбард». С.В. Алексеев считает, что так переименовали норманнские сказители славянское имя Ратбор. Некоторые исследователи приписывают именно ему основание Ладоги. Ауда родила Ратбору сына – «Рандвера», Ратьмера.

В это время об укрытии непокорной дочери узнал Ивар. Видимо, опасаясь, что маленький изгнанник найдет сторонников среди датской знати, Ивар двинул на восток огромный флот, собранный со всех подвластных земель. Свеи, сконы, юты, даны шли под его знаменами. Но... по одним источникам, поднялась буря, и собранный Иваром Широкие Объятия флот потонул вместе с конунгом. По другой версии, битва все же произошла, и Ивар был разбит русами. С благословения Ратбора Харальд отправился на запад, во владения отца и деда. Его признали (это наводит меня на мысль, что отчим сопровождал пасынка не только добрыми напутствиями, но и сильной дружиной) сперва на Готланде и на островах Сьяланда, потом в Сконе, вотчине вероломного деда, потом и в землях отца.

Он также был признан соседями-ободритами – по сообщению Саксона Грамматика, на службу ему пришли два славянских князя, Дал и Дук¹⁴. Вообще, отношения с народами варяжской Руси у датчан выходили неоднозначные. Был в Дании легендарный герой Старкад. В роду у него были горные великаны, и на свет он родился чудовищем – с шестью руками и клыками, торчащим изо рта. Ненавидевший великанов Бог грозы Тор «облагородил» его облик, вышибив клыки и оторвав лишние пары рук. Рассказывать о его подвигах, приключениях и злоключениях – как у любого нормального эпического героя, судьба Старкада трагична – здесь нет места. Нам интересно иное – с одной стороны, Старкад дружил с неким Вином (Виндом, славянином, скорее всего, ободритом), но при этом, согласно Саксону Грамматику, сражался «в Польше» с врагом по имени Вильце – то есть опять вильцем, лютичем. В Польшу отнесли столкновение с ним не случайно – наша летопись тоже относит потомков велетов, лютичей, к «ляхам». Одни объясняют это тем, что лютичи одно время были под властью польской короны (но к велетам это как раз никак не относится), другие – тем, что лютичи были ближе по происхождению к полякам, чем к остальным народам варяжской Руси. Варны, руги-русы и их соседи и сородичи из ободритского союза племен, были носителями так называемой суково-дзедзицкой археологической культуры, велеты – фельдбергской, восходящей, как и материальная культура предков поляков, к археологической культуре «Прага-Корчак». В частности, люди суково-дзедзицкой культуры пользовались лепной посудой, а фельдбержцы-велеты уже использовали ончарный круг. Суково-дзедзицы жили в небольших поселках кучевой планировки, застроенной исключительно наземными строениями срубного типа. Велеты предпочитали крупные укрепленные поселения.

14 С.В. Алексеев видит в этом имени переогласовку имени Туг – полного или сокращенного от имен вроде Тугарин, Тугомир. Мне представляется более верной мысль С.В. Цветкова, сравнившего имя ободритского князя с именем героя русских былин Дюка.

Старкад. Рисунок современного художника Криса Ахиллеоса

Харальд захватил так же некую Рейдготию. В преданиях о его правлении Рейдготия описывается как некая земля по соседству с Виндландом (землями вендов), и подчеркивается зависимость вендов от Рейдготии. Историки выдвинули массу предположений, от Ютландии – которая была слишком хорошо знакома Боезубу, и в покорении которой не было ничего особо героического – и до крымских (!!!) готов, завоевать которых датскому конунгу было столь же маловероятно, как, скажем Кордовский эмират. Никаких же иных готов в те времена к югу от владений Харальда Боезуба не наблюдалось. Здесь опять мне представляется наиболее вероятной трактовка Гильфердинга – Александр Фомич предполагает, что Рейдготия – это крупнейший культовый центр велетов Радигост (в латинских хрониках Riedigost), святость которого, невзирая на постоянные раздоры с велетами, признавали и ободриты.

Шли годы, маленький сводный брат Харальда, «Рандвер»-Ратьмер вырос, и тоже не усидел в отцовском гнезде, ушел на Запад, «дорогой китов», как выражались родичи его матери. В благодарность ли за помощь отчима, по иным ли причинам Харальд стерпел то, что молодой славянин обосновался в земле свеев. Там он женился на Асе, дочери конунга одного из норвежских племен, Харальда Рыжебородого. Еще спустя несколько лет Аса родила мужу наследника, названного, как водилось на севере, в честь родича жены, Сигурдом. Со временем он стал известен, как Сигурд Кольцо.

Он успел вырасти и стать воином, когда погиб в одном из походов на землю Фризов его отец.

И Харальд захватил земли племянника, собрав в одной руке все, что сгрел некогда в свои широкие объятия свирепый и вероломный дед. Отчего Харальд на старости лет так сурово поступил с родственником? Одни предания говорят, что виною всему происки

угрюмого Старкада, оказавшегося к тому времени в дружине Сигурда: мир между родичами был не в радость потомку великанов. Другие утверждают, что дело именно в старости. Харальд, ставший к тому времени стариком, страшился презренной для скандинава «соломенной смерти», искал войны, ждал смерти в битве – а на берегах окрестных морей осталось немного тех, кто рискнул бы выступить против силы, что собрал под своей рукою старый Боезуб. Сигурд, сын норвежки и славянина, оказался одним из таких немногих.

Войска встретились у Браваллы в Восточном Гаутланде. На многие века запомнили жители северных стран чудовищную сечу. «Казалось, что небо упало на землю». Тысячи кораблей, говорили сказания, собрались на бой. По ладьям Харальда Боезуба можно было, не замочив ног, перейти из Ютландии в Швецию. Паруса кораблей Сигурда и его союзников закрывали восточный горизонт. Под знамена Сигурда Кольцо встали свеи Англ, Одд, Гунн, Ринг, Сveno, Виндер, и иные – видать, не плохим был правителем для свеев чужак «Рандвер»-Ратьмер, что они решительно встали за право его сына править ими! Были здесь и саксынордальбинги, во главе с Саксоном Занозой, Трондаром Большой Нос, Рокаром Черным. Шли норвежцы, соплеменники матери северного конунга – Торкель Упрямый, Герд Радостный и много других. Из-за моря привел русов «Регнальд»-Рогволод, сын сестры Ратбора – которого в некоторых сагах называли самым сильным бойцом Сигурда. Кроме того, как утверждает «Сага о Скьельдунгах», по крайней мере один вождь вендов счел дело Харальда Боезуба неправым – Дюк Славянин встал под знамена противников датского владыки (возможно, с ним пришли вождь со знакомым уже именем Крок и Мар). Фланги прикрывали легкие отряды эстов (неясно только, пруссы-айсты или эстонцы) и куршей (видимо, кому-то из них принадлежат имена Кеклу и Арвакки).

Битва при Бравалле глазами художников начала и конца позапрошлого века

Со стороны Харальда разнообразие войска было еще большим.

Кроме данов и ютов, с его войском шли фризы во главе с Юббе, мужем сестры Харальда, слывшим колдуном, англы Орма и венды. Упоминаются некие бойцы из Кенугарда. Вообще говоря, Кенугардом впоследствии будут называть в скандинавских сагах Киев (его и в былинах иногда называют «Кияню», а жителей города киянами регулярно зовут летописи). Но киевлянам на варяжском море ни в VII веке, ни в VIII делать было вроде нечего. Киев в те времена был столицей не слишком большого племенного княжества полян, которому хватало забот с ближайшими соседями – лесными и степными. Так кто перед нами? Названные так по созвучию выходцы из польского племени куявов? Или те самые балтийские гунны Беды Достопочтенного – Адам Бременский впоследствии будет связывать название Кунигард именно с гуннами?

С восточных берегов приплыли лодки ливов и куршей (шведы и датчане потом сильно пожалеют, что показали путь к своим берегам этому племени – впрочем, это, как говорится, совсем другая сказка). С запада появились отряды британских кельтов.

Всего «Деяния данов» Саксона Грамматика насчитывают 94 знаменитых героя в войске Сигурда. В войске его дяди – 60, так называемый «Фрагмент саги» все же сдержаннее – он определяет число прославленных богатырей в войсках родственников как 60 и 40.

Любопытно, что в числе вендов, бившихся за Харальда Боезуба, называют трех девушек-воительниц. Две из них названы Саксоном «герцогинями», что, скорее всего, должно пониматься, как «княгини». Главная из них, Висна («весна, юность»), несла знамя всей армии престарелого владыки данов. Ее окружали самые преданные бойцы – берсерки¹⁵

¹⁵ Поразительно, что Саксон именно воинам из числа славян приписывает обыкновение бросаться в бой, сорвав с себя рубашку. Подобное поведение, кстати, отмечает у некоторых воинов антов и славян Прокопий Кесарийский еще в шестом веке.

Толкарь, Токи (похоже на имя боярина Туки из наших летописей), Ими¹⁶. Особенно хочется отметить такого персонажа, как «Отрик по прозвищу Юноша». Совершенно ясно, что парень назвался «отроком», дружинником своей княжны – и перевел это звание, а слушатели поняли перевод, как прозвище. Так юный славянин и остался в веках.

Другую славянскую «герцогиню» звали Хете – возможно, Хоть, «желанная».

Третья славянка названа скандинавским именем Вебьорг «священная гора». Сразу вспоминается богатырша Златогорка из наших былин. Впрочем, скандинавы чаще переозвучивают чужие имена на свой лад (вспомним Радбарда и Рандвера), чем переводят. Можно предположить женский вариант имени Выбор, или, скажем, Выверка – «белка»... впрочем, предполагать опять же можно бесконечно.

Славянские мечники стали основной ударной силой Харальда под Браваллой. Левое крыло вел венд Якун Резанная Щека, в правом шла Хоть, а Висна держалась неподалеку от конунга – который, кстати, сражался на колеснице – это был, наверное, последний случай военного применения колесниц, по крайней мере в Европе, и по крайней мере, до боевых повозок чешских гуситов.

Битва, сообразно количеству воинов, вышла страшная. Пал от руки фриза Юббе Рогволод, шедший впереди шведско-норвежско-русского войска. Вебьорг сразила некоего Сота, одного из лучших бойцов Сигурда Кольцо, ранила Старккада, но пала и сама, пронзенная стрелой норвежца Торкиля из Теламерка. Вскоре и Юббе, рухнул под ливнем стрел. У знамени погибла Висна – ее убийцей называют самого Старккада. Шут побери, чтоб победить славянскую девушку, понадобился сильнейший из живших тогда воителей Севера. Видя поражение, Харальд схватил по мечу в каждую руку и убил множество воинов племянника. Наконец, обессилев, он приказал своему слуге Бруни убить его – старый конунг страшился плена. Последнее приказание Боезуба было исполнено, Бруни разбил господину голову дубиной.

Согласно сагам, победитель Сигурд сжег тело дяди на костре, а прах развеял над его столицей, городом Лейрой в Зеландии. Саксон же утверждает, что племянник похоронил Харальда Боезуба в кургане вместе с колесницей, оружием и богатыми дарами.

Долго еще ходили легенды о золотой ладье, на которой Один возил души павших в той битве в Вальхаллу.

Огромный урон потерпели и те, и другие сражавшиеся, особенно это касалось шведов и датчан, главных противников. «Прядь о Норна-Гесте» говорит, что Сигурд Кольцо остаток жизни с трудом защищал свои земли от набегов куршей и лопарей. Юты и даны, покоровшиеся ему после Браваллы и гибели Боезуба, впрочем, не бунтовали – не было сил для мятежа. Зато уязвленную гордость попытались выместить на ободритых.

Зря.

Ободриты в ответ перешли пролив Малый Бельт и захватили остров Фюн (это обстоятельство я рекомендую запомнить). Их вождь Ватне убил наместника Сигурда Кольцо ярла Али.

Сына Али, Хамунда, участь отца ничему не научила, он вновь попытался обложить данью восточных соседей – и с трудом отбил от вторжения семи ободритских князей. И то победою он больше был обязан не своим силам или полководческому дару, сколько тому, что стиль командования ободритских князей вызывал в памяти известную присказку про семерых нянек.

Впрочем, ему, можно сказать, повезло. Следующий правитель ютов, Сивард, получил уже не набег, а полномасштабное нашествие. Сивард бежал в Зеландию, его сын и дочери были захвачены вендским князем Исмаром (Вышемиром? Измиром?) в плен, вся Ютландия – обложена данью в пользу вендов. Дочерей Сиварда продали – одну в Норвегию, другую в Германию. Сын, которого звали Ярмерик (имя, если вдуматься, звучащее как-то

¹⁶ Почему-то считают, что это значит «имя»; человек по имени «имя» – несколько странновато, чтобы не сказать глупо. Скорей уж можно предположить отглагольное прозвище вроде Имей – для берсерка самое то.

подозрительно... не вендкой ли была матушка этого «принца датского?»), исхитрился убить «Исмара» и бежать, а впоследствии и освободил сородичей от дани вендам.

Однако не от этого ли времени остались на датской земле названия населенных пунктов с типично славянскими окончаниями – Корзелице, Крамнице, Тиллице, Биннице¹⁷ и многие иные? Кольцевые укрепления на острове Лоланд считаются славянскими, как и крепость близ Соре в центре Зеландии, где найдена очень архаичная славянская керамика. Абсолютное большинство датских кладов раннего средневековья содержит славянские вещи, или даже зарыто в славянской посуде, что само по себе говорит о многом – в конце концов, вещи могли купить и награбить в набеге, но вряд ли кто бы стал в те времена тратить на заморский горшок или счел бы его ценной добычей.

Не к этим ли временам относятся сведения Тидрек-саги о славянском «конунге», обладывающем все побережья Балтийского моря данью? Конечно, это далеко от времен Теодориха Готского... но что поделаешь, эпос не всегда в ладах с хронологией. В той же «Пряди о Норне-Гесте» Сигурд Кольцо становится современником своего великого тезки, Сигурда Фафнирорубийцы, неуязвимого Зигфрида германских легенд.

Вполне возможно, именно в это время северный язык заимствует из славянского определение поездки за данью – *rolutasvarf*, от «полюдье». При наличии собственного определения («вейцла») появление славянского термина может говорить только об одном – когда-то по скандинавским землям ездили за данью люди, говорившие по-славянски – что и подтверждают сага о Тидреке и Саксон Грамматик.

Во всяком случае, скандинавам на тот момент в Балтийском море должно было стать весьма и весьма неудобно. Не с этого ли началась эпоха их походов на Европу? Ведь и венгры, примерно веком позже, были всего лишь беженцами от вырезавших их кочевья печенегов – а от конных налетов несчастных беженцев Европу лихорадило ничуть не слабее, чем от морских походов норвежцев и датчан.

Глава IV В НЕДОЛГОМ СИЯНИИ ПОЛДНЯ: ВАРЯЖСКАЯ РУСЬ В ЭПОХУ ВИКИНГОВ

Эпоха викингов.

Когда был расцвет варяжской Руси.

Ободриты-рерики и их племена.

Велетские племена. Серебь. Поморяне.

Винета – сказка варяжского моря.

Руги, русины, русы.

Хаган, князья, жрецы. Имена Богов?

Нет, названия кумиров. Воины.

Что такое «викинг». Ненорманнские норманны. Йомсвикинги. Дела торговые.

Земля велика и обильна.

Колонии за Лабой. Дальние высылки —

Готланд, Неман, Двина, Ладога.

Ничто не предвещало беды...

Давным-давно, может быть, тысячу лет назад, а может быть, и две тысячи, остров, на который буря занесла гусей, не был таким пустынным и диким. На берегу его стоял богатый и прекрасный город Винетта.

Во всем мире не было ткачей искуснее, чем в Винетте; никто не умел делать такие красивые кубки и кинжалы, как мастера

¹⁷ Д. Егоров показал, что изначально окончание «ице» звучало, как «ицы», сходясь с новгородскими названиями вроде Гостилицы, Зимницы и пр.

Винетты; никто не умел плести такие тонкие кружева, как кружевницы из Винетты.

Каждый день одни корабли, нагруженные богатыми товарами, отчаливали от пристани, а другие корабли, нагруженные золотом и серебром, возвращались из далеких плаваний. Со всеми городами, какие только ни есть на свете, торговали жители Винетты. Их корабли плавали по всем морям и во всех гаванях находили приют и отдых.

Сельма Лагерлеф

Эпоха викингов началась в 793 году – так принято считать. Первой жертвой стал монастырь святого Кутберта на острове Линдисфарн. Заканчивают же ее битвой при Стамфорд-Бридже осенью 1066 года, где пал в битве с англичанами Харальд Суровый, последний вождь викингов, по совместительству поэт и зять Ярослава Мудрого.

Но почему мы говорим о расцвете варяжской Руси во время эпохи викингов? Ведь, казалось бы, о сытой и привольной жизни, о богатых торговых городах, о великолепных храмах многоликих Богов рассказывают летописцы уже более поздних времен? Титмар Мерзебургский и Адам Бременский писали в XI веке, Гельмольд и Саксон Грамматик – в XII.

Но можем ли мы всерьез говорить о расцвете славянских городов Варяжского поморья в XI – XII веках? Это – закат, а не расцвет языческой цивилизации Варяжского Поморья. Изматывающая религиозная война с лучшими бойцами христианской Европы, при непрекращающихся распрях варяжских княжеств между собою, натиск франков, саксов и датчан с запада, крещение Руси на Востоке, разрыв торговых связей южно-балтийских язычников во стремительно становящимся христианским миром вокруг – все это не могло благотворно сказаться на жизни варяжской Руси. Если в XI веке христианские проповедники видят ее процветание, значит, основы его были заложены веками ранее, в то самое время, которое принято называть эпохой викингов – отчасти, может быть, и раньше.

Атака викингов глазами самих викингов

Атака викингов глазами соседей

Но сейчас, наконец, приглядимся повнимательнее к расселению народов и племен варяжской Руси. Кстати, и по этому признаку можно говорить о расцвете – к эпохе викингов балтийские славяне распространились шире, чем когда-либо. Лаба уже не была границей на Западе – а на Востоке активно осваивались новые земли.

Кроме того, и сам перечень племен, их отношения уже вполне сложились к VIII веку и более не менялись (за единственным исключением, о котором поговорим чуть позже). С этих самых времен мы впервые можем говорить не гадательно, но утвердительно об ободритах, по всей видимости, занявших главное место в том союзе племен «от Истра до западного

океана», что некогда занимали варны. Теперь племенной союз выглядел следующим образом: сами ободриты или рерики («соколы») обитали от Любекского залива и Ратиборского озера до низовьев Варны, где стояла их крепость Вурле. На юге их ограничивала река Эльда. Крепостями ободритов были Зверин (ныне Шверин) и Вышемир (Висмар). Баварский Географ также подразделяет самих ободритов на «Нортабтрицов» и «Остабтрицов», т.е. северных и восточных, насчитывая 53 «города» у первых и 100 у вторых – но больше ни у кого это разделение не встречается. Я уже говорил о том, что ободриты известны и на Дунае – примерно в тех местах, где было государство ругов-русов, и вплоть до нового времени сохранились их специфические обычаи вроде татуировки рук растительным узором. Главным городом ободритов был Велигард, он же, по их имени, Рерик, он же, по-немецки, Мекленбург – то есть «великий город».

Прежние вожди союза племен, варны («вОроны») обитали к востоку от новых, на реке и поныне носящей их имя – Варне. На юге их владения упирались в ту же Эльду, не заходя дальше Плавского и Мюрицкого озер. Можно поспорить, что старики-варны любили поворчать – вот, мол, когда *мы* были главными – держали земли до самого Дуная, не что эти, ясны соколы... проворо... тьфу, просоколили... эх, были времена.

Большую часть современной Голштинии занимали вагры (название того же корня, что и «отваг а»), от моря и Травны их земли доходили до Эдгоры, к Неймюнстеру и Сегербергу. Им принадлежал остров Фемарн (Фембра средневековых хроник). Обитая на самом пороге варяжской Руси, на земле, по которой проходил всякий чужак, вагры не строились особо крепко – за стенами городов стояли чуть ли не тростниковые хижинки, которые не жалко было бросить по первой тревоге, когда мужчины брались за оружие, а дети, женщины и старики бежали к крепостям или в леса, если крепость была неблизко. Хлеб прятали в ямы, так что врагу только и оставалось жечь хатки вагров – которыми те особо не дорожили. Точно так же жили славяне на Дунае в шестом столетии по описанию византийцев, точно так же жили на степных окраинах Речи Посполитой и Московского царства в шестнадцатом и семнадцатом веках – не по неумелости, не по бедности (в ямы ссыпали не один хлеб – бывало, и серебро с золотом), а потому, что без толку особо прикладывать руки к жилью, которое сгорит не этим летом, так следующим. Однако, как и антов, как и казаков, не стоило считать вагров несчастными жертвами – наоборот, это были лучшие и опаснейшие воины и морские разбойники на побережье, ни один датский остров, ни один ярд скал или песчаных пляжей Ютландии не мог себя чувствовать в безопасности от набега вагров. «Дания, состоя по большей части из островов и окруженная водами, не легко может уберечься от нападений морских разбойников, потому что в изгибах ее берегов необыкновенно удобно скрываться Славянам; выходя тайком из засады, они наносят ей внезапные удары. Вообще же, Славяне на войне преуспевают наиболее своими засадами. И оттого даже в недавнее время разбойническая жизнь между ними так усилилась, что, пренебрегая всеми выгодами хлебопашества, они вечно были готовы к морским походам и наездам, надеясь на свои корабли, как на единственное средство к обогащению, – писал Гельмольд. – На нападения Датчан они не обращают внимания, и даже считают особенным наслаждением с ними биться». Таковы были эти вагры. Внутри их племени отмечаются еще два меньших – сусельцы и плуни. Главной же крепостью вагрской земли был Старигард (его упорно и совершенно неверно называют СтаргРАдом в нашей литературе, но «град» – это южнославянская форма, венды-варяги вплоть до XVIII века говорили именно «гард»), или, у немцев, Ольденбург. В Старигарде, по свидетельству саксонского хрониста Видукинда Корвейского, почитали медный идол некоего «Сатурна» – увы, бесполезно гадать, какое божество подразумевал монах. Кроме того, в священной дубраве, неподалеку от города, огороженной «искусно сделанной оградой» и оберегаемой живущим там жрецом, почитался некий «Проне», в котором без особого труда опознается Перун. Населенные пункты Прон через пролив от Рюгена и Пронсторф в земле вагров в средневековых грамотах именуется Перон и Пероне соответственно. Кстати, нынешние немцы об этом прекрасно помнят. Уже знакомый нам Конрад Ботто в «Саксонкой Хронике» утверждает, что в святилище «Проне»

хранились знамена, украшенные колокольцами, а сам кумир, перед которым проводился «божий суд» – судившиеся поочередно касались раскаленного лемеха плуга, правый определялся тем, у кого скорее заживут ожоги – снабдил огромными... ушами. Поляк Стрыйковский, современник Конрада Ботто, точно так же «оборудовал» в своем сочинении золотыми ушами киевский идол Перуна. В случае с поляком сыграл, так сказать, «испорченный телефон» – в летописном сказании у Громовержца были золотые *усы* – а не уши. По всей видимости, ту же ошибку повторил и Конрад.

Памятный камень. Бывший Перон, ныне Пронсторф в земле вагров.

По берегам Лобы-Эльбы жили полабы, как собирательно называли несколько мелких племен – смельдингов, ветничей и минтгов. Окончание на «инг» может показаться признаком германского происхождения имени, однако это не так – в те самые времена славянский народ милингов обитал вдали от всяких германцев, на Пелопонессе. В современном польском языке балтское племя, названное в наших летописях ятвягами, выговаривается «ядзвинги», и даже степняки-печенеги именуется по-польски «печенингами». Раньше германские, балтские и славянские языки были ближе друг к другу, чем сейчас. Имя же минтгов напоминает имя литовского князя Миндовга (Миндога). Вполне возможно, их название – реликт балтского населения края, так же, как и название входившего в лужичанский союз племени жирмунтов. «Минтс» по-литовски – мысль (сравни «ментальный» – мысленный, «менталитет» – образ мыслей), «дауг» – много. Миндауг – многомыслящий, Велемысл по-русски. Разумеется, напрямую от «мысли» название рода не могло произойти – но от личного имени того же значения вполне. Все три племени имели одиннадцать крепостей. Главным из их городов была Ратиборь – нынешний Рацибург. Полабы тоже входили в ободритский союз. Почитанием у них пользовалась некая Подага, и какой-то (возможно, ее же) трехголовый кумир.

Священная роща язычников. Вернер Грауль, 1936

Неясно, к велетам или к ободритам тянуло племя древан – то самое, что сберегло «венску горень», вендский язык до XVIII века.

Велеты («великаны, богатыри») нам уже неплохо знакомы. От границ ободритов их земли доходили до средней Одры. При Карле-Давиде «Великом» они вполне определенно доходили до моря в районе нынешнего Пенемюнде; впрочем, по всему судя, они и ранее имели к нему выход – Утрехт-Вильтенбург тогда был портовым городом, и сомнительно, чтоб не слишком дружественные к велетам ободриты, а до них – варны, позволяли велетам свободно перемещаться к нему и обратно по своей земле. В IX в. Эйнгард пишет: «На южном берегу Балтийского моря живут славяне и эсты (т. е. пруссы, литва) и разные другие народы, и между ними первое место принадлежит велетам». Спустя два столетия английский летописец отозвался о них, как о самых жестоких разбойниках на суше и на море, а итальянец характеризовал их, как «свирепейший народ, свирепее самой свирепости». Баварский географ называет у них 95 городов и четыре области. Под областями, видимо, понимаются четыре крупнейших племени велетского союза, упоминаемые Гельмольдом: ратары, доленцы, церзпеняне и хижане.

Ратары (редарии, ретряне) обитали вокруг треугольного города Радигощ¹⁸, в котором почитался тот самый Радигост Сварожич – по мнению некоторых исследователей, обожествленный предок вендских князей Радегаст-Радагайс, гроза Рима. Адам Бременский называет этот город «всемирно известным», «престолом идолослужения». Одно из двух величайших святилищ варяжской Руси, Радигощ встречал паломников из далеких земель – даже из Чехии спустя два столетия после принятия ею иноземной веры, сюда приходили пилигримы, ища пророчеств грозного Божества с бычьей головой на щите, хищной птицею на шеломе и секирой в руке. Сварожича окружал сонм меньших Богов, на постаменте

¹⁸ Я придерживаюсь мнения, что Радигощ название города, а Ретра – области, названием города же ее стали считать по недоразумению.

которых были *написаны* их имена (то есть велеты умели писать). Тут же хранились знамена велетов, под которыми они выступали в походы – в противных случаях к ним нельзя было прикасаться. Из хроник мы знаем, что на знаменах велетов была изображена некая Богиня, увы, неясно, кто именно. Так же перед войском велеты носили огромный крест – как известно, крест гораздо древнее христианства. По крайней мере одно знамя было красным – святой Бруно Кверфуртский с негодованием обличает германского короля, заключившего союз с велетами и поставившего рядом несомые впереди христианского воинства святыни и «крававые»¹⁹ знамена «дьявола Сварожича». Храм был убран рогами животных и красными покрывами. Снаружи стены храма покрывали изображения Богов и Богинь, вырезанных с удивлявших зрителей правдоподобием. Мы же, вспомнив алтарь Кродо из Гоцлара, не станем этому чрезмерно удивляться. Кроме храма в треугольном городе с тремя же воротами – двумя на лес, и одними на озеро Толлензее – ничего не было. На стенах же торчали мрачные свидетели побед велетов – высокие шесты с черепами поверженных врагов.

Радигоц глазами польского художника начала XX века Станислава Якубовского

Пророчества при храме производили жрецы, меча какие-то жребии – уж не руны ли? Однако, обряд отличался от метания рун – гадание производили в свежераскопанной ямке, металы туда жребии, а потом ямку перекрывали дерном. При святилище жил священный белый конь, считавшийся конем Сварожича, и перед походами и иными важными предприятиями коня проводили над тремя крестообразно связанными копьями. Если конь перешагивал все три креста правым копытом – замечательно, все сложится самым удачным образом. Если один раз перешагивал с левой ноги – дело пройдет не без задоринки. Если же все три раза ступал левым копытом – лучше и не браться, Боги не одобряют. Можно предположить, что значение имело и то, на каком именно кресте пойдет вперед левое копыто: в начале, в середине, или – самое обидное! – в конце задуманного предприятия ожидает гадающих коварный удар судьбы.

Только жрецам разрешалось сидеть внутри стен священного города, остальные должны были, пока там находятся, из почтения к месту оставаться на ногах.

Также бытовала легенда, что когда грядет очередная смута и междуусобица, ночью из

¹⁹ В некоторых переводах – «крашенные человеческой кровью». Не отсюда ли немцы взяли идею Blutfahne?

озера поднимается на берег чудовищных размеров вепрь с огромными белыми клыками, и будет кататься в грязи.

Боюсь, таинственному кабану слишком часто доводилось покидать священное озеро...²⁰

В 1127 году Радигощ была уничтожена христовым воинством, да так, что не сохранилось даже преданий о ее местонахождении. С.В. Алексеев предполагает, что Радигощ – это городище Фельдберг, с храмовым зданием. Такие были и в меньших поселениях, вроде Гросс-Радена, недавно реконструированного, но не славянскими – стыд и срам! – а германскими любителями старины. В том храме, кстати, найден конский череп и шесть копейных наконечников – следы обряда, нам уже знакомого.

Реконструированный храм в Гроссен-Раден

Вторым после хранителей святыни племенем велетов были доленцы или доленчане. На север их земли уходили к реке Пене, на юге упирались в густой лес между озером Толлензее и рекой Укрой.

Церзпеняне назвались так, потому что жили за Пеней, «через Пену» от доленчан и ратарей. У них были торговые города – Дымин (позднее Деммин), Велигост (Велгаст) и Гостков (Гютцков). Позднее церзпеняне присоединили земли малого племени трибушан с реки Требель, и город Барта на побережье пролива, за которым лежал Рюген. В Велгосте был храм в честь Геровита или Яровита, где почиталось его копье и щит, который носили впереди войска – не то как знамя, не то как ратный оберег, не то все вместе. При храме так же жил белый конь, примерно за тем же, зачем и в Радигоще. Жрец Яровита мог, облачившись в белое одеяние и увенчавшись зеленым венком, обращаться к почитателям от имени Бога в первом лице:

«Я Бог твой, Я Тот, который одевает поля муравою и листовием леса; в Моей власти плоды нив и дерев, приплод стад и все, что служит в пользу человека: все это даю чтущим Меня и отнимаю от отвергающих меня».

²⁰ В русской былине «зверь кабанище» выходит из моря перед тем, как князь Владимир собирается отнять у подручного князя Данилы Ловчанина жену и отправляет на него своих богатырей.

По символике, по одеянию, по характеру даров – речь ведь не идет о мудрости, победах в боях или успехах в торговле, нет, жрец говорит о плодах и приплоде – по празднику в конце апреля, со «сладострастными» плясками, по обычаю человека представлять собою воплощенное Божество, в Яровите узнают полное подобие восточнославянского Ярилы, «Зеленого Юрия» народного христианства, южнославянского Германа.

Между церзпенянами, варнами и ободритами (то есть малым племенем ободритов, а не возглавляемым ими союзом) располагалась на морском побережье земля хижан или кичан, самого слабого и бедного из велетских племен. Именно его когда-то покорили не то вагры, не то варны. Название его означает «обитатели рыбацких хижин». Пожалуй, наше нынешнее «хижина» будет даже недостаточно насыщенным словом для этого случая. Лачужники, халупники – примерно так. Тем не менее, в силу своей численности или иных причин хижане держали четвертое место в велетском союзе²¹.

Изображение из Вольгаста, считается, что это Яровит. Хм.

Были еще племена и роды, тоже вроде бы как принадлежавшие к велетской земле, но

²¹ Четыре племени-«области» подозрительно напоминают четыре варны индоариев и четыре сословия кельтской Ирландии. Ратари – хранители святыни, брахманы, или, если угодно, друиды. Доленцы-доленчане – сражаются «ради славы», а не «по необходимости» – в них можно узнать кшатриев. Два этих племени господствуют над остальными. Церзпеняне владеют множеством торговых городов и поклоняются дарующему приплод и урожай Яровиту – они похожи на вайшью или бо-айре – свободных хозяев-общинников. Наконец, в кичанах узнаешь шудр или слуг.

Кастовая система существовала у соседей и союзников велетов – саксов. Слово хронисту IX века, Рудольфу: «Народ этот состоит из четырех категорий людей: благородных, свободных, отпущенников и сервов. По установлениям закона, никому из этих четырех сословий не дано разрушить границы между ними путем бракосочетаний, но благородные должны сочетаться с благородными, свободные – со свободными, отпущенники – с отпущенницами, а рабы – со служанками. Если кто-нибудь из них возьмет жену из другого сословия, он должен искупить свой проступок ценой жизни».

непонятно, включавшиеся ли в число собственно велетов. Были ли они ветвями четырех старших племен, или союзниками, или просто маленькими племенами, хранящими независимость, лавируя меж больших и могучих племенных союзов? Сейчас этого уже не установить.

Морици жили между Мюрицким и Доленским (Толлензее) озерами. На Лабе против нынешнего Магдебурга обитали Моречане. В местности, называемой теперь Пригнитц, жили брежане, а рядом на той же реке Гавола – гаволяне или стодоряне, у которых было восемь городов, важнейшие же – Браниборь (нынешний Бранденбург) и Поступим (Потсдам), упоминавшийся в хрониках еще в 993 году. Были нелетичи между Степеницей и Доссою, были линяне (они же лиуны, линоны, лингоны у разных хронистов – опять балтское наследство?), сидевшие по правому берегу Лабы до варнов и полабов. Совсем уж крохотные племена мелькают в императорских и папских грамотах: лисичи у Лабы, Семчичи у Струмении, дассия или доксаны у города Висока (Виттсток), Любушане у города Любуш на Одре, шпреяне по среднему течению Шпрее, плоне в окрестностях Герцига.

В низовьях Одры, между Пеной и Доленицей, сидели укры или украине на речке Укре, речане, плоты, хорицы и межирецы – не то Межиричи, потомки какого-то Межира (имя, встречающееся в новгородских берестяных грамотах), не то жители междуречья. Были еще грозвины, ванзлы (не последняя ли память о вандалах?), вострожи.

К югу от велетов и рериков располагался племенной союз сербов-лужичан, «серебрь» по выражению нашей летописи. В нашем повествовании они не будут принимать активного участия, поэтому я не буду о них подробно рассказывать. Серебрь ничто не связывает с началами Руси, она не прославилась пышными языческими храмами или богатыми городами, она не оказала настолько ожесточенного сопротивления натиску христиан. В той цивилизации, о которой говорю я здесь, они разве что стояли на краю. Потомки сербов до сих пор живут в Германии. Если Вы читали в детстве сказки Отфрида Пройслера «Маленький водяной», «Маленькое привидение», «Маленькая баба-яга», или смотрели мультфильмы по ним, или прочли в более зрелые годы его же великолепный роман «Крабат» (только не одноименный фильм!), или видели рисунки Мерчина Новака, Вы можете считать себя хотя бы отчасти знакомыми с этой культурой.

На побережье Варяжского моря к востоку от Одры и вплоть до прусских дубрав сидели словинцы у Лебского озера, и кашубы, упомянутые еще арабом Масуди в X столетии, сидевшие по Висле до Жарновского озера. С юга непроходимый лес отгораживал эти сидевшие по морю племена от поляков. Вместе они именовались поморянами.

Главным городом поморян был торговый Щетин (или Щетинь). Его (точнее, все-таки ее) называли «мать городов поморянских» – именно так, дословно – поневоле вспомнишь «мать городов русских, летописное прозвище Киева. Вот откуда оно приплыло... Разделенная на четыре «континты» (конца), Щетинь стояла на трех горах, на вершине средней из которых высилось святилище Триглава – огромного идола, как можно догадаться из самого его названия, трехголового²². По словам почитателей, три головы обозначали власть над Небом, землей и преисподней. Глаза на трех лицах закрывала «золотая повязка». В остальном храм напоминал уже знакомый нам Радигощ в земле ратарей, только, может быть, менее воинственный и более роскошный. Весь он был покрыт скульптурами и «выступавшие из стен» изображения людей, птиц и зверей – то есть барельефы. Все они, по отзывам католических проповедников, были вырезаны столь искусно, что казались живыми. Ко всему прочему, поморяне расписали свою святыню яркими красками, которые оказались бессильны уничтожить снег, дождь, солнце и ветер. Здесь хранились серебряные и золотые чаши, выносившиеся по праздникам на общие пиры для самых знатных и славных людей, здесь хранилась десятина взятой на море или на суше добычи, здесь были рога, из которых

²² Пользуюсь случаем напомнить – слово Триглав применяется в источниках только в этом смысле. Никаких «языческих троиц» или «принципов троичности» он не подразумевает – это конкретное изваяние конкретного Божества.

пьют, окованные золотом и украшенные драгоценными камнями, здесь было оружие и «драгоценная утварь, редкая и прекрасная видом». И глядя на всю эту радостную пестроту, блеск и сияние, трудно было поверить, что в центре всего этого возвышается мрачный слепой кумир, которому точно так же, как Сварожичу у ратарей, посвящен вещий конь, копыта которого предрекают будущее – но только вороной, черный.

У князя поморян не было постоянного дворца, но в каждом городе ему принадлежал двор, на котором он с дружиной мог остановиться (это напоминало, видимо, полудье в Киевской Руси). Пришедший на княжий двор становился неприкосновенным – будто пришедший в храм или священную рощу. Князь поморян имел двадцать четыре наложницы – что несколько напоминает двенадцать жен былинного Владимира Всеславича Красно Солнышко, о которых писал Ф.И. Буслаев. Святость княжеского двора тоже имеет подобие в русской былине – Алеша Попович отказывается кидать назад брошенный в него Тугарином нож.

Кроме Щетини, на Поморье было еще два крупных города – Камень и Колобрег – и множество малых. В Камне нашли два ларца искусной работы, которые до сих пор почему-то украшают книги о... скандинавском ремесле эпохи викингов.

Но воистину центрами варяжской цивилизации, ее средоточием были два острова. Остров Волын в устье Одры и остров Рюген к северо-западу от него.

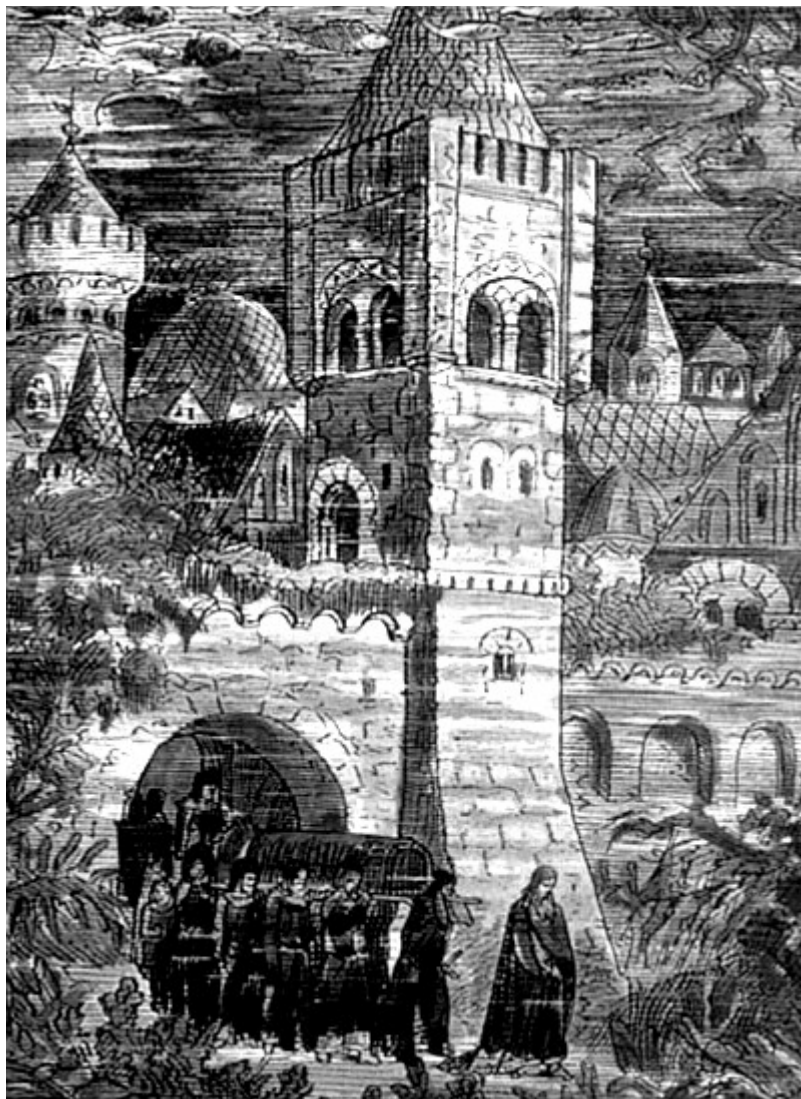
Начну с Волына.

На нем стоял огромный торговый город. Разные источники называют его по-разному. Хроники германских монахов Юмной, саги скандинавов Йомсбургом – а стихи скальдов проще – Йомом. Польские летописи и русские былины называют его по имени острова Волыном, а немецкие позднейшие легенды – Винетой. Если Вам доводилось читать – именно читать, а не смотреть « Путешествие Нильса с дикими гусями», Вы, читатель, уже наверняка узнаваемо киваете. Да-да, та самая заколдованная Винета. И, кстати, притча «слепая лошадь» нашего гениального педагога Ушинского тоже про нее – это, кстати, вместе со сказкой Сельмы Лагерлеф, едва ли не единственное сознательное²³ упоминание о великом городе и всей представленной им цивилизации, которое было мне доступно в моем советском детстве.

Фрагмент ларца из Камня

²³ Я не считаю летописных рассказов про варягов, перепечатаывая которые, советские издатели просто не подозревали, о ком пишут. Не считаю и былины с их «морем Волынским» – тут уже не только издатели, но и сказители не знали, про что поют.

Погрузившаяся на дно моря Винета. Гравюра на дереве, 1881. С рисунка Бернгарда Мерлинса

Вот, кстати, что рассказывают о главном торговом порте Варяжского поморья немецкие легенды:

«Роскошные дома в нем были украшены окнами из цветного стекла. Колонны из белого мрамора и алебаstra удерживали навесы над входами в жилище. Позолоченная черепица отражала солнечный свет и до заката наполняла улицы желтым сиянием. Мужчины в Винете носили отороченные дорогим мехом мантии и береты с длинными перьями. Женщины были затянуты в бархат и шелка, тяжелые золотые украшения с огромными драгоценными камнями обвивали их шеи. Девочки пряли на маленьких прялках золотым веретеном. Вино пили там из золотых кубков, а дыры в стенах затыкались хлебом».

По этим беретам с перьями – ясно, что легенда моложе города не на век, и не на два. Может, на полтысячи лет. Кстати, какие головные уборы на самом деле носили в варяжской Руси нам, по случаю, известно. На рыцарских гербах Мекленбурга встречается такая специальная фигура, которая так и называется – «венд». И снабжена она высокой остроконечной шапкой в меховой опушке. По ней и опознается.

Да, легенда отчаянно фантастична. Она придумана человеком, который, по всему, никогда не жил в доме, где в стенах не было дыр. Но впечатление, которое производил на видевших город, впечатление, пробившее несколько столетий, словно копьё, оглушающей роскоши, невероятного богатства, легенда передала верно. Может быть, после нее Вам будет

проще принять то, о чем говорят в хрониках современники Вонына-Юмны-Винеты и сухая археологическая статистика.

Адам Бременский пишет: «За страной лютичей, которые иначе называются вильцами, протекает река Одер... В устье ее... славнейший город Юмне... Это поистине **самый большой из всех городов, какие есть в Европе**. Населяют его славяне и другие народы, греки и варвары. И приезжие саксы также получают равное право проживать вместе со всеми, если, однако, оставаясь там, не будут проявлять свою принадлежность к христианству. Ибо ведь все они до сих пор блуждают неверными путями языческих обрядов. Впрочем, что касается нравов и гостеприимства, не найдется ни одного народа, более достойного уважения и радушного. Город этот, богатый товарами всех северных народов, имеет все, что есть приятного или редкого. Там имеются и вулканы сосуды, которые местные жители называют «греческим огнем».

Очень любопытно – что же это за «греческий огонь»? Понятно ведь, что не чудовищное оружие православной Византии (в состав которого, согласно иным легендам, входил человеческий жир), напалм средневековья, имелся в виду? Будь такое в руках у волынцев – история германского натиска на Восток кончилась бы, едва начавшись. Исследователи полагают, что в виду имелся... маяк. Что, откровенно говоря, если и не так сенсационно, как настоящий «греческий огонь», то уступает ненамного. Смутно припоминается, что снова маяки у этих берегов загорятся как раз в эпоху беретов с перьями – через полтысячи лет после Адама Бременского.

Но еще любопытнее иное: христианин, священнослужитель, западноевропеец, наверняка имевший представление о европейских столицах того времени – да о Риме, наконец! – называет «самым большим из городов, какие есть в Европе» поселение язычников. Да не brutальных викингов или романтических кельтов – славян. Которым, как известно, положено сидеть в болоте и дышать через тростинку, дожидаясь, пока умный хазарин не принесет им культуру, скандинав – государственность, а византиец – веру.

Я очень хорошо понимаю тех, кому хочется вопреки собственным глазам и здравому смыслу, твердящему, что Адаму ни к чему было брать на душу двойной грех лжесвидетельства и восхваления нехристей, захочется как-то не заметить, не понять это прямое и ясное сообщение. Уж больно это идет в разрез с тем, чему учат, с тем, что вколачивают в подкорку «каждому интеллигентному человеку».

И тогда получаются не очень хорошие вещи. Когда, например, историк, «цитируя» средневекового хрониста, пишет «самый большой город славян».

Понять это можно. Даже легко. Но ложь от этого не перестает быть ложью, а историк превращается из историка в шулера.

Поэтому, читатель, я так поступать не буду. Как у Адама Бременского написано, так тут и помещаю. А кому верить – современным историкам, которые точно знают, чего могло, а чего не могло быть тысячу лет назад, или хронисту, который тогда жил, который, самое малое, говорил с людьми, видевшими Воын-Юмну, если сам в нем не побывал – дело Ваше.

А вот как описывает город Йом «Сага о йомсвикингах»:

«Вскоре там был построен большой, хорошо укрепленный град. Часть города находилась на мысу и окружена была морем. Там была гавань, где могло разместиться триста шестьдесят длинных ладей, да так, что все они находились бы под прикрытием городских укреплений. Все там было устроено так хитро, что вход в гавань перекрывала большая каменная арка. На входе в бухту были установлены железные ворота, которые запирались изнутри. На вершине арки стояла башня, в которой были установлены катапульты».

Волин. Изделия из металла.

Закрывающаяся гавань и катапульты на башнях.

Подчеркиваю, уважаемый читатель, это – эпоха викингов, «темные века» и все такое. Глухая языческая Балтика. К тому же ее славянский берег.

Представьте, какое впечатление все это должно было производить не то что на скандинавов – на тех самых проповедников Римской церкви. Представьте – и поймите, что настроение, возникавшее у жителей иных стран при взгляде на это чудо, легенда с золотыми веретенцами и хлебом в стенах передает как раз отлично²⁴.

В X веке еврей-работорговец из арабской Испании, Ибрагим ибн Якуб, посетил центральную Европу. Он называл Волин-Винету островом двенадцати врат.

А что говорят нам ученые? Мало ли чего нагородят впечатлительные путешественники, не говоря уж о хвастунах-викингах. Вдруг и не было на самом деле ничего примечательного в устье Одры?

«Уже в IX в. он занимал площадь в 50 гектаров, – пишет про Волин-Винету историк В.В. Фомин, – и его население в X веке состояло порядка из 5 – 10 тысяч человек²⁵ (для сравнения, шведская Бирка, которую обычно характеризуют не только как крупнейший торговый центр Швеции, но и всего балтийского Поморья, в середине IX в. была расположена на территории 12 га, а датский Хедебю в пору своего расцвета – X в. – занимал площадь 24 га, и число его жителей насчитывало несколько сотен человек, может быть, даже более тысячи). В XI в. балтийская торговля, достигшая цветущего состояния, была сосредоточена именно в Волине (около него обнаружена почти **треть всех кладов Поморья**

²⁴ Любопытно, что и в русских былинах город «Волинец», из которого приезжает на Русь некий сын боярский или купеческий Дюк (уж не Дюк ли славянин Саксона Грамматика?) окружен атмосферой запредельного богатства – служанки Дюка одеваются богаче киевских княгинь.

²⁵ В тогдашнем Лондоне, например, проживало, по утверждению историков, 5 тысяч человек. Раскопанная част Волина-Винеты – **больше Лондона** .

), и он, в чем были тогда твердо убеждены на Западе, уступал только одному Константинополю».

Археологи нашли множество творений искусных ремесленников, ювелиров, кузнецов, токарей – токарный станок в Вольте-Винете был, судя по всему, отлично известен. Ножницы, ключи, шпоры, замки, идолы, оружие, обереги, кольчуги, торговые гири, ножницы, застежки, весы, резные гребни из кости, украшения, даже яйцо-писанку. Многие предметы из дерева и кости покрыты тончайшей резьбой. Нашли и улицы, мощенные деревянными настилами, которые не без удивления упоминал жизнеописатель Оттона Бамбергского.

Вольт. Резьба по дереву

Однако и это может оказаться еще не все.

Немецкий – подчеркиваю это во избежание упрека ученого в славянофильской предвзятости – историк, кандидат наук Клаус Гольдман утверждает в своей книге «Винета», что город изначально был окружен плотиной. Тут интересно не то, что вольтыцы умели строить плотины, отвоеывая земли у моря – после маяка, катапульт, закрывающегося на ворота порта я уже готов и в плотины поверить. Ну, подумаешь, окажется, что еще одна деталь сказки, пересказанной фру Лагерлеф, окажется правдой – про стену, которой жители Винеты старались отгородиться от ополчившегося на них морского царя. Тут важно совсем другое. По версии герра Гольдмана, крещеные датчане конунга Магнуса во время штурма города устроили непокорным язычникам всемирный потоп местного значения, обрушив плотину. То есть изрядная доля города сейчас пребывает под водой, скрытая от археологических раскопок.

Волын. Резная кость

Любопытно – об этом сообщает журнал «Историк-марксист» в четвертом номере за 1936 год в статье с грозным названием «Фашизация истории в Германии» – что в Третьем Рейхе усиленно пропагандировали Винету, вели ее раскопки, писали о ней в книгах, сравнивая с Римом и Багдадом. Даже могу где-то понять – огромный город с передовыми по тем временам технологиями – катапульты! Маяк! Запирающаяся гавань! Плотина! – выглядел предшественником технической гигантомании Рейха (да и вообще эпохи дизеля). Уж не знаю, как они решали вопрос с тем, что населяли город в подавляющем большинстве никак не тевтоны. Мне просто грустно, что в Третьем Рейхе славянское чудо популяризировали, кричали о нем на весь свет – а в Советском Союзе, где я вырос, про Винету можно было узнать только из сказок иностранки Лагелеф и дореволюционного Ушинского. Грустно и странно.

Еще в Волыне хранилось копье, о котором говорили, будто это копье... Юлия Цезаря. Причем про связь Цезаря с Волыном писали не только немцы, но и польская «Великая хроника». Не иначе, как копье принес вместе с легендой какой-то «федерат»-веринг. Иной общей памяти у Рима с Винетой вроде бы ожидать сложно. Разумеется, если это и так – вряд ли копье когда-то имело отношение к создателю Римской империи и юлианского календаря. Скорей уж можно представить, как веке в IV какой-нибудь римский чин, внутренне покатываясь со смеху, вручил завалившийся в арсеналах древний пилум онемевшему от счастья варвару, под байку про «оружие Божественного Юлия». Ну, римлянам шутка, ежели таковая была, аукнулась – про Одоакра я уже говорил.

В Волыне, как и в Щецини, почитался Триглав – только идол его тут был маленький, можно было в дупло спрятать.

Зато отлит из золота!

Волын. Триглав

Таков был Волын, Юмна, сказочная Винета, Йомсбург северян. Языческий мегаполис средневековой Европы. Средоточие богатства и, если так можно выразиться, передовой – по тем временам – технической мысли, хоть и не слишком прославленный воинской отвагой или истовым почитанием древних Богов.

Все это с лихвой возмещал Рюген, Руян, «остров Рус» арабских и персидских землеописаний.

Адам говорит о нем мимоходом, называя жителей Руяна самыми свирепыми пиратами наряду с ваграми Фемарна. «Без их решения не положено ничего предпринимать в общественных делах: так их боятся из-за их близких отношений с богами или скорее демонами, которым они поклоняются с большим почтением, чем прочие», добавляет он. Поподробнее рассказывает об острове и его святынях Гельмольд. Самое же подробное описание его оставил нам старый знакомец Саксон Грамматик, лично присутствовавший при походе датского короля Вальдемара, правнука нашего Мономаха, на Рюген.

Житие Оттона Бамбергского называет жителей острова *rutheni*, то есть русины²⁶ (не путать с *ruteni* без «h» – кельтским племенем). Они берут дань со всего побережья, сами же никому не платят, они крайне недовольны тем, что жители побережья выслушивают христианских проповедников, а на попытки Оттона проповедовать им начинают

²⁶ Между тем в публикациях жителей острова упорно величают датской кличкой «раны». С тем же спехом можно сказать «В Куликовской битве татар победили урусы», или «царь рашенов помешал Англии вступить в Гражданскую войну в США на стороне юга».

рассказывать о собственной родословной. Это напоминает русов из «Тидрек-саги», попрекавших худородностью не кого-нибудь, а Аттилу: «его отец Озид был незначительным конунгом, и род его не так знатен, какими были русские люди, наши родичи»²⁷.

Каспар Давид Фридрих. Меловые скалы Рюгена

Именно об этой Руси, скорее всего, говорит и Гельмольд, утверждая, что от шведской Бирки до шведского же Сконе столько же дней пути, сколько и до Руси. Естественно, здесь не может идти речь о Новгороде.

Примерно за сто лет до Гельмольда русов упомянул уже знакомый нам ибн Якуб. Помимо прочего, он рассказал в своих записках, что русы нападают на кораблях на пруссов (речь о восточной Пруссии с ее Кенигсбергом, ныне Калининградом) с *запада*.

И именно отсюда, скорее всего, «язычники, называемые ар-рус» совершили, по словам Аль Йакуби, набег на арабскую Севилью в 844 году. «И пленяли, и грабили, и жгли, и умертвляли». От этого набега остался и материальный след – в городе Ральсвик (название позднее, германское) на острове Рюген остался клад, в котором – единственном на всю Балтику! – лежали монеты арабского серебра из Испании, начеканенные незадолго до набега. Кладов испано-арабского серебра на Балтике эпохи викингов вообще немного, настолько ранних его находок – нет вообще.

В IX – X веках арабы и персы часто рассказывают об «острове русов», где правит священный правитель каган, откуда русы уходят в торговые путешествия или воинские походы на кораблях, куда свозят дань от соседних славян, говорят о его жрецах, не подчиняющихся даже «царю русов», напротив, именно он должен подчиняться жрецам, ибо те говорят от имени Богов и могут любого (по умолчанию – и «царя») принести в жертву.

Ну, об отождествлении рогов с русами у немецких авторов мы с Вами уже говорили.

Гельмольд пишет о культе «русинов» так: «Свентовит, бог земли руянской, занял первое место среди всех божеств славянских, светлейший в победах, самый убедительный в

²⁷ Допускаю, однако, что островные русины не впали в амбицию, а всего лишь ответили любезностью на любезность, если Оттон начал читать им евангелие с длиннейшей родословной своего бога.

ответах. Поэтому в наше время не только вагская земля²⁸, но и все другие славянские земли посылали сюда ежегодно приношения, почитая его богом богов. Король же находится у них в меньшем по сравнению со жрецами почете. Ибо тот тщательно разведывает ответы [божества] и толкует узнаваемое в гаданиях. Он от указаний гадания, а король и народ от его указаний зависят.

Среди различных жертв жрец имеет обыкновение приносить иногда в жертву и людей – христиан, уверяя, что такого рода кровь доставляет особое наслаждение богам».

Это выглядит как пересказ другими словами, возможно, даже просто другой перевод одного и того же текста – не было ли такого у русов, чего-нибудь вроде для пущей запоминаемости уложенного в стихи рассказа о своей земле?

Как Тацит говорил об «особом почтении» «ругиев» к их царям, как восточные авторы придают правителю русов титул «кагана» – ритуального царя, живого идола, так и Гельмольд говорит, что среди славян жители Рюгена «единственные имеют царя». Однако, как замечает тут Гильфердинг, поскольку сам же Гельмольд щедро рассыпал правителям других варяжских народов титул «гех», то очевидно, что фраза эта подразумевает особый статус правителя именно правителя Рюгена. Он, пишет Александр Фомич, «получил религиозное значение и, осененный покровительством богов, возвысился над всеми прочими князьями балтийскими. Он, может быть, даже и не назывался князем, а носил высший титул». Нетрудно будет понять, что этот титул был (заимствованный, скорее всего, еще у авар) титул кагана. Во-первых, славянский мир не знал иного высшего, чем князь или король, титула, нежели каган. Цари среди славян появятся много позже, в иных местах. И нет никакого свидетельства, что титул царя был известен южному берегу Балтики в те времена. Мнимый «Цесарь» Гильфердинга оказался, как мы помним, на поверку, Заезерьем. Во-вторых, «религиозное значение» из всех известных славянам имел именно титул кагана (когда-то таковым был «князь», но во времена Гельмольда это слово уже закрепилось за военными вождями). И, наконец, в-третьих, мы имеем прямое сообщение о «хагане» Рюгена. Англо-саксонская поэма «Видсид» среди прочих правителей северной Европы упоминает и «Хагана», правящего «хольмругами», то есть ругами, русами на острове. В связи с вышеизложенным есть основания считать, что Хаган в данном случае не имя, как принято считать, а принятый за имя титул (в том же списке «греками», византийцами, правит человек по имени Кьяр – «Царь», франки принимали за имя титул аварского кагана).

²⁸ Это «не только» говорит о каких-то особых связующих отношениях между ваграми и островными русинами. К коме же они были ближе – к ободритам или к велетам, от которых их отделял пролив? Сейчас, боюсь, установить будет нелегко.

Скалы Рюгена

Существует предание, что белые скалы Рюгена испытывали тех, кто хотел стать правителем. На вершине огромной меловой скалы стоял княжеский престол – и претендент должен был взобраться туда со стороны моря, подтвердив не только физические данные, конечно, важные для вождя в ту суровую эпоху, но и волю, мужество, самообладание. Можно сказать, что Рюгеном правили альпинисты.

Интересно, что при таком религиозном почтении к князю реальной власти ему, что на Рюгене, что в иных варяжских землях, предоставлялось не так много. С одной стороны, его ограничивали вековые обычаи и обряды, которые охраняли жрецы, с другой стороны, – воля веча, народного собрания, голос которого был слышен в каждом варяжском городе. Иной раз вечевые сходки собирали даже во время войн.

О жрецах, опекавших живого Бога острова Рус, можно сказать, помимо их влияния, немного. Одевались они в долгополые одежды и носили «длинные волосы и бороду вопреки народному обыкновению» – то есть в точности так, как видели мы на фигурках, поддерживающих алтарь Кродо. Точно так же, в долгополом одеянии и с длинными волосами, изображен волхв в русской летописи, на иллюстрации к событиям 1071 года, когда кудесник поднял за старых Богов весь город, и был предательски убит на переговорах ударом пронесенного под полою топора князя-христианина. Бородатым и длинноволосым представлен волхв на другом рисунке, где княжеский воевода Ян Вышатич пытается пленных жрецов.

Славянский жрец

Каким же кумирам поклонялись в городах-храмах острова Рус?

Вот что рассказывает Саксон Грамматик о главном храме столицы острова, Арконы²⁹.

«Город Аркона, – пишет он, – лежит на вершине высокой скалы; с севера, востока и юга огражден природною защитою,... с западной стороны защищает его высокая насыпь в 50 локтей... Посреди города лежит открытая площадь, на которой возвышается деревянный храм, прекрасной работы, но почтенный не столько по великолепию зодчества, сколько по величию бога, которому здесь воздвигнут был кумир. Вся внешняя сторона здания блистала искусно сделанными барельефами различных фигур, но безобразно и грубо раскрашенными. Только один вход был во внутренность храма, окруженного двойною оградю: внешняя ограда состояла из толстой стены с красною кровлею; внутренняя – из четырех крепких колонн, которые, не соединяясь твердою стеною, увешаны были коврами, достигавшими до земли, и примыкали к внешней ограде лишь немногими арками и кровлею. В самом храме стоял большой, превосходивший рост человеческий, кумир, с четырьмя головами, на стольких же шеях, из которых две выходили к груди и две к хребту, но так, что из обеих передних и обеих задних голов одна смотрела направо, а другая налево; волосы и борода были подстрижены коротко; и в этом, казалось, художник соображался с обыкновением руян. В правой руке кумир держал рог из различных металлов, который каждый год обыкновенно наполнялся вином из рук жреца, для гадания о плодородии следующего года;

²⁹ Аркона была раскопана в начале XX века. Найдены были остаток стены толщиной в два метра и четыре колонны, ограждавшие, видно, святая святых... Но сейчас обрыв, на котором стоял храм, окончательно ушел в море. Наверное, это правильно. Святыне ни к чему становиться аттракционом для бездельников и дураков.

левая рука, которую кумир опирался в бок, подбилась луку. Верхняя одежда спускалась до берцов, которые составлены были из различных сортов дерев и так искусно были соединены с коленями, что только при точном рассматривании можно было различать фуги. Ноги стояли наравне с землею, их фундамент сделан был под полом. В небольшом отдалении видны были узда и седло кумира с другими принадлежностями; рассматривающего более всего поражал меч огромной величины, которого ножны и черен, кроме красивых резных форм, отличались прекрасною серебряною отделкою... Для содержания кумира каждый житель острова обоих полов вносил монету. Ему также отдавали третью часть добычи и хищения, веря, что его защита дарует успех; кроме того, в его распоряжении были триста лошадей и столько же всадников, которые все, добываемое ими насилуем или хитростью, вручали верховному жрецу; отсюда приготавлились различные украшения храма; прочее сохранялось в сундуках под замками; в них, кроме огромного количества золота, лежало много пурпурных одежд, но от ветхости гнилых и худых. Можно было видеть здесь и множество общественных и частных даров, жертвованных благочестивыми обетами требующих помощи, потому что этому кумиру давала дань вся Славянская земля. Даже соседние государи посылали ему подарки с благоговением: между прочими, король Датский Свенон³⁰, для умилоствления его, принес в дар чашу искуснейшей отделки... Этот бог имел также храмы в очень многих других местах, управляемые жрецами меньшей важности. Кроме того, при нем был конь, совершенно белый, у которого выдернуть волос из гривы или хвоста почиталось нечестием. Только верховный жрец мог его кормить и на нем ездить, чтобы обыкновенная езда не унизила божественного животного. Верили, что на этом коне Свентовит ведет войну против врагов своего святилища; это следовало из того, что конь, ночью стоявший в стойле, часто утром был покрыт пеною и грязью, как будто он воротился из дальней дороги». Свентовит имел свои боевые значки (Signa) или знамена. Главнейшее из них называлось Станица (Stanicia). «Оно было, – говорит Саксон, – отлично по величине и цвету и почитаемо народом руянским почти столько, сколько величие всех богов. Нося его перед собою, они считали себя вправе грабить все человеческое и божеское, и все считали себе дозволенным. С ним они могли опустошать города, разрушать алтари, неправое делать правым, всех пенатов руянских разрушать и сжигать, – и власть этого небольшого куска полотна была сильнее власти княжеской». Там же в храме не то жил посвященный Богу орел, не то хранились воинские значки-орлы.

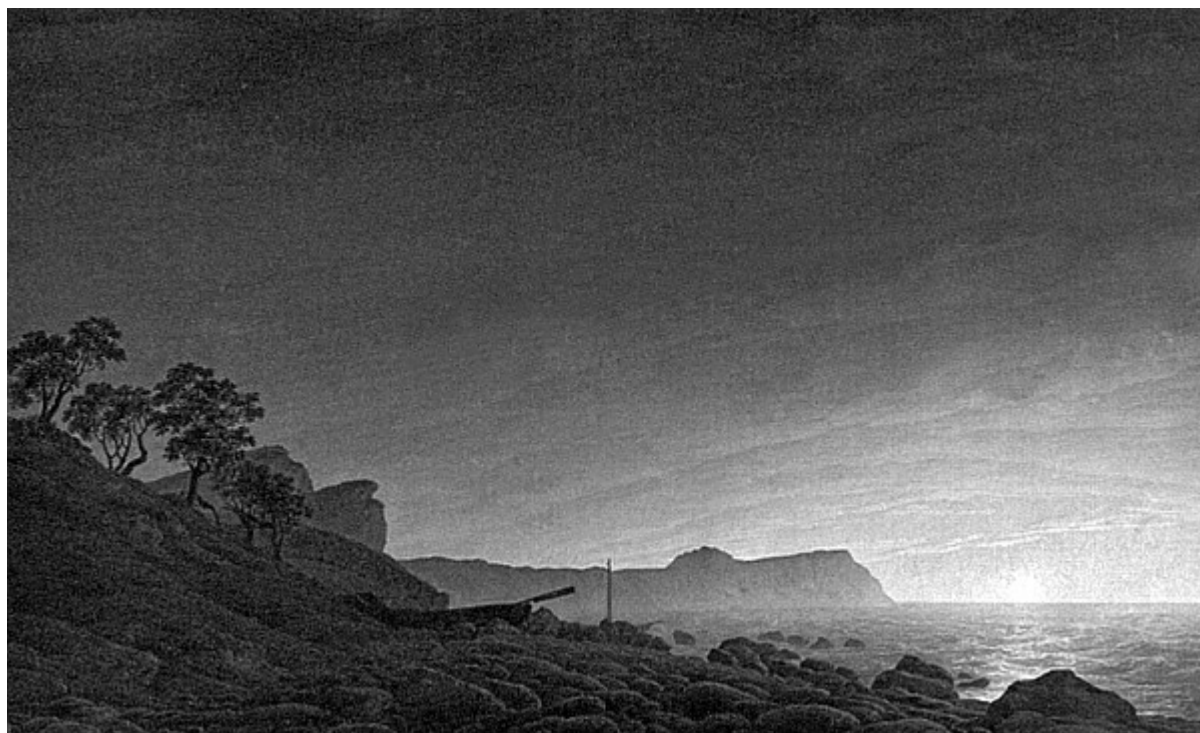

Князь Глеб и волхв

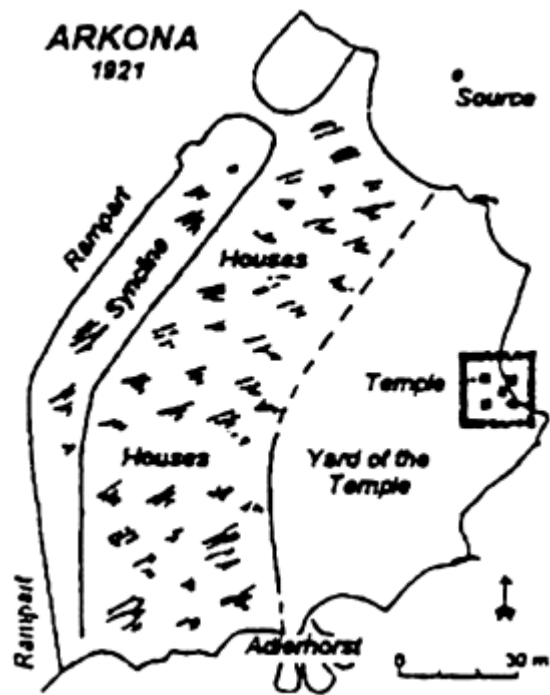
30 По всей видимости, Свейн Вилобородый, вернувший в свою землю почитание праотеческих Богов.

Аркона глазами Станислава Якубовского

Аркона глазами К.Д. Фридриха

Аркона. План раскопок

Аркона сейчас

Уж не «аквилы» ли опрокинутых римских легионов, присланные на священный остров Радагайсом-Радегастом или иным победителем римлян?

После уборки урожая, сообщает Саксон, жители острова приносили в жертву своему кумиру скот и ели жертвенное мясо. Главный жрец входил в заповедную внутреннюю святыню храма, где стоял сам Свентовит, завешенную в обычное время красными полотнами. Только он имел право туда входить – и даже он не смел там дышать. Приходилось задерживать дыхание, а переводить дух, выскочив на вольный воздух.

Поклонение Свентовиту. Иван Билибин.

По уровню налитого в рог в руке изваяния вина жрец определял урожай в будущем году – если вино было низко, жрец велел людям делать запасы. Если же вино плескалось вровень с краями рога – говорил, что все будет в порядке.

Надо сказать, что хоть я и не люблю т.н. «рациональные» толкования – как сказал Честертон, рационалистами себя называю не те, кто умеет думать, а те, кто убежден, будто кроме них никто думать не умеет – тут как раз рискну выдвинуть одно такое. Уровень вина напрямую зависел от скорости испарения, от сухости или же влажности воздуха – а это уже напрямую связано с погодой, а стало быть, и с урожаем.

После этого рог осушался с пожеланиями жреца благ себе и всему поморью Варяжскому, затем наполнялся вновь – и водружался обратно в десницу кумира.

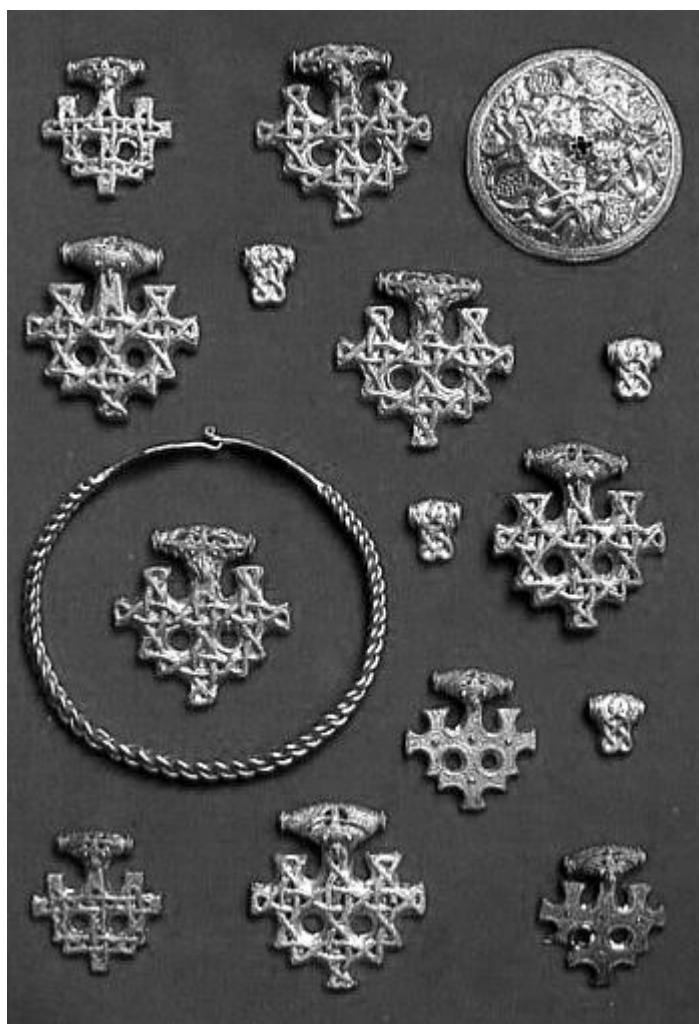
На другой праздник – мы можем предполагать, что речь шла о зимнем солнцевороте – в храм вносили огромный пирог. По всему, пирог изготовлялся из долей меда, муки и прочих ингредиентов, присланных от всех общин и племен. Спрятавшись за пирогом, жрец вопрошал, видно ли его. Вне зависимости от ответа, он провозглашал: «Чтоб в следующем году не видно было!» Это означало пожелание, чтоб урожай в следующем году был хорош.

После этого начиналось жертвенное пиршество.

Кроме жрецов, при храме Свентовита неотлучно находились три сотни всадников, готовых в любой момент сражаться с любым врагом, исполняя волю четырехликого Бога. Их добыча шла храму не долей, а целиком.

Жертвенная чаша, Рюген

Сокровища Арконы. Регалии жреца или священного царя

Такова была святыня Арконы. Был на Рюгене и еще один город-храм – Кореница, окруженный почти целиком непроходимыми топями и болотами (о болотах «острова Русов» с содроганием отзывается еще Ибн Русте). Кроме храмов там были еще и дома – к изумлению вошедших туда христиан-данов, *трехэтажные*. В Дании же и двухэтажный дом (именно дом, а не замок и не церковь) в тот момент были редкостью.

«Отличием этого города [Кореницы] были три здания выдающихся храмов, заметные блеском превосходного мастерства. Достоинство местных богов пользовалось почти таким же почитанием, как среди арконцев – авторитет общественного божества. ...

<...Самый большой храм стоял внутри двора, но вместо стен ему служили пурпурные завесы, крыша же опиралась лишь на колонны. Служители [церкви], разломав ограду двора, взялись за внутренние завесы храма. Когда и их убрали, высеченное из дуба изваяние, именовавшееся Ругевитом, стало видно в своем уродстве со всех сторон. Ласточки, которые под его устами свили гнезда, покрыли пометом его грудь. Достойный бог, изображение которого столь уродливо измарано птицами! Кроме того, у его головы было семь человекоподобных лиц, которые все были покрыты одним черепом. Столько же мечей в ножнах, подвешенных к его боку, изобразил мастер. Восьмой, обнаженный [меч], [бог] держал в руке; вложенный в кулак, он был крепчайше прибит железным гвоздем, так что нельзя было извлечь, не разрубив, что показало его рассечение. Ширина его была больше человеческого роста, высота же такая, что [епископ] Абсалон, встав на цыпочки, едва достал до подбородка топориком...>

Славянские хоромы. Станислав Якубовский

Этого бога почитали, совсем как Марса, возглавляющим силы войны. Ничего забавного не было в этом изваянии³¹, вызывавшем отвращение грубыми чертами уродливой резьбы».

Если Вольтин-Винета был воплощением предпринимательства и богатства, то на белых скалах Арконы почивал дух Власти – власти земной и власти духовной, дух воинов и жрецов. О Вольтине-Винете можно многое что сказать – но очень мало о храмах или жизни

³¹ Занятное замечание. Что бы сказал достопочтеннейший Саксон тому, кто нашел бы «забавным» распятие или облик Христа-судии на иконах страшного суда?

его князя. Наоборот, на Рюгене мы слышим только о храмах и князьях.

Возможно, внимательный читатель уже задался вопросом – отчего я говорю про Свентовита, Триглава, Радигаста как про кумиров и идолов, а не Богов?

Своеобразие мифологии Балтийских славян подчас ставило исследователей в тупик. Боги Рюгена, Волина, Щецына, Радигоста кажутся чем-то совершенно отдельным от пантеонов иных славянских народов. Мы не знаем о почитании Свентовита, Ругевита, Поренута, Поревита, Радигоста, Триглава, Подаги и прочих за пределами южных берегов Балтики.

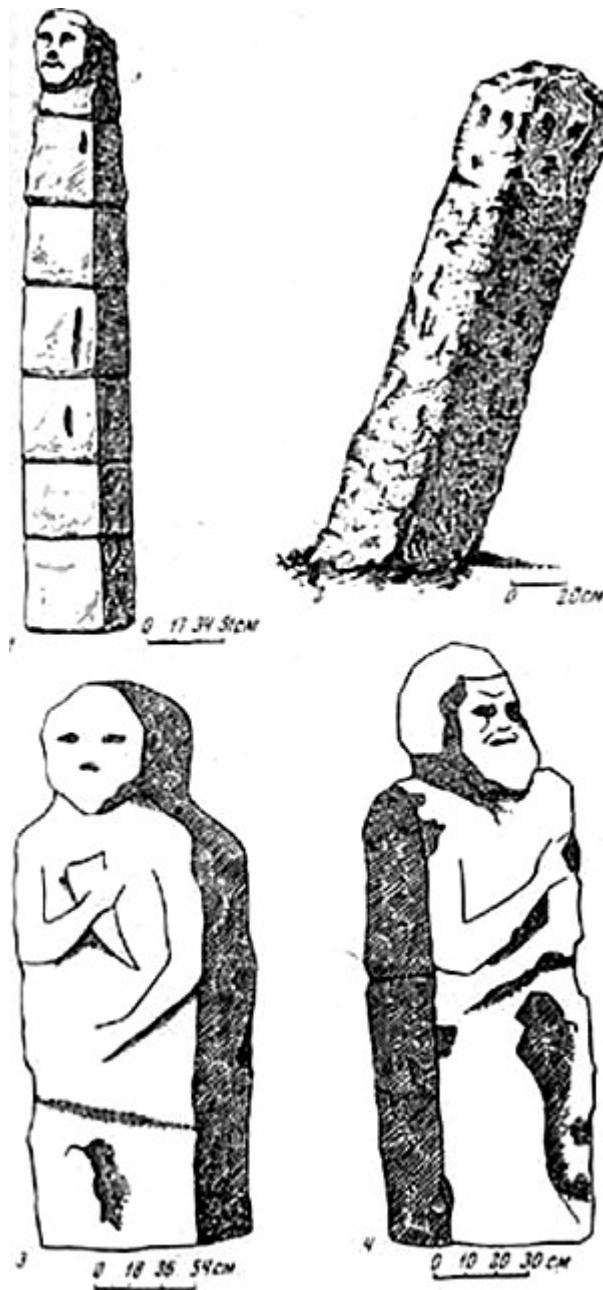
Обязаны ли своим существованием они некоему до-славянскому населению балтийских берегов? Это крайне сомнительно. Имена Свентовита, Радигоста, Триглава совершенно ясно звучат по-славянски. И они, и все остальные отсутствуют в мифах и легендах соседних не-славянских народов – германцев, скандинавов, кельтов, балтов.

Сложение собственного, нигде более не известного пантеона мы могли бы ожидать от какого-нибудь потерянного медвежьего угла, затиснутого в лесных – болотных, горных и пр. – дебрях промеж инородцев – но никак не от балтийских славян, общавшихся со всем светом, и со своими сородичами на юге и на востоке в частности. Известно, что в паломничество к алтарям Рюгена и Радигости-Ретры приходили из Чехии, мы твердо знаем, как связано балтийское славянство с северной частью славянства восточного – теснейшими узами языка, антропологии и материальной культуры. Тем не менее, нет и следа имен балтийско-славянских Божеств ни в Чехии, ни на Руси.

С другой стороны, мы встречаем в обрядах и обычаях этих неведомых остальной части славянства божеств черты, известные практически по всей территории славянства. Так же, как жрец Свентовита в Арконе прятался от прочих священников и прихожан за ритуальный хлеб, спрашивая, видно ли его – точно так же поступали на Рождество (а изначально, скорее всего, на зимнее солнцестояние) домохозяева в Болгарии и на Украине. А роль хлеба играла горка из пирогов. Точно так же, как гадали на коне и копыях в Радигоще, Арконе и Щецини, русские девушки гадали на жениха – подписанные парнями оглобли выкладывали по двору, а девушка вела коня через них, следя, чьей оглобли и каким копытом коснется вещей конь – за кого замуж идти и каково за ним будет.

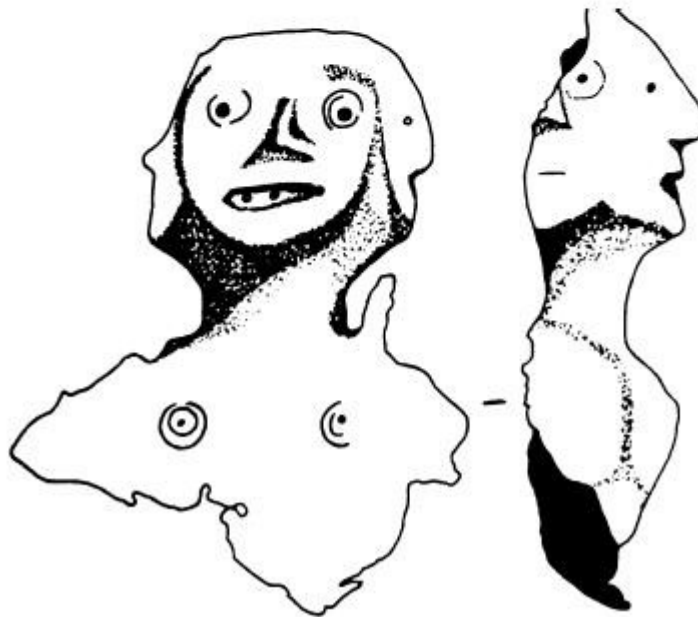
Многоликие изваяния встречаются не только на берегах Варяжского Поморья. Три из них найдены на западно-украинских землях, и двое из них – знаменитый Збручский и найденный неподалеку от него идол из Иванковиц.

Третьему кумиру, из Гусятина, что неподалеку от Збруча, не так повезло – нашедшие его в 1875 году крестьяне по наущению священника раскололи изображение Божества на части и использовали их для строительства часовни. Не сохранился и четырехликий истукан, найденный в Белоруссии. Смотрящие «на все четыре стороны» изваяния известны и в России. В старой Рязани под Спасским собором середины XII в. найдена бронзовая четырехликая фигурка – впрочем, возможно, что и трехликая – сохранилось только среднее лицо да части боковых. Когда-то я думал, что языческая святыня спрятана в запасниках – иначе как объяснить, что мы не видим ее изображений ни в одной книге по русскому язычеству? Однако, посетив музей в Рязанском кремле, я с изумлением убедился, что идола никто и не думает скрывать. Он выставлен на витрине, встречающей посетителя еще на площадке лестницы, ведущей в первый по ходу обзора зал. В самом деле, зачем прятать? «Мы ленивы и не любопытны» – это качество, подмеченное еще А.С. Пушкиным, работает вернее любых спецхранов.

Идол из Иванковиц

То же верно и касательно так называемой «Боголюбской капители». В боголюбовской экспозиции Владимиро-Суздальского музея-заповедника находится загадочный камень, по всей видимости, некогда венчавший каменный столб. На каждой грани «капители» – женское (?) (черты всех четырех лиц сильно стерты) лицо в подобии нимба. Исследователи высказывали самые разные предположения по поводу этого камня. Сошлись на том, что это «капитель»... но капитель от чего? кусок камня с четырьмя ликами больше, чем другие капители Боголюбова, а что до версии, что он венчал один из столпов гипотетического притвора церкви «рождества богородицы»... А где же тогда остальные? Да и сам притвор – «гипотетический», и к этому что-то сложно добавить.

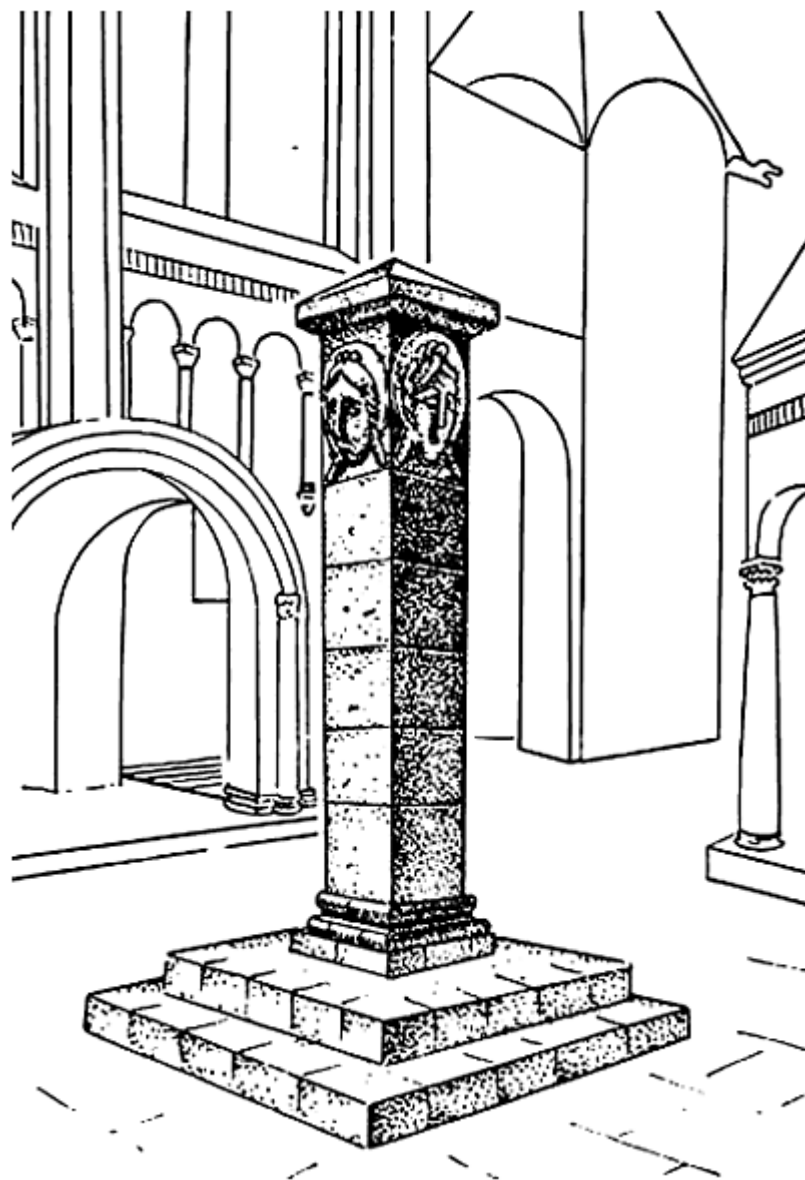
Рязанский идол. Фотография и прорисовка.

Г.К. Вагнер выдвинул оригинальное предположение – якобы капитель венчала отдельно стоящий «богородичный столп». Однако все аналогии такому странному проявлению Богородичного культа находятся весьма далеко от Руси, да и там, мягко говоря, не типичны.

Боголюбовская «капитель» (фотографии)

Четырехликое изваяние в XIX веке было встроено в ограду монастыря Рождества Богородицы, но объектом культа служило, судя по всему, задолго до этого – каменные лица пострадали, по предположению ученых, от многочисленных прикосновений и поцелуев. Вполне возможно, впрочем, что бесчисленные поцелую лишь закончили, зашлифовали дело рук христианских вандалов.

Боголюбовская «капитель» (реконструкция Г.К. Вагнера)

На мой взгляд, такая судьба указывает, скорее, на иное происхождение так называемой «капители». В стены церквей, монастырей, часовен очень часто вмуровывали почитавшиеся народом языческие святыни, идолов и чтимые камни – так, в 1788 хотели вмуровать в фундамент строящейся церкви знаменитый Синий Камень неподалеку от Боголюбова, под Переяславлем-Залесским. Вспомним и участь Гусятинского изваяния. На Рюгене, кстати, в стену церкви в Альтенкирхен вмуровано изображение безбородого усатого мужчины в шапке и с огромным рогом в руках – очевидная языческая святыня. Не была ли и так называемая «капитель» частью языческого идола, «приватизированной» церковью?

Мне, читатель, такое объяснение кажется более обоснованным, чем построения исследователей, возводящих для него то гипотетические притворы, то еще более гипотетические «столпы». Кого-то могут смутить круги-нимбы над головами «капители» – но русское искусство тех веков знает примеры оснащения нимбами заведомо языческих персонажей, вроде крылатых птице-дев, «вил».

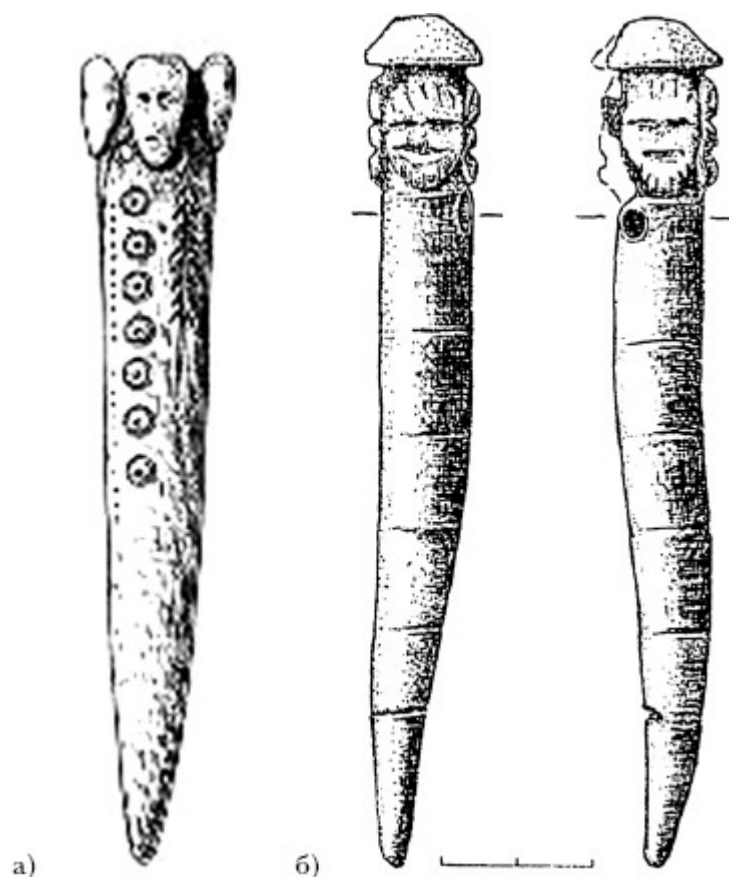

Вмурованный в церковную стену идол из Альтенкирхен

У южных славян находим очень маленькие костяные четырехликие идолы – в Болгарии(Преслав), Македонии (село Чучер под Скопье). В Преславе идол найден в слоях X века – не русский ли князь Святослав Храбрый, в те годы ходивший в Болгарию и посещавший Преслав, или кто-то из его дружинников потерял своего покровителя? Оба южнославянских «Свентовита» снабжены отверстием в районе «шеи» (видимо, для ношения на шнурке») и острием на конце (очевидно, для того, чтоб втыкать в землю на время обряда).

В общем, трех- и четырехликие изображения Божеств встречаются и за пределами Варяжского поморья, и довольно часто.

Не так давно Л.С. Клейн выдвинул версию о том, что божества славянского Поморья были-де обожествленными «феодальными правителями» этих народов. Оставляя за гранью обсуждения безответственное употребление термина «феодальный», хочется отметить – вряд ли возможно, чтобы обожествленные военные вожди становились верховными божествами, как Свентовит. Еще сложнее объяснить таким образом три головы Триглава, четыре – Свентовита, пять – Поренута и Поревита, семь – Ругевита.

Идол: а) болгарский; б) македонский

На мой взгляд, здесь можно объяснить все достаточно просто. Мы знаем о перечисленных богах от латинских монахов, а они вполне могли и не различать имя изображенного бога от... названия изображения!

В самом деле, в любом развитом культе – а культ балтийских славян, несомненно, был развит – существуют определенные каноны изображения того или иного божества, причем каноны различные. И часто тот или иной канон обретает особое имя – так, Аполлон мог быть Музагетом с лирой в руках, или Завроктоном, поражающим змея, Шива – пляшущим шестируким Натараджей или застывшим в позе лотоса Махайогином с двумя руками. Иногда имя давалось по месту главного храма того или иного образа Божества – Артемида Эфесская – или по наиболее заметной черте изображения – Аполлон Четырехрукий.

Гильфердинг упоминает, что балтийские славяне избегали всуе упоминать имена Богов, заменяя их атрибутами... Так, может, и тут – та же черта? Вместо имени Бога славяне произносили – особенно при чужаках-иноверцах «Триглав» – Трехголовый, или «Радигост» – Тот, Чей Кумир стоит в городе Радигосте. Чтоб далеко не ходить – вспомните богоматерь Владимирскую и богоматерь же Троеручицу. Аналогии достаточно близкие.

Полагаю, это наиболее близкое к истине решение вопроса. Не было никаких особенных богов балтийских славян, а были имена кумиров – и вполне могло быть так, что, скажем, Радигост и Свентовит изображали одного и того же Бога³².

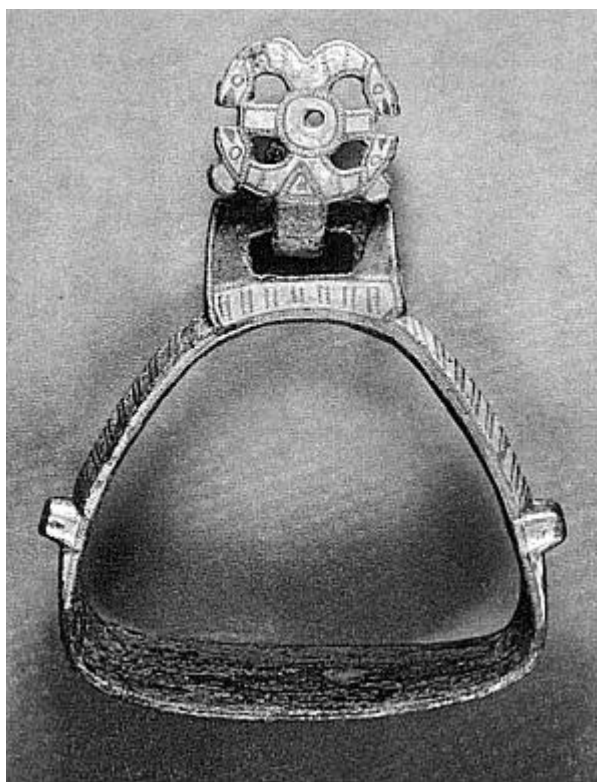
Подлинных же имен большинства из этих Божеств нам, боюсь, никогда не узнать. Просто, судя по некоторым моментам – например, название четверга «перундан» у полабов или городки с названием Regun на картах этих земель 1240 года, или очевидное сходство Яровита с восточнославянским Ярилой, или обозначение Радигоста в некоторых источниках Сварожичем – мы можем предполагать, что почитались на варяжском Поморье те же

³² Секира, орел, бычья голова Радегаста – символы Перуна. С другой стороны, сильно похож на Перуна и Свентовит, его праздник – после жатвы, как и Перунов – позднее Ильин – день, ему посвящены орлы, а лингвист В.Н. Топоров упоминает о четырех головах литовского подобия нашего Перуна – Перкунаса.

Божества, что и в прочих славянских землях.

Поэтому человеку, спрашивающему, где же на Руси «бог Свентовит» или «бог Радегост», смело отвечайте – точно там же, где и богини «Царица Небесная», «Матушка-Заступница», «Богородица», «Знаменье», «Владимирская» и «Умягчение злых сердец».

Поговорив о культуре варяжской Руси, скажем кое-что и о воинском искусстве. О битвах и войнах здесь придется говорить постоянно – и уже немало было сказано – отметим только несколько деталей. Во-первых, отличительной чертой варяжской Руси была конница – не настолько развитая, как та, что пришлось заводить на землях Руси Киевской, чтобы выходить победителями из стычек с кочевниками. Например, жители варяжской Руси почти не использовали «заводных» коней – на каждого бойца приходился только один скакун (о красоте и статности варяжских скакунов немцы отзываются с придыханием), что, впрочем, не мешало им совершать долгие конные походы – ободриты, например, доходил в них до северной Италии. С другой стороны, на южных берегах тогда еще Венедского залива очень рано появляются шпоры, а потом и стремена. Свентовит на коне «сражался с врагами руянского народа», а, скажем, скандинавский Один на своем знаменитом Слейпнире только ездил. Если спуститься с небес на землю – всадников Арконы мы уже упомянули. Первый случай, когда датские корабли перевозили коней, датируется аж 1136 годом. Корабли рюгенских славян перевозили конницу еще в 1112 году – если не раньше.

Шпоры, стремена, детали упряжи балтийских славян

Оружие вендов не слишком отличалось от скандинавского – разве что больше внимания уделялось мечу, чем секире, и об этом мы еще поговорим, когда речь пойдет о варяжских ремесленниках. Поэтому, кстати, стоило бы говорить не о «скандинавских комплексах» там, где находят похожее на скандинавское оружие, а... ну, хотя бы о балтийских или циркумбалтийских. Отличить венда от скандинава по вооружению – задача ничуть не легче, чем неподготовленному человеку по бешмету с газырями, бурке, папахе и шашке понять – владел ими, скажем, адыгеец-мусульманин, или православный славянин из терских казаков.

Более того, даже если у вас нашелся источник, рассказывающий о событиях, происходивших там, где нашли «скандинавское» оружие, слова «норманны» или «викинги»

далеко не всегда гарантируют, что речь идет об этнических скандинавах.

Недавно я нашел в сети очень интересную за метку.

«Хотелось бы рассмотреть одно слово, которое традиционно считается германизмом в славянских языках, но неожиданным образом может оказаться балтославизмом в германских.

Речь идет о праславянском *vitędzь 'витязь', которое обычно считают заимствованием из прагерманского *wīkingaz (точнее, из его отражений в северозападногерманских диалектах, к которым относятся, например, древнесеверное *_vnkingr* – 'викинг').

Обращают на себя внимание следующие вещи:

1. Этимология, возводящая праславянское слово к прагерманскому, имеет как минимум один существенный формальный недостаток: германское *wīkingaz должно было бы дать праславянское +vīcędzь. *t на месте ожидаемого *c обычно объясняют диссимиляцией свистящих аффрикат (чтобы разуподобить *c [ts] и *dz, *c «дезаффрикатизировали» в *t), но такое объяснение имеет явный характер ad hoc и не выглядит очень убедительным.

2. У праславянского слова есть «коллеги» в древнепрусском (*_weiting* – 'воин; представитель служилого дворянства' < *wītingīs) и литовском (*_vy~tis* – '1. витязь; 2. традиционное (восходящее к гербу Великого княжества литовского) изображение конного воина на литовском гербе'). Древнепрусское слово принято считать полонизмом или (чаще) тем же германизмом, насчет литовского слова мнения расходятся (одни считают исконно литовским словом, родственным глаголу *_vęti* – 'гнать', откуда и традиционный перевод изображения на гербе ВКЛ как «погони», другие – тем же полученным при прусском или славянском посредстве германизмом). Интересно, что в обоих словах находим тот же *_t_*, соответствие которого германскому *_k* – требует объяснения.

3. Древнесеверное (древнеисландское) *_vnkingr* – 'викинг' не имеет сколько-нибудь убедительной этимологии (пытаются объяснить из древнесеверного *_vnk* – 'небольшой залив, фиорд', прасеверозападногерманского *wīkaz 'поселок', заимствованного из латинского *_uīcus* – 'поселок', что неубедительно с точки зрения семантики, или древнесеверного *_vng* – 'бой', что невозможно фонетически; остается объяснение из северноевропейского субстратного слова, что тоже никак не назовешь внятной этимологией). Самая ранняя фиксация слова в северозападногерманском – 8 в. (древнеанглийское *_wīcing_*).

4. Праславянские *voję 'воин' и *(po)vino,ti 'покорить' обычно возводят к тому же праиндоевропейскому *weiH – 'преследовать', что и литовское *_vęti* – 'гнать'. Таким образом, литовское *_vy~tis* – 'витязь', древнепрусское *wītingīs 'воин' и праславянское *vitędzь 'витязь' (из раннего праславянского *wītingeh) могут представлять собой общее балтославянское наследство и восходить к балтославянской инновации – созданию слова *wīt(ing)(j)as (морфологическое членение *wī-t(-ing)(-j)-as) 'воин' на базе глагольного корня *wī – 'преследовать, идти войной' (< праиндоевропейского *weiH – 'преследовать').

Таким образом, не исключено, что древнесеверное *_vnkingr* – (как и его древнеанглийское и древневерхненемецкое соответствия, по-видимому, попавшие в эти языки из древнесеверного) – это западнобалтизм (известно, что скандинавы интенсивно взаимодействовали с пруссами; для древнепрусского в исконных словах характерна мена [t'] – [k']) или западнославизм (из празападнославянских диалектов типа пракривичского, в которых наблюдается то же явление). О мотивации такого заимствования можно только гадать.»³³

То есть я, конечно, и раньше знал, что викинг – не национальность, а профессия и что называли так не одних этнических скандинавов³⁴:

«Затем Хакон конунг поплыл на восток вдоль берегов Сканий и разорыл

33 <http://www.compagnia.ru/ice/read.php?f=1&t=142376&a=1>

34 Поэтому разговоры о «женщинах викингов», «богах викингов» или «королях викингов» не имеют никакого смысла. С тем же успехом можно говорить о «женщинах гангстеров» или «президенте гангстеров».

страну, брал выкупы и подати и убивал викингов , где он их только находил, как датчан, так и вендов ».

(«Сага о Хаконе Добром» из «Круга Земного»
Снорри Стурлуссона)

«Когда они выехали на восток в море, на них напали викинги . Это были эсты ».

(«Сага об Олаве Трюггвасоне»)

К последнему сообщению стоит добавить, что в средневековых источниках эстами часто называли не современных эстонцев, а балтов-прусов. Есть основания полагать подмену понятий и в этом случае – во всяком случае, предводителем «эстов» был некий Клеркон – имя не эстонское и в эстонском языке объяснения не находящее.

Но вот что и само слово викинг может оказаться не скандинавского, не германского происхождения, а балтского или даже славянского – такого я никак не ожидал!

С «норманнами» тоже не все гладко.

Общение с историческими документами всякого научит «не верить глазам своим», ибо очень и очень часто там «на клетке со слоном увидишь надпись «буйвол»», по бессмертному слову Козьмы Петровича Пруtkова. Константин Багрянородный на ясном глазу причисляет авар к славянам – а венгров именуется турками так просто систематически. Иные арабские авторы числят среди «тюрок» русов. Готов многие авторы вроде как отделяют от германцев – причем среди них и гот Иордан – при том что готский язык несомненно был германским, как во времена Римской империи, так и в средневековом Крыму. Бриттов и население Ирландии, на обычаях и легендах которых процентов на 75 покоится наше представление о кельтах, кельтской религии, мифологии, обществе, ни один древний источник не называет кельтами или галлами.

И так далее, и тому подобное.

Неоднозначно и слово «норманны», в котором мы привыкли видеть название одних скандинавов.

Исток этого имени – самоназвание норвежцев – норман, нормадр, «северный человек». Но чем дальше удаляется от Норвегии это слово, тем расплывчивей и обобщенней становится его значение. Франки указывают, что немцы называют норманнами, то есть северными людьми, и данов, и свеев-шведов. То же пишет и франк Эйнгард – но франки уже расширяют значение этого слова, распространяя его на все народы, что живут «по ту сторону Дании», как не без обиды отмечает саксонец Адам Бременский. Саксонцу было на что обижаться – в приписываемой тому же Эйнгарду летописи «Анналы королей франков» под 798 годом норманнами уже названы саксы-трансальбинги, соплеменники самого Адама! У другого франка, Фольквина, почившего в 990 году, норманнами обозваны нордальбинги – другое название тех же саксов-трансальбингов. А многоученный Рабан Мавр именуется норманнами неких маркоманов. Поскольку древние маркоманы, оттесненные римлянами на земли нынешней Чехии, к 2Х веку давно канули в лету, нужно разобраться, кого же понимает здесь почтенный франк. Живший несколько позже германец Гельмольд проясняет обстановку: согласно существующему обычаю, маркоманами называются собравшиеся с разных сторон народы, населяющие марку. Очень много марок имеется и в *славянской земле* . Из них не самой худшей является наша вагрская земля, где имеются мужи храбрые и опытные в битвах.

То есть в состав «маркоманов» входили и славяне? И вагра-ободрита франки тоже могли поименовать норманном?

Да, могли. И пользовались этой возможностью – не то чтобы часто, но все-таки.

В Фульденских Анналах под 889 годом северные славяне напрямую отождествляются с норманнами. В них же «норманнам» приписывается смерть епископа Маркварда, а Хильдесхаймская хроника сообщает, что епископ пал в бою со славянами. Матвей Парижский писал спустя четыреста лет в своей хронике под 836 годом: «Послал всемогущий

бог толпы свирепых язычников датчан, норвежцев, готов и шведов, *вендов* и фризов, целые 230 лет они опустошали грешную Англию от одного морского берега до другого, убивали народ и скот, не щадили ни женщин, ни детей» – тут венды тоже упоминаются на одном дыхании с норманнами, хоть и не названы так.

Что следует из этого наблюдения? Прежде всего то, что господам норманнистам не следует излишне перевозбуждаться, прочтя у итальянских (Иоанн Диакон, Лиутпранд) авторов обозначение «норманны» в адрес нападавших на Византию русов. Если уж франки на ясном глазу обобщали под этим именем скандинавов с саксами и балтийскими славянами, то итальянцам, что называется, сам бог велел. От франков же, скорее всего, взяли название «норманнов» для напавших в 845 году на Севилью «язычников ар-рус» и арабы.

Единственное, что из всего этого следует – русы приходили в Византию и в Испанию с севера, возможно, с берегов Балтики. Но вот их этническая принадлежность, их кровное и языковое родство с норвежцами, шведами и датчанами из называния их «норманнами» не следует никак.

Интересно, что бельгийский монах Сигиберт, переписывая известия Лиутпранда о походе Игоря 941 года, русов норманнами не назвал. Он жил поближе к Балтике – и в этом вопросе разбирался лучше³⁵.

Уж коли на то пошло, достойно внимания совсем другое обстоятельство в описании русов Лиутпрандом: он пишет «мы же по их месту жительства зовем норманнами. Ведь на тевтонском языке „норд“ означает „север“, а „ман“ – „человек“; отсюда – „норманны“, то есть „северные люди«. Вот именно – «мы зовем по месту жительства» – и никак не более. Но интересней-то другое – «мы зовем» и «на тевтонском языке». В десятом веке с появления в Италии лангобардских предков диакона прошло четыре столетия. Эти четыре столетия прошли в самом центре римской цивилизации, римской культуры и римской церкви. И тем не менее – для пишущего по латыни Лиутпранда «мы» – это «на тевтонском языке»! Для сравнения попытайтесь представить себе Александра Невского, для которого «мы» – это «на шведском языке»! А ведь уже к XI столетию, если судить по Новгородским берестяным грамотам, «новгородстии людие до днешняго дне отъ рода варяжска» писали без следа норманнской лексики и носили практически поголовно славянские имена. Даже я при всей своей любви к славянам не стану утверждать, что они были настолько уж круче скандинавов в области цивилизации и культуры, насколько Римская империя с шестивековой историей была круче немых и небритых лангобардов. Церкви, обязывавшей молиться богу на каком-то конкретном языке, у них и подавно не было. Но почему-то они, если верить норманистам, бесследно «растворили» предполагаемых «шведов» вдвое быстрее, чем Рим – Рим! – растворил лангобардов.

Но куда норманнистам до таких тонкостей... Это ж надо не просто радостно прочесть у итальянца или араба, что русы – это-де «норманны». Это ж надо думать...

³⁵ Кстати, с «варягами» в русских летописях происходило то же самое. Новгородцы знали кто такие варяги – и себя считали «от рода варяжска». А вот киевский летописец понимает уже слово «варяги» столь же расширительно, как западно-франкский «норманны», и включает в него и скандинавские племена.

Звенья кольчуги из Волына-Йомсбурга. Броня йомсвикинга

Коли уж речь зашла о викингах, затронем и йомсвикингов, о которых мы уже упоминали, когда говорили про Волын-Винету-Йомсбург. Что в них интересного?

Этот воинский союз возник в X веке. Базировались йомсвикинги, как это ясно, в Йомсбурге – в Волыне. Про их приключения упоминают несколько саг, в том числе и особо им посвященная. Когда читаешь ее, так и имена вроде все скандинавские – Буи там, Вагн, Сигурд, Скегги, Аки, и тому подобные. То же повторяется и в иных сагах, рассказывающих о йомсвикингах. А вот во всех скальдических стихах, описывающих войны против йомсвикингов, говорится иное:

Вендов Тунд кольчуги
Метил углем рети...

...

Нагрянули **венды**
Отовсюду. Точат
Зубы великанши...
(Сага об Олафе
сыне Трюггвы
из «Круга Земного»)

Слушай песнь о том, наследник
Княжий, как носил ты красный
Щит на **вендов** . Индевелый
Киль вы на воду спустили.
Дождались тогда несчастий
Венды . Мне другой не ведом
Вождь, чтоб к пажитям их, волны
Бороздя, вел больше стругов.
(Сага о Магнусе Добром)

Как мы уже выяснили, когда говорили о конунге Висбуре, скальдические стихи в сагах – самая древняя часть. Больше того, зачастую это их источник – сперва по поводу какого-то случая – битвы, подвига, ссоры – поэт-скальд сочиняет короткое стихотворение – «вису». Виса бывает хвалебная (драпа), а бывает совсем наоборот (нид). Вот с помощью этих стихов и запоминали сказители цепь событий, костяк истории, на который потом наращивали «мясо» прозаического рассказа. Стихи ведь проще запомнить, чем прозаический текст.

Так что, если стихи скальдов говорят, что викинги Юмны-Йомсбурга были вендами, значит, именно ими они были – по крайней мере, в основном.

Основателем братства викингов Йомсбурга был некий Пальнатоки. А.Г. Кузьмин называет его «местным жителем» Йомсбурга, то есть вендом. Славянином числил Пальнатоки и А.С. Хомяков. В саге о Йомсвикингах Пальнатоки родился на острове Фюн у берегов Ютландии – тот самый остров, что был, по словам Саксона Грамматика, захвачен вендами – я просил Вас запомнить этот факт, как видите, не зря.

Что ж, если обладатель этого странного, не имеющего аналогов ни в рунических надписях, ни в сагах имени, действительно был славянином, этому можно только радоваться. И я имею в виду не только его инженерные способности, плоды которых я уже упоминал, когда говорил об укреплениях Йомсбурга(именно ему сага приписывает их постройку). Пальнатоки еще и законодатель союза йомсвикингов, Ликург этой, как выражались в Германии в определенное время, «северной Спарты»:

«После этого Пальнатоки по советам мудрых людей издал йомсборгские законы, предназначенные для увеличения славы и мощи этого города, насколько это было возможно. Первая часть законов гласила, что ни один человек не может стать здесь членом дружины, если он старше 50 и моложе 18 лет; члены этой дружины должны быть в возрасте между этими годами. Когда кто-то захочет к ним присоединиться, кровное родство в расчет не принимается. Ни один человек не имеет права убежать от какого бы то ни было противника, даже если тот столь же доблестен и хорошо вооружен, как и он. Каждый дружинник обязан мстить за другого, как за своего брата. Никто не может сказать слова страха или испугаться, как бы плохо ни сложилась ситуация. Любую ценность, без различия – маленькую или большую, которую они добудут в походе, обязательно отнести к знамени, и кто этого не сделает, должен быть изгнан, никто не имеет права устраивать свары. Если придут какие-либо вести, никто не должен торопиться повторять их всем и каждому, так как только Пальнатоки там объявлял новости.

Корабли йомсвикингов

Ни один из них не должен был держать женщину в их городе, и никто не должен отлучаться из города дольше, чем на три дня. И если в их ряды вступал человек, убивший отца, или брата, или другого родственника того, кто был членом их дружины, или его самого, и когда это становилось известно после его принятия в ряды здешней дружины, то Пальнатоки имел право последнего решающего слова, как и при любом другом разногласии, возникающем среди них.

Так они жили в городе и строго соблюдали свои законы. Каждое лето они уходили в набеги на разные земли и стяжали славу. Они считались великими воинами, и им было мало

равных в то время. Они были известны как йомсвикинги».

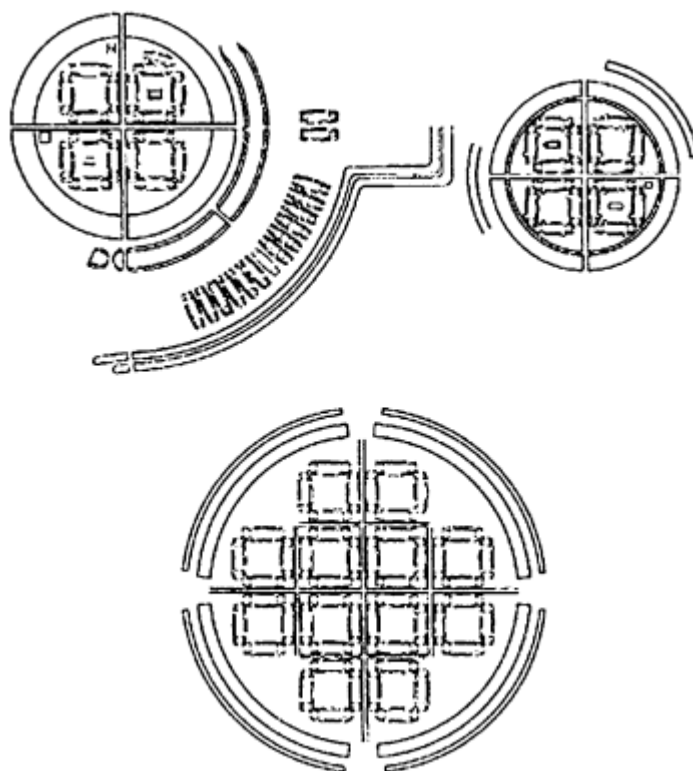
Йомсвикинги в бою

Пожалуй, попытка создать – за сто с лишним лет до крестовых походов, на языческой Балтике (сам Пальнатоки был упрямым язычником) настоящий рыцарский орден ничуть не менее поразительна, чем строительство арки через пролив и башен с катапультами в исполнении уроженца Датских островов. На тот момент высшим достижением датской архитектуры была Очень Большая Полуземлянка (для конунга, ярлы обходились просто большими, бонды – просто полуземлянками, а трели-рабы если имели свои жилища, то жили в землянках без всяких «полу»).

К сожалению, братство йомских витязей ненадолго пережило основателя. В 990 году умер Пальнатоки, его место занял швед Сигвальди, дисциплина в крепости поползла (и первым делом – запрет на нахождение в крепости девиц). Йомский союз деградировал, и вскоре пришли и военные поражения. В XI веке первый рыцарский орден Европы, основанный язычником-вендом на вендской земле, закончил свое недолгое существование, нескольких десятилетий не дожив до появления своих христианских аналогов.

К вендам имеет самое непосредственное отношение и другое явление эпохи викингов – так называемые круглые лагеря в Дании: Треллеборг (крепостей с таким названием две), Фюркат, Аггерсборг, Боргеби, Ноннебаккен. Названия, как нетрудно догадаться, позднейшие. Каждое из этих укреплений представляет собою круглый вал с четырьмя воротами. Две улицы крестообразно разделяют внутреннее пространство крепости на четыре сектора. Внутри каждой четверти стоит квадрат из четырех длинных домов. В Аггерсборге таких квадратов в каждой из четвертей аж три. На перекрестье улиц по предположениям археологов располагалась сторожевая вышка. Валы представляют собой, по меркам раннего Средневековья, чудо геометрической точности, отклонение от правильного круга – не более полупроцента. «Славянские укрепления также были кольцевыми. Известны тесные связи датчан со своими соседями – прибалтийскими славянами» – замечает по поводу этих укреплений А.Я Гуревич, лицо, кажется, не могущее быть заподозренным в славянском национализме, как, впрочем и иной автор, Йоахим Херрман, указывавший на моравское происхождение архитектуры так называемых «лагерей викингов». В Треллеборге славянская керамика составляет около 80 процентов, ясно показывая, какого именно происхождения были населявшие его «викинги». Погребения около «лагерей викингов» почти

исключительно мужские – что заставляет археологов вспоминать «Сагу о Йомсвикингах». В круглых укреплениях видят аналог Йомсборга – что еще раз связывает их с вендами. Иногда круглые лагеря связывают с союзом, заключенным датскими конунгами Харальдом Синезубым³⁶ и его сыном Свейном Вилобородым против немцев. В 983 году Харальд с помощью ободритов-рериков изгнал вторгшиеся в южную Данию войска Священной Римской империи. Возможно, «лагеря викингов» (учитывая происхождение этого слова, мы можем и дальше их так называть) были опорными базами славянских союзников датских конунгов – а пользоваться помощью дружин со славянского Поморья датчане будут до конца XI века. И не зря все же в число норманнов хронисты королевства франков включали и славян.

Схемы лагерей викингов в Дании

Наверху слева: Треллеборг; справа Фюркат; внизу Аггерсорг

Теперь перейдем к роли варяжской Руси в балтийской торговле. Тут, что называется, не было бы счастья, да несчастье помогло – после того, как арабы захватили Гибралтар в VIII веке, а их корсары превратили плавание по Средиземному морю в чересчур опасное даже для рискованных негодяев средневековья занятие, пути по рекам центральной Европы стали привлекательнее (хотя и раньше янтарь, например, шел на римские рынки именно этими землями). Славянские купцы на Балтике отнюдь не плелись в хвосте у норманнов. Наоборот, клады серебряных арабских монет в славянской Прибалтике, по исследованиям В. Янина и Й. Хермана, появляются с конца VIII века, а первые скандинавские клады датируются концом IX! То есть на сто лет позже. Уже из этого ясно, кто ворочал Балтийской торговлей. А также и то, кто первым освоил путь из Балтики на Восток через Восточную Европу. И не зря Русь в скандинавских сагах называлась Гарды, Гардарики – по-вендски-то, в отличие от скандинавского, “гард” значило вовсе не “хутор” и не “ограда”, а именно “город”! На северо-западе Польши, на остатке вендского Поморья, до сих пор существуют Старгард, Новогард и Бялогард. А значит, и название Новгорода (Хольмгард), и имя Киева (Кенугард), и название

³⁶ Именно по его прозвищу получила название система связи «Bluetooth», созданная на территории Дании и Сконе. Ее символ – сочетание младших рун «Хагаль» (Herald) и «Беркана» (Bletand).

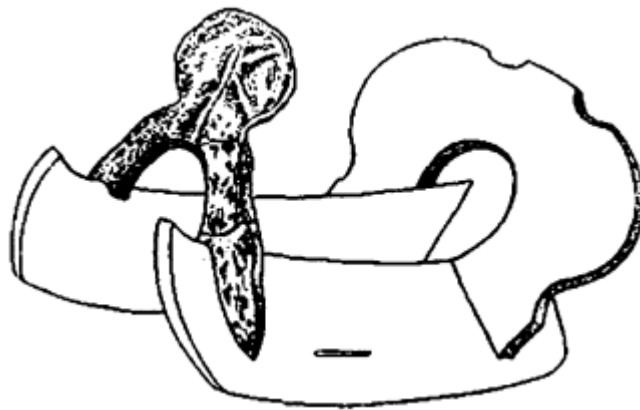
Константинополя (Микльгард) норманны впервые услышали от вендов. Средневековый торговый союз Ганза известен многим. Немногие обращают внимание, что состояли в нем бывшие вендские города, с названиями, не требующими перевода для славян – Бремен, Любек, Росток. И... Новгород. Да, Новгород тоже входил в Ганзу. Чем объяснить это странное объединение, если не вендскими корнями балтийской торговли, не связями, сложившимися еще до эпохи викингов? Что ж, не один век строился фундамент торгового благополучия вендов. И сохранился надолго, после гибели вендской цивилизации в пламени «Drang nach Osten» послужив фундаментом для здания Ганзы.

Волын. Весы и гирьки

Господство славян-вендов в балтийской торговле оставило след и в скандинавских языках. Елена Мельникова насчитывает двенадцать славянских заимствований в них (напомним, что скандинавских в древнерусском исследователи, вовсе не чуждые норманнизму, насчитывают от десяти до шести). И большинство из них относится к торговле. Славянские купцы приезжали на торг (torgh) на лодьях (lodhia). Любопытно, что ни одно слово из богатейшего морского словаря норманнов в славянские языки не попало. У славян были свои слова для морского дела, появившиеся до эпохи викингов, в те времена, когда плавание легендарного конунга Хрольва Жердинки из Дании в Швецию было для скандинавов странствием на край света. Суда Олега Вещего летопись называет не «драккарами» или «кноррами», а «кораблями», от вендского korab. Возможно, кстати, что звучащее в новгородских былинах «кораб» – это не «неправильное произношение», а именно вендское слово. Впрочем, славянские купцы могли приехать и верхами, в седлах (sadul) с высокими луками (loka), везя товар в седельных мешках – кош (katse). Приехав, они устраивались на лавах (lava), и извлекали безмены (besman) и товар: шелка (silki), вместе с арабским серебром приходившими с востока и соболей (sobel) из русских лесов. Их путь, тяжелый и опасный, пролегал через множество границ (graens), и купцы были рады после торга отдохнуть и закрепить сделку ковшом пива с хмелем (humle³⁷).

³⁷ Кому как – а мне почему-то вспоминается странное имя правителя гуннов Хумли из англо-саксонских поэм. Князь Хмель? А что, вполне по-славянски.

Ладья и седло варяжских славян

К еще более раннему времени относится заимствование слова «скот» в значении «деньги»: готск. skatts монета, деньги, немец. schatz богатство, др-сакс. skat монета, состояние. Совершенно ясно, что древнее это слово в языках тех народов, у кого, кроме денег, обозначает самый первый, доденежный, так сказать, показатель богатства, состоятельности, благополучия – скот, домашних животных. Почему «скот» стал обозначением денег, понять легко. Обратное превращение было бы невозможно объяснить. Точно так же только фризское «сопа» может происходить от славянского «куна» – куница, кунья шкурка, наконец, денежная единица – но никак не наоборот.

Насколько популярна была в городах – особенно у поморян и Волынцев – профессия купца, говорит такой факт: когда Оттон Бамбергский крестил Поморье, то городское население ему приходилось крестить в два захода – половина всегда была в отлучке по торговым делам. Впрочем, половина это еще ничего – в Колобреге изумленный проповедник обнаружил себя посреди почти безлюдного, словно вымершего, города. Торговать на острова отправились почти все.

В городах Варяжской Руси жили не только купцы, но и искусные ремесленники. К сожалению, как и вся эта цивилизация, их творения малоизвестны. Они либо остаются в полной безвестности, как алтарь Кродо, либо приписываются скандинавскому ремеслу, как

ларец из Камня. А жаль. Ни ювелиры, ни резчики варяжской Руси ни в чем не уступали распиаренным северным соседям. Кузнецы же их, пожалуй, и превосходили – не зря же Теодорих брал дань с варнов мечами, а Карл-Давид «Великий» именно вендам особым указом 805 года запретил продавать франкские мечи – подозреваю, не столько боясь вооружить их, сколько опасаясь, что венды-кузнецы разберутся в технологии и сами начнут ковать такие же. Вспомним также длинные мечи вендов в битве при Бравалле.

a

b

c

Монеты князей руянских и ободритских

Интересна история Хедебю, торгового и ремесленного центра Дании тех времен. В самом начале IX века датский конунг Готфрид (по другим источникам Готрик) разгромил столицу ободритов, и, взяв в плен князя Годлева (Годослава), повесил его. Население же посада – ремесленников и купцов – датский вождь угнал в свою землю и там поселил. Поселение получило название Хедебю.

Интересно, сколько творений пленных ободритских мастеров фигурируют в витринах музеев и на страницах книг как «типичные памятники скандинавского искусства эпохи викингов»?

Напоследок скажу несколько слов об общем укладе жизни варяжского Поморья.

Невзирая на множество городов, на оживленность торговых дорог, край был богат всяческой живностью. Жизнеописатель Оттона Бамбергского, не без ехидцы в адрес братьев-иноков, писал: «В этой стране могли бы удобно существовать монастыри, особенно для святошей нашего времени, которые, сознавая свою немощь, предпочитают богатую землю голым скалам или мрачной пустыне. Там рыбы невероятное множество, как в море, так и в реках, озерах и прудах: за грош можно купить воз свежих сельдей. Все Поморье

изобилует всякою дичью, именно: оленями, зубрами и дикими конями (т. е. лосями?), медведями и кабанами, а равно свиньями и всяким скотом. Оно богато маслом от стад, молоком от овец, салом ягнячьим и бараньим, да к тому же производит в избытке мед, всякие хлеба, коноплю, мак и разные овощи». Словом, не прокормиться в этой стране мог только совсем уж ленивый человек, оттого на забредавших к ним нищих славяне смотрели с брезгливым недоумением, искренне не понимая, кем надо быть, чтобы попрошайничать. При том жители варяжских берегов были нисколько не скарены, вовсе наоборот. Мы уже слышали, как похвально отзывался о гостеприимстве и щедрости славян Адам Бременский, а вот что пишет Гельмольд:

«Здесь я на собственном опыте убедился в том, о чем прежде знал лишь понаслышке, а именно, что в отношении гостеприимства никакой народ не достоин уважения больше, чем славяне. Ведь в приеме гостей все они, точно по убеждению, ревностны, так что нет необходимости просить кого-нибудь о гостеприимстве. Ибо все, что они получают от земледелия, рыбной ловли или охоты, они щедро раздают, и всякого они считают тем доблестнее, чем он расточительнее. Страстное желание похвалиться этим толкает многих из них на воровство и разбой. Во всяком случае эти пороки у них прощаются, ибо их оправдывают ссылкой на гостеприимство. Ведь по славянским законам положено то, что ты ночью украл, назавтра раздать гостям. Если же кто-нибудь, что случается весьма редко, будет замечен в том, что отказал чужеземцу в гостеприимстве, то дом его и имущество разрешается предать огню, и на это все единодушно соглашаются, называя того бесславным, низким и всеми презираемым, кто не побоялся гостю отказать в хлебе».

Работа ювелиров варяжской Руси.

Это, между прочим, про беспощадных разбойников вагров. А вот что тот же Гельмольд сообщает про не менее свирепых и закосневших в язычестве жителей Рюгена: «им свойственно гостеприимство во всей его полноте, и родителям они оказывают должное уважение. Среди них никогда не найти ни одного нуждающегося или нищего, потому что тотчас же, как только или болезнь сделает кого-либо из них слабым, или возраст – дряхлым, его поручают заботам наследника, дабы тот его со всей человечностью поддерживал. Ибо ведь благодать гостеприимства и попечение о родителях занимают у славян первое место среди добродетелей».

Вот что пишет о щедрости и гостеприимстве поморян автор жития Оттона Бамбергского: «Честность же и товарищество среди них таковы, что, совершенно не зная ни краж, ни обмана, они держат сундуки и ящики незапертыми, В самом деле ни замков, ни ключей мы там не видели³⁸, а сами они были весьма удивлены, увидев наши вьюки и ящики

³⁸ Однако археология говорит нам, что они все же существовали у славян. Видимо, были сундуки, которые все же запирались. Интересно, с чем?

запертыми. Платье свое, деньги и все свои драгоценности они хранят в своих бочках и кадках, просто накрытых крышкой, и не боятся никакого обмана, ибо не испытывали его. И что удивительно, стол их никогда не стоит пустым, никогда не остается без яств, а каждый отец семейства имеет отдельный дом, опрятный и нарядный, предназначенный только для подкрепления сил. Там никогда не пустует стол со всякой едой и питьем: кончится одно – подносят другое».

Что еще можно сказать? Уже мелькало, что варяжские славяне коротко остригали волосы (ножницы часто встречаются в раскопках их поселений) и довольно часто – бороды (только жрецы отпускали их). На немецких миниатюрах вендов легко опознать по не прикрытым остриженным в кружок волосами ушам. А велеты, как утверждает С. Геденов, и вовсе носили на обритой голове прядь на макушке (аналогичная прическа известна у польского князя Котышко, русского Святослава, позднейших запорожцев).

Множество существовало, но им, судя по всему, не особенно злоупотребляли. Верность вендских женщин ставил в пример своим единоверкам святой Бонифаций. Часто было такое, что жена отправлялась на погребальный костер вместе со своим мужем, причем это было не непрекаемое требование обычая, как в Индии, где вдова не считалась за человека, а именно проявление любви, личный выбор. Вдова вполне могла остаться жить, и быть при этом вполне почтенным членом общества (о богатой и уважаемой вдове некоего воина упоминается в «Житии Оттона Бамбергского»). Женщины вообще были достаточно свободны, сами могли в отсутствие мужа принимать гостей, сами заключали сделки и выступали, так сказать, юридическими лицами. Впрочем, тут достаточно вспомнить трех славянских амазонок под Браваллой, чтобы понять, что положение женщины у вендских славян было вполне свободным.

Стрижка в кружок вендские идолы

Мы уже знаем, что велеты использовали какую-то письменность. Да и невозможно представить, чтоб тот уровень цивилизации, который мы видим, масштабные торговые сделки, строительство огромных сооружений – все это обходилось без письменности. И действительно, на варяжском поморье находится несколько надписей младшими рунами (то есть рунами эпохи викингов, в отличие от более древних двадцати четырех т.н. «старших

рун»). Не все из них можно прочесть по-скандинавски – а в некоторых встречаются чуждые скандинавской рунике знаки.

Стрижка в кружок, германская миниатюра

В XIX веке неподалеку от Старигарда, у местечка Кобеличи, нашли урну с прахом сожженного покойника с остатками рунической надписи. Можно ясно разобрать слово KSANSA – то есть или князя, (ср. польский «ксенж»), или жреца, священника (ср. польское «ксендз»). Погребение произошло где-то между VIII и X²² веком – с одной стороны, младшие руны уже сменили старшие, с другой, край еще не обратили в христианство и мертвых по-прежнему сжигали.

Вендским рунам, производным от младших датских рун, по свидетельству немецкого историка XVII века Конрада Шурцфлейша, венды продолжали учить детей в школах наряду с латиницей еще в его время. Очевидно, как и в Исландии, окончательное угасание рунического искусства произошло уже во времена протестантов.

Как ни странно, кроме датских рун, в вендских ощущается влияние того, что мы сейчас называем «кириллицей». Например, латинская буква р в вендских рунах передается знаком П.

Завершая перечень того, что создали, чего добились, как жили на Варяжской Руси в течение ее золотого века, хотелось бы несколько слов сказать об основанных ею колониях – восточных и западных. Впрочем, темы западных колоний мы уже касались – и военных в Дании, и мирных в Голландии. Тем, однако, дело не ограничивалось. Выселение славян на Запад через Лабу носило куда более широкий характер. Городом славян стали называть Гамбург (славянский Гам), а Бремен, всем памятный по веселой сказке про зверей-музыкантов, был основан славянами. Достаточно вслушаться в его название. Уже в 736 году на берегах Фульды, притока Везера, обнаруживается немалое количество славян, стодорян

или сорбов. В северо-западной части Баварии между Вирцбургом, Нюрнбергом и Бамбергом, около Майна и по всему течению реки Раданицы, в VIII и IX в. образовались целые славянские края. В грамоте 846 г. страна эта называется землей «Славян, которые живут между Майном и Раданицей и именуются Майнскими и Раданицкими Винидами». Причем и здесь, по всей видимости, мы сталкиваемся с все теми же неугомонными велетами (вот, кстати, и ответ на вопрос, откуда их знал итальянский хронист – от Баварии до северной Италии не так уж далеко). На юг от истоков Раданицы, между Нюрнбергом и Донаувертом, был город с поразительно знакомым названием Вильтенбург (теперь Вильцбург).

Надпись из Кобеличей

Вендские руны

В первой половине X века (если точнее, в 937 году) в бассейне реки Оры видим населенные пункты с названиями Преталич, Буков, Winidishenburgh (то есть венедский, славянский город), Белиничи, Дудици, Вельпухи, Всебор и т.д. Несколько лет спустя (в 956 году) выдвинувшиеся на запад славянские поселенцы около Зальцведеля образуют нечто вроде племени Липан, в земле которых стоят Любим, Клиничева, Seben, Kazina, Tulci, Kribci. В другом месте, на север от Оры, возникает «Белая земля» (Beleseim немецких документов, впоследствии превратившаяся в «Бальзамию») с поселениями Пелиничи, Дудици, Зелици, Вузборо, Валислав, Велбужи, Кленовье, Вербно, Усть-Урье и пр.

Вендские поселения среди фризских, саксонских или тюрингских можно было отличить очень просто – они, зачастую вплоть до Нового времени, когда их обитатели давным-давно забыли язык своих пращуров и еле-еле помнили, откуда есть пошли они и их род, сохраняли одну очень заметную черту. То есть чертой можно скорее было назвать выстроенные по линейке деревни немцев. Айнен колленен марширт, цвайнен колоннен марширт... что ни говори, в мире есть неменяющиеся вещи.

А вендские деревни были построены «кругляшом» или «подковой». Дома сходились кругом, выставляя наружу глухие стены, дверями внутрь. На площади в центре был загон для общинного стада, или «язба» – помещение для сельских сходов (простые дома именовались «хаты»), которую, как правило, окружала роца.

И опять нельзя предположить, что эти поселки появились в X веке, в разгар религиозной войны на Лаббе. Скорее это памятники золотого века варяжской Руси, когда велеты мирно жили среди фризов и саксов, а у варнов и тюрингов был один закон.

Кроме южного (Бавария), западного (Белая Земля, Липяне, Голландия, Англия) и северного (Дания, южная и средняя Швеция) направления, варяжская Русь двигалась и на

Восток.

Согласно Гута-саге, сложенной на Готланде, еще в VIII веке славяне с южных берегов Балтики поселились на острове и основали там город Висби (поневоле вспомнишь, что по-польски «Выспа» просто остров). В синодике монастыря миноритов на Висби еще за период 1279 – 1549 годов зафиксированы во множестве фамилии, звучащие даже не просто по-славянски, а по-русски: Лютов, Мальхов, Бескин, Белин, Божеполь и др.³⁹. Еще в XVII веке на Готланде проживал протестантский пастор Стрелов. В свете этих данных особый смысл приобретает вспыхнувший около 1288 года конфликт между жителями Висби и сельскими жителями Готланда, причину которого Арсеньев видит в племенной розни. Причем, отмечает он, горожан поддержали южнобалтийские города, еще славянские в своей основе, а шведский король принял сторону крестьян и усмирил Висби.

Еще раньше венды проникли в устье Двины.

На землях Латвии находят в немалом количестве славянские «пальчатые» застезки-фибулы – по оценке археолога В.В. Седова, явное свидетельство проникновения славян в этот регион в VI – VII вв. Расположение находок показывает, что славяне расселялись, прежде всего, среди куршских племен и пришли в соприкосновение с финским племенем ливов. Свидетельством переселения являются изменения, которые именно в это время наблюдаются в культуре куршей и которые никак не могут быть объяснены внутренним развитием. Во второй половине VI или на рубеже VI и VII столетий (точная дата Седовым не установлена) куршский обычай обозначать могилы венцами из камней полностью исчезает.

Могильники последующего времени возникают на новых местах. Преимущество их с могильниками I – VI вв. вызывала серьезные сомнения. Однако, судя по последним изысканиям И. Вирсе (Озере), ряд особенностей погребального ритуала, свойственных могильникам первой половины I тыс. н.э., прослеживается и в некрополях VII – IX вв., свидетельствуя о том, что куршское население в основной своей массе не покинуло свои земли. Оно только испытало какие-то сильные потрясения, заставившие оставить старые могильники (и, по всей вероятности, поселения того же времени, которые остаются пока неизученными). По времени это событие точно совпадает с появлением в землях обитания куршей славянских пальчатых фибул. Нужно полагать, что миграция славян в земли Юго-Восточной Прибалтики и культурные перемены в куршском регионе – взаимосвязанные явления.

О расселении и проживании славян в западных районах Латвии и Литвы свидетельствуют, как и в бывших варяжских землях Германии, местные названия. Уже К. Буга рассматривал гидроним Вента (в бассейне этой реки, как показано ниже, зафиксированы славяне-венды) как славянский по происхождению. Все попытки объяснить происхождение этого водного названия на балтском языковом материале оказались безуспешными. К выводу о славянском начале гидронима Вента независимо пришел немецкий лингвист В.П. Шмид. Это заключение было поддержано О.Н. Трубачевым. Такое название не одиноко в Юго-Восточной Прибалтике (Вента – мыс под Клайпедой, Вентас Рагас – в низовьях Немана, Вентос и Вентина – северо-западнее Клайпеды, Вентин – лес под Елгавой, Вентос Перкасса – в Шауляйской р-не, Вентис – в Мазурии). Интересно, что все эти географические названия сконцентрированы в том регионе, где, судя по археологическим данным, в VI – VII вв. и расселилось славянское население.

К. Буга считал, что не только гидроним Вента, но и целый ряд других гидронимов свидетельствуют о вторжении в летто-литовские земли в V – VI вв. славянского населения (еще в условиях праславянского языкового состояния).

³⁹ Сравни фамилии, бытующие в Мекленбурге – бывшей земле ободритов: Бибовы, Бибиковы (мекл. Bibow), Вельчины (мекл. Welzin), Глазовы (мекл. Glasow), Дашковы (мекл. Daschow), Демины (мекл. Demmin), Зуровы (мекл. Zurow), Карловы (мекл. Carlow), Карповы (мекл. Carpow), Кладовы (мекл. Kladow), Кобровы (мекл. Kobrow), Красовы (мекл. Krassow), Креховы (мекл. Kreckow), Лубковы (мекл. Lubkow), Луковы (мекл. Lukow), Мальцовы (мекл. Malzow), Масловы (мекл. Masslow), Мировы (мекл. Mirow), Перовы (мекл. Perow), Раковы (мекл. Rakow), Роговы (мекл. Roggow), Старковы (мекл. Starkow), Шутовы (мекл. Schutow) и другие.

Говорится о вендах, обитавших в этих краях, и в средневековых письменных источниках. Как рассказывает «Хроника Ливонии» Генриха Латвийского, венды обитали в Куронии (Курляндии) в бассейне реки Венды (в средневековых памятниках письменности – Wenda, Winda, Venda, Vende; современная Вента), откуда были вытеснены куршами. Какое-то время (еще до основания Риги) венды проживали на Древней Горе (Mons Antiquus), но и оттуда были изгнаны теми же куршами. Многие из вендов при этом были убиты, уцелевшие бежали к латгалам и расселились среди них. В 1206 г. орденский священник Даниил из области Торейда (современная Турайда), где находился замок одного из старейшин ливов Дабрелы (имя явно славянского происхождения), направился к вендам с целью проповеди христианства. Он был принят ими доброжелательно и окрестил их. «Хроника Ливонии» не сообщает каких-либо координат расселения вендов в это время. Э. Пабст высказал предположение, что они поселились в окрестностях средневекового Арраша (ныне Арайши) недалеко от Вендена, современного Цесиса.

Есть еще один Венден в области Вик, река Вента (Виндава), местности Винделе, Винде; селения Виндау, Венда; упоминаемые в некоторых документах “русские села” Вендекуле и Вендевер в области Вик, и т.д.

Помимо широко представленных «вендских» названий в южно-восточном «углу» Варяжского моря встречается и ряд наименований, связанных непосредственно с русами. Например, в источниках фигурируют топонимы Russele (где-то в окрестностях Ревеля и области Вик), Russen (Russchen) dorpe; возможно, сюда же относится Rutzow (Руссов?) на курляндском побережье в области Megowe.

Севернее Цесиса (Вендена) на старинных и современных картах присутствует любопытнейший топоним Rujena (Roen, Ruien). Сама собой напрашивается параллель с некоторыми формами наименования о. Рюген – Руйян, Руйя. Все вопросы о правомерности данной параллели снимают старинные карты, на которых сей город именуется Rugen. Еще одно интересное название – Ruschebek – речка, протекающая недалеко от Иксуля и Риги и впадающая в Западную Двину. Не берясь судить о связи этого гидронима с основой «Rus» (хотя, взаимозаменяемость Rus/Rusch в географических названиях встречается), отметим интересное совпадение: такое же название обнаруживается на «варяжском Поморье» между Любеком и Рериком-Старигардом.

Н.Н. Харузин считал, что о проживании славян в Курляндии говорят и некоторые географические названия. В 50-х годах XX в. Д.К. Зеленин, тщательно рассмотрев исторические, лингвистические и топонимические данные, утверждал, что венды «Хроники Ливонии» были ветвью западных славян, заселявшей бассейн реки Венты. Последняя, по его мнению, получила название от этого этнонима. Топонимы, производные от основы «вене», фиксируемые на территории Латвии, говорят о более широком расселении славян в отдаленной древности. Исследователь допускал, что в латышском языке имеются следы воздействия западных славян. В те же годы М.В. Битовым в антропологическом строении современного населения западных районов Латвии, в том числе среди проживавшего в бассейне Венты в окрестностях Вентспилса, выявлен был комплекс признаков, указывающий на участие в генезисе этих жителей компонента со средиземноморской примесью. Сопоставление средиземноморских элементов, присутствующих в антропологическом строении населения Курземе, с такими же особенностями славянского населения X – XII вв. Мекленбурга и Польского Поморья выявляет их значительное сходство. Это стало существенным аргументом в пользу раннего проживания славян в бассейне Венты и славянской принадлежности исторических вендов. Это наблюдение антрополога было использовано рядом исследователей для утверждения славянской атрибуции вендов Ливонии.

Во всех трех частях Латвии, где источники или названия мест сохранили память о вендах – в Северной Курземе, на нижней Даугаве в окрестностях Даугмале и на Гауе в районе Вендена и Турайды – распространен обряд погребения в курганах. Покойников сжигали на стороне, а прах потом засыпали песком и землей, возводя курган. Ни у балтов, ни

у прибалтийских финнов-ливов такого обряда нет, их погребения – грунтовые могильники.

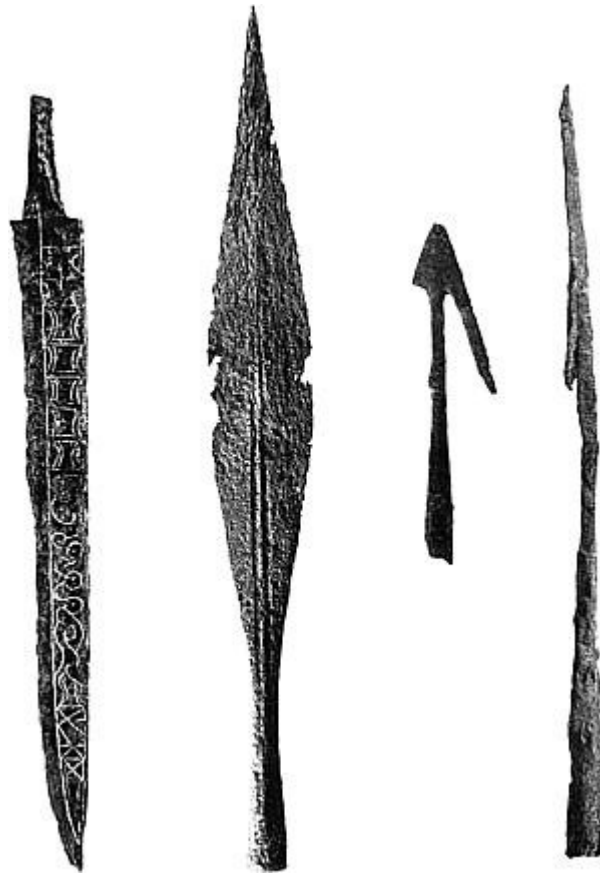
Игорь Гусев, русский историк из Латвии, обращает особое внимание на то, что описанный в хрониках Тевтонского ордена флаг, с которого скопирован нынешний флаг Латвийской республики, на самом деле имеет вендское происхождение: Красный с белой полосой по вендскому обычаю («mit einer banier rot gevar, daz, was mit wize, durch gesniten hute nach wendischen siten»). В тексте отмечается, что Венден – замок, откуда и известен этот флаг, располагается на земле лэттов («Wenden ist ein burc genant, von den die banier wart bekant und ist in Letten Lant gelegen»). Далее автор рассказывает, что женщины там скачут на лошадях, совсем как мужчины, и в заключение утверждает, что увиденный им флаг по вендскому обычаю это действительно флаг лэттов.

При раскопках в риге выкапывали небольшие роговые «стерженьки» с четырьмя головами. Опять «Свентовит»! но откуда ж еще, как не от вендов, живших на этом месте?

И еще одна черточка, связывающая юго-восток Балтики с варяжским Поморьем.

Роговой «Свентовит» из раскопок Риги

Наконечники копий

Когда, согласно тем же «Латвийским хроникам», ливы хотели убить некоего Теодориха, помощника епископа Майнарда, сочтя его злым колдуном, произошло следующее: «Собрался народ, решили узнать гаданием волю богов о жертвоприношении. Кладут копье, конь ступает через него и волею божьей ставит раньше ногу, почитаемую ногой жизни; брат устами читает молитвы, руками благословляет. Кудесник говорит, что на спине коня сидит христианский бог, направляет ногу коня, а потому нужно обтереть спину коня, чтобы сбросить бога. Когда это было сделано, а конь опять, как и в первый раз, ступил раньше ногою жизни, брату Теодориху жизнь сохранили».

«Конь судьбы», Артурс Бауманис, 1887 год

Обряд, что столь удачно обернулся для немца, поразительно похож на те, что свершались в Арконе и Радигоще, Щетини и Велгасте. Вряд ли он мог прийти к ливам иным путем, чем через вендских колонистов.

Немного вернувшись назад, мы и в устье Немана обнаруживаем гнездо наименований, связанных, как мне кажется, с варяжской Русью самым непосредственным образом.

Адам Бременский упоминал о «Руси», граничащей с сембами-пруссами. Триста лет спустя Петр из Дюисбурга упоминал некую «Русию» в низовьях Немана, рядом с Мемелем. На старых картах все нижнее течение Немана с XVII века именуется «Русса» или «Руссе», и там же стоит одноименный город. На немецких картах такое название Немана встречается до XX века.

И в том же нижнем течении Немана с 1277 года хроники крестоносцев отмечают неких скальвов, то есть «склавов», славян. До недавних времен жемайты называли этот край Шлавонией («ск» в жемайтских диалектах произносится, как «ш»).

И наконец, самая восточная колония варяжской Руси.

Ладога. Изборск. Белоозеро.

Земли, с которых началась наша Русь.

Я по возможности старался не задерживаться в этой книге на двухсотлетнем споре сторонников норманнской теории со сторонниками теории славянской (не пора ли оставить в стороне унизительное словцо «антинорманист»? много чести, знаете ли, самоопределяться относительно этих господ). Достаточно уж упоминал о них в предыдущих своих книгах.

Постараюсь и здесь, где этой теме приходится касаться волей-неволей, свести обсуждение теорий к минимуму, ограничиваясь строго фактами и данными источников и не увлекаться критикой.

Во-первых, на Новгородской земле, в окрестностях Ферапонтова монастыря сохранились деревни, выстроенные на вендский манер – «кругляшками». Или подковами.

Каменные крепости Ладоги и находившейся рядом с ней Любши возведены в VII – VIII веках по вендским архитектурным канонам. Точно так же и новгородский детинец 1116 года по конструкции вала очень близок к укреплениям балтийских славян, но совершенно не

похож на днепровские крепости.

Застройка городов, в свою очередь, имела мало общего со скандинавской.

Начать с того, что она в абсолютном большинстве случаев была срубной. А срубные дома вместо столбовых и полуземлянок в Швеции начали возводить только в X – XI веках, под влиянием как раз с востока.

Новгородский детинец. Заложен вендскими мастерами

На Варяжской улице Ладоги, как неосторожно проговорился в вышедшей в 1985 году Г.С. Лебедев, стояла «большая постройка» «общественно-культурного назначения, разрушенная в конце X в. и напоминающая по некоторым конструктивным особенностям западно-славянский храм того же времени в Гросс-Раден на р. Варнов (южное побережье Балтики)».

То есть один из наших ведущих норманистов черным по белому написал, что на *Варяжской* улице стоял *западно-славянский храм*.

Ну и хлебные печи, что возводили во дворах жители Ладоги, Рюрикова городища и Новгорода одни к одному – как те, в которых выпекали хлеб на южных берегах Балтики.

Ах да, в Ладоге есть длинные дома. Однако руководитель Ладожской археологической экспедиции А.Н. Кирпичников, в «антинорманизме» не замеченный, пишет «Ни в Финляндии, **ни в Швеции**, ни в Прикамье, например, домов, подобных ладожским, пока **не обнаружено** ... В период раннего средневековья большие дома... *не исключительно финские или германские*, а распространены на громадной территории от Прикамья на востоке до Рейна на западе».

И то верно, а что вендам длинные дома не были чужды, мы видели на примере «лагерей викингов».

В нижних, самых древних слоях Ладоги, Новгорода, Пскова и пр. находится фельдбергская и торновская керамика. Керамика вообще может считаться самой надежной чертой этнического облика. Сколько угодно будут мужчины подсматривать друг у дружки оружие, а женщины – украшения. И товар это самый ходовой – и то, и другое. И добыча самая желанная. А вот горшки дальше соседнего городка продавать не повезешь – хрупок товар и недорог. И из набега не потащишь – свои же засмеют.

Есть еще Рюриково городище, считается, что с него сам Господин Великий Новгород начался. И не только Новгород – Русь. Сюда Рюрик и пришел из-за моря – «судить и владеть по праву», принести «наряд» в «землю велику и обильну».

Керамика там...

Вы уже догадались, читатель?

С южной Балтики.

Вся.

Ну, даже если горшок можно купить, то тот черепок, что на плечах носишь, не купишь и не выменяешь, его только унаследовать можно. А у ильменских славян, что создавали Ладогу, Новгород, Белоозеро, черепки эти самые не слишком обычные – коротковаты, но узколицы. Все окрестные племена – весь, корела, ижора – с широкими лицами и, судя по черепам в погребениях, чем дальше в прошлое, тем сильнее эти черты появляются. Кроме того, лица у них плосковаты, и опять же, более ранние черепа – плосче, ближе к монголоидам-лопарям, а у словен они с самого начала «выраженные европеоидные». Скандинавы, опять же, узколицы – зато длинноголовые. А самое близкое подобие черепов новгородцев и ладожан, как установил уже, к сожалению, покойный археолог В.В. Седов, находят в могильниках средневекового Мекленбурга. На землях ободритов-рериков.

Сходство речи между новгородцами – и жителями заселенных выходцами из Новгорода Поморья (на сей раз не Варяжского, а Беломорского) и западной Сибири, и остатками мира вендов-славян, первым выявил такой выдающийся ученый, как А.А. Шахматов. Он указал на «цокание» – произношение «ц» вместо «ч» в северно-русских говорах. Продолжил дело Н.М. Петровский, указав в 1922 году на ряд западно-славянских черт, мелькающих в новгородских летописях и грамотах. Это окончания имен на «-ята» и «-хно» (Петрята, Гюрята, Смехно, Прохно, Жирохно). Это написания сторовый вместо здоровый, древяны вместо древяны, подвegli вместо подвели, нелза. Потом эстафету принял выдающийся лингвист и филолог Д.К. Зеленин. Он обратил внимание на то, что слово «смерд» за пределами Руси известно только балтийским славянам, что севернорусское словечко «невЕд» (рыболовная сеть) в 1275 году зафиксировано у жителей варяжского поморья, что самое простое, обыденное слово «собака» известно из славян только русским и потомкам поморян кашубам.

Но.

Настоящий гром грянул во второй половине XX века, когда лопата археолога извлекла из сырой новгородской почвы клочки бересты с неровными буквами. Их нашли с той поры сотни, в Новгороде, Старой Руссе, Пскове, Смоленске, Рязани, Москве. Но «чемпионом» по сию пору остается Господин Государь Великий Новгород. По найденным там грамотам восстановили тот диалект, на который сбивались с «правильного», «литературного», языка с оглядкой на церковнославянский, древнерусского новгородские летописцы, дьяки и вечевые биричи. Академик В.Л. Янин недавно особо подчеркнул, что «поиски аналогов особенностям древнего новгородского диалекта привели к пониманию того, что импульс передвижения основной массы славян на земли русского Северо-Запада исходил с южного побережья Балтики, откуда славяне были потеснены немецкой экспансией⁴⁰». Эти наблюдения, обращает внимание ученый, «совпали с выводами, полученными разными исследователями на материале курганных древностей, антропологии, истории древнерусских денежно-весовых систем и т. д.».

Исследователь новгородских грамот А.А. Зализняк пишет: «Установление суммы отличий древненовгородского диалекта, естественно, направило исследовательскую мысль к поискам аналогов этим диалектным признакам в других славянских языках. Результатом таких поисков стал вывод о том, что исходная область славянского заселения Псковского и Новгородского регионов находилась на территории славянской южной Балтики. Именно в языках живших здесь славян, в первую очередь в лехитских (древнепольских), обнаружена сумма аналогов древненовгородскому. Этот вывод совпал с капитальными наблюдениями над древностями курганов и поселений недавно ушедшего из жизни выдающегося исследователя древнего славянства академика Валентина Васильевича Седова».

Кроме особенностей языка, в Новгородские земли переехала и топонимика с южных

40 Вот с такой трактовкой причин переселения согласиться нельзя никак. Переселение началось в V – VI веках, когда основным направлением «немецкой» экспансии были руины Римской империи, а Ладога основана в VII – VIII, когда венды доставляли более проблем немцам и датчанам, нежели наоборот.

берегов Варяжского моря. Так, знаменитый Ильмень – тезка речки Ильменау, Ильмени в Мекленбурге, а заслужившее в последние годы дурную славу озеро Селигер имеет «тезку» на Рюгене.

Можно еще многое упомянуть, вплоть до, как указал Янин, весовой системы. Можно, например, указать на «вотивы» – уникальный новгородский обычай приносить в церковь изображения больных частей тела, всего человека или животного. Он сохранился у поморов – потомков Новгородцев, и явно имеет западное происхождение, как и резные иконы-статуи Николы Можайского и Параскевы Пятницы, восходящие к резным истуканам Арконы, Радигоща и Щетини. Или, скажем, у новгородских же колонистов оставшийся обычай хранить в церквях... стрелы, вынося их в крестных ходах (вспомним священные копы Вольна-Винеты и Велгаста).

А что же говорят летописи?

Летописи говорят «люди новгородские от рода варяжска до сего дня» и говорят о том, что варяги сидят от одноименного моря на восток «до предела Симова» – то есть до Волжской Болгарии. То есть напрямую отождествляют новгородцев с варягами. А с другой стороны того моря варяги «сидят» от чуди, прусов и ляхов до «агнян» (в которых решительно **все** историки видят континентальны англов, предков жителей нынешней коммуны Ангельн в Шлезвиге) и романских «волохов».

Причем это говорят **все** главные русские летописи.

А новгородская – кому, как не новгородцам, знать? – уточняет «варяги мужи словене».

Ипатьевская летопись пишет про польскую княжну XIII века «бо бе рода князей Сербских, с Кашуб, **от помория Варязского от Старого града** за Кгданском».

Перс Шамс-ад-Дин Димешки, сторона в варяжском вопросе решительно беспристрастная, утверждает: «Здесь есть большой залив, который называется морем **варенгов**. А **варенги** суть непонятно (для араба) говорящий народ... **Они Славяне Славян**».

Когда в XI веке византийские «варанги»⁴¹ и православные «россы» побеждают нормандцев, итальянская хроника говорит, что нормандцев победили руссы и... «вандалы». А «вандалами» в средневековой Европе упорно именовали именно балтийских славян – взять хотя бы Адама Бременского.

41 Кстати же, еще Веселовский обратил внимание – все византийские грамоты называют варягов «варангами», а не «варингами». При том что суффикс «инг» им был прекрасно знаком и произносился правильно – в одних документах с «варангами» упоминаются «кулпинги» и «инглинги». То есть византийцы, у которых варяги сторожили царский дворец, слышали это слово (от кого? скорее всего, от них же) с *славянской* огласовке, а не в германской. Варяги себя называли *варягами*, а не «верингами».

Поморские вотивные изображения

То есть.

Археология, лингвистика, этнография и антропология единодушно утверждают, что новгородцы произошли от балтийских славян.

Летопись утверждает, что новгородцы произошли от варягов.

Варяжское поморье летопись располагает у «Старого града за Кгданском».

Персы называют варягов славянами.

Итальянские хроники причисляют варягов к балтийским славянам.

И против этого многоголосья выставляется одна строчка одной – киевской – летописи, в которой к варягам причисляются скандинавские племена (каламбурь трех немецких Задорновых XVIII века позвольте вообще не рассматривать).

Представьте для сравнения, что какой-нибудь, ну, скажем, французский ученый на основании того, что западные франки в своих хрониках иногда включают в множество «норманны» балтийских славян, отождествил бы всех норманнов с вендами и принялся бы доказывать, что Нормандия – славянское государство на французской земле, что и Хрольф Пешеход, и потомки его Вильгельм Завоеватель с Роджером Сицилийским на самом деле были славянами...

Мне отчего-то кажется, что добрые мсье в белом, крупногабаритного сложения и с добрыми глазами, приехали бы на белой с красным машине к мсье профессору в течение суток после обнаружения таких выводов.

А у нас это почему-то считается наукой.

Воистину, «умом Россию не понять»...

Я тут даже не буду напоминать, читатель, что после Бравалльской битвы ни шведам, ни датчанам было не до колонизации чужих земель – им свои-то было дай Один оградить от

налетов куршей, лопарей (!!!) и вендов.

Но вот хотя бы история о том, как новгородцы сперва отказались платить варягам дань и прогнали их, а потом призвали князя из варягов – неужели непонятно, что все это может иметь смысл только как разборки между колонией и соплеменной метрополией? И что в любом ином разрезе история эта превращается в подлинный сюр и абсурд?

Впрочем, я обещал не увлекаться.

На момент нашего рассказа – рубежа VIII – IX веков – Ладога (Новгорода еще нет, нет и Рюрикова городища, что положит ему начало, только в районе будущего Неревского конца поселок с все той же фельдбергской керамикой и с мощеными досками и горбылем улочками) со всеми ее выселками и «пригородами»⁴² была лишь колонией какого-то из варяжских народов, взымавшего с нее дань-выплаты. Пусть «великой и обильной», но – колонией, самой дальней и малолюдной.

Если бы тогда кто-нибудь сказал тороватому купчине из Щетини или богатейшего Вольна-Винеты, или витязю из Вагрии или Ретры, что именно этот дальний заморский выселок и есть единственная надежда варяжской Руси, ее народа, ее языка, ее Веры...

Я даже не знаю, посмеялись ли бы они столь неудачной шутке.

Все было хорошо, все было просто отлично. Храмы сияли яркими красками, кумиры – золотом и пурпуром, все соседи страшились боевых варяжских дружин, море Варяжское наполнилось их ладьями, торговцы складывали в сундуки целые состояния, свободные крестьяне и горожане не знали, что такое голод, и в каждом дворе стоял накрытый стол для гостя, а жены носили на шее целые состояния в серебре и золоте.

И только Бессмертные многоголовые Боги знали, что на закате, за землями фризов, саксов и тюрингов собирается буря, которой предназначено смести с лица славянскую Атлантиду. Только они понимали, что полдень миновал и Солнце варяжской Руси неудержимо падало в кровавый закат.

Глава V ЗАКАТ В КРОВИ: ГИБЕЛЬ СЛАВЯНСКОЙ АТЛАНТИДЫ

*В кривом зеркале славянофильства. Первая встреча с франками.
Карл Великий. Людовик и викинги. Генрих Птицелов и его потомки.
Как велеты стали люти чами?*

Последние битвы. Погружение славянской Атлантиды.

*В Риме старом, вечном Риме,
Где святой отец живет,
Войско рыцарей сзывали
Для похода в Балтию.
Балтию Марии-деве
Посвятил отец святой,
Кровопийцам и убийцам
Дал он отпущение
Всех грехов: чтоб к правой вере
Обратить могли они
Балтии народ несчастный,
Гибнущий в язычестве.
Им на новые убийства
Дал благословение...»*

А.И. Пумпур

К сожалению, тема, о которой мы будем, читатель, говорить в этой главе, несколько испорчена подходом ее первых исследователей. Первыми ее, как я говорил в первой главе,

⁴² Так назывались тогда не предместья, не suburban, а младшие, подчиненные города.

исследовали славянофилы, и это наложило и на их труды, и на все последующее одну и ту же печать – корень бед балтийского славянства был во враждебных немцах. Это они, негодные, внесли богомерзкий «дух племенной исключительности» и «национальной вражды» в святое дело несения на вендский Восток «истинной веры».

Очень удивительно читать об этом у того же Александра Фомича Гильфердинга. Недаром Дмитрий Николаевич Егоров сурово критиковал и Гильфердинга и всех славянофилов в целом за эту предвзятость. И как не критиковать! Читаешь труд Гильфердинга и ясно видишь – «национальная вражда» славян и германцев существует только или в собственных конструкциях автора касательно времен, про которые ничего толком неизвестно – все эти «германские дружины», властвующие славянами, изгнание их суровым, но праведным Атиллой и пр. Или же во времена, когда христианская церковь – еще не поделенная, замечу, на католическую и православную – вкладывает в руку свежеобращенного германца крест и науськивает его на богопротивных «язычников». Сие действие, кстати, помимо очевидного – расширения влияния церкви и приобретения для нее новых душ и новых земных богатств – имеет и второй смысл. Называется «повязать кровью» и практикуется шайками душегубов с древнейших времен. Не имеет особого значения, что в данном случае не было (вроде бы) суда и закона, перед которыми вязали друг дружку кровью бандиты. Человек ведь и сам себя судит. А признать неправым дело, за которое даже не ты – твой близкий – убивал, а то и был убит, невероятно сложно. «Мы же с ними воевали!» – так что, какие могут быть вопросы...

Впрочем, нам грозит уход в психологию. Вернемся к истории.

Итак, в промежутке между этими двумя моментами мы отчего-то не видим никаких проявлений «исконной национальной вражды» и «исключительности». Где, скажите, эта «исключительность» у фризов и саксов, когда они сошлись с велетами в подобие державы, признав за ее столицу **велетский** город? В чем проявилась вражда славян и германцев под Браваллой, где с обеих сторон шли бок о бок те и другие – рус рядом с норвежцем и шведом, венд рядом с даном и ютом, когда в одном войске славянка несла знамя датского конунга, а второе возглавлял сын славянки??

Я Вас уверяю, читатель, мы и потом ее не встретим. Титмар Мерзбургский роняет мимоходом: «в 954 г. назначен архиепископом Магдебургским Вильгельм, рожденный хотя от пленницы и славянки, но **благородной**, и короля Оттона». Вот так. Германец признает в пленной славянке благородную. А вот когда он хочет уязвить славянина, то пользуется почему-то евангельскими выражениями:

«...Князьями у винулов были Мстивой и Мечидраг, под руководством которых вспыхнул мятеж. Как говорят и как известно по рассказам древних народов, Мстивой просил себе в жены племянницу герцога Бернарда и тот [ему ее] обещал. Теперь этот князь винулов, желая стать достойным обещания, [отправился] с герцогом в Италию, имея [при себе] тысячу всадников, которые были там почти все убиты. Когда, вернувшись из похода, он попросил обещанную ему девицу, маркграф Теодорик отменил это решение, громко крича, **что не следует отдавать родственницу герцога собаке**. Услышав это, Мстивой с негодованием удалился. Когда же герцог, переменяя свое мнение, отправил за ним послов, чтобы заключить желаемый брак, он, как говорят, дал такой ответ: “Благородную племянницу великого государя следует с самым достойным мужем соединить, а не отдавать ее собаке. Великая милость оказана нам за нашу службу, так что нас уже собаками, а не людьми считают. Но если собака станет сильной, то сильными будут и укусы, которые она нанесет”».

Откуда же такое сравнение? Из евангелия от Матфея, глава 15, стих 26: «Он же сказал в ответ: нехорошо отнимать хлеб у детей и бросать псам». Смысл по контексту фразы – нельзя давать язычникам то, что можешь дать едиנוверцу. Сравнение язычников (во времена описываемых событий – неиудеев) с псами принадлежит не кому-нибудь, а самому Иисусу.

Да, была вражда. Древняя, неугасающая вражда почитателей «бога Авраама, Исаака и Иакова» к тем, кто верует по-иному. И исключительность была – исключительность «нового Израиля», «истинно верующих».

Не германцы принесли в христианство вражду к славянам, а наоборот, «кроткое» христианство плескало новые и новые ведра масла в огонь вражды славян и германцев.

В VIII веке, незадолго до битвы при Бравалле, у западных границ славянства разыгрались события, суть которых тогда вряд ли кто-то понял. К ободритам-рерикам пришли гонцы от каких-то франков, от их правителя Пипина (вряд ли послы произнесли вслух нелестное прозвище своего малорослого повелителя «Короткий»). Пипин вел войну со своим сводным братом, Грифоном, Грифон уже был побежден и брошен в тюрьму, потом, когда другой, единоутробный брат Пипина ушел в монастырь (на этом месте вожди ободритов, наверное, недоуменно подняли брови), ну, в общем, стал отшельником, Пипин освободил сводного брата и даже дал ему земли. В благодарность тот с войском ушел к саксам и взбунтовал их против Пипина и всех франков. Так не могли б славяне и храбрые вожди ободритов помочь разобраться с негодяем и его пособниками-саксами?

То ли в вождях соколиного племени кипела буйная кровь, то ли саксов, старинных соперников, и что важнее, союзников заклятых врагов, велетов, проучить захотелось – не скажу. Ободриты вступили в эту войну, ударив по саксам с тыла. Одновременно в земли саксов с Запада вошла огромная франко-фризская армия. Саксы запросили мира и согласились на дань в полтысячи коров ежегодно. Грифон сбежал к баварам.

Ободриты получили обещанную долю в контрибуции и вернулись домой довольные, хоть и несколько разочарованные – повоевать по-настоящему так и не удалось.

Никто так и не понял, что это постучалась в двери славянской Атлантиды Большая Беда. И они сами открыли дверь на стук. Никто из их правителей не понял, что за громадина распухает по ту сторону края саксов, и что саксы теперь не старый неприятель и союзник еще злейших неприятелей велетов, а последний оплот язычества и сродного варяжскому германского племенного быта на пути лавины христианской империи⁴³.

И второго «звонка» на варяжском Поморье тоже не оценили. На сей раз империя франков явилась во всей красе, начав войну со вторжения в главное святилище земли саксов, Эресбург. Древний, почитаемый саксами столп Ирминсуль был разрушен. Впервые за пределами Римского лимеса христианская проповедь показала из ягнячьих уст оскаленные клыки. Но если Карл хотел этим сломить дух саксов, он просчитался – святотатство только разъярило их и привлекло на их сторону немало союзников.

Началась жестокая война. Саксы то покорялись силе, то восставали вновь, то отступали, то атаковали. Во главе восстания встал вождь по имени Видукинд, ему помогали даны-викинги во главе с «Зигфридом», в котором одни видят Сигурда Кольцо, другие – Сиварда, и славяне – велеты во главе с князем Драговитом⁴⁴ и сорбы. Закипала Фризия, не успевшая за столетие христианской власти забыть старых Богов. Четыре с половиной тысячи саксов были только казнены – а павшим в боях мало кто вел учет, разве что девы Вотана, относившие души павших за Богов и Предков в Его покой. Естественно, вместе с жителями земли, давшей им приют, бились славяне Липян и Белой Земли.

К сожалению, поднялись не все. Ободриты не пошли против врага их старых соперников – велетов, данов и саксов. Правда, нет сведений, чтобы они в ту войну били в спину защитникам старой веры, но и на помощь не пришли.

После тринадцати лет войны вожди саксов, Аббион и Видукинд, не выдержав разорения родного края, сдались Карлу. Как ни удивительно, он пощадил их, хотя и принудил креститься.

Через три года Карл двинул свои войска на велетов.

43 Я знаю, что формально Карл нарекся императором много позже. Но можно быть формально хоть республикой – и при том проводить имперскую политику.

44 Это имя доставило, по всей видимости, немало хлопот франкским хронистам. Правильное написание встречается редко, гораздо чаще его всячески коверкают – Трагвит, Драго, Драгоид и даже, прошу прощения, Трахит.

Видукинд. Гравюра Вернера Грауля, 1936

И что самое малоприятное – на сей раз ободриты-рерики были с ним.
Вот что пишет об этом Эйнгард:

«Есть некое племя (нация) славян в Германии (Natio quaedam Sclavenorum est in Germania...), живущее на берегу Океана, которое на собственном языке зовется велатабами j (Welatabi), на франкском же вильцами (Wilzi). Оно всегда враждебно франкам и своим соседям, которые были франкам или подвластными, или союзниками (vel subiecti vel foederati; или субъектами или федератами), обычно ненавистью преследовало и войной донимало и тревожило. Решив, что ему не следует дольше сносить его дерзость, король (Карл Великий) постановил идти на него войной и, снарядив огромное войско, переправился через Рейн к Кельну. Затем, когда пройдя через Саксонию, он пришел к Эльбе, то, разбив лагерь на берегу, перебросил через реку два моста, один из которых с обеих сторон обнес валом и укрепил, поставив стражу.

Сам же, перейдя реку, где наметил, повел войско и, вторгшись в страну вильцев, приказал все опустошить огнем и мечом. Но народ тот, хотя и воинственный и рассчитывающий на свою многочисленность, не смог долго выдерживать натиск королевского войска, и потому, когда сначала подошли к городу Драговита (civitatem Dragawiti) – ведь он далеко превосходил всех царьков (regulis) вильцев и знатностью рода, и авторитетом старости, – он тотчас со всеми своими вышел из города к королю, дал

заложников, каких потребовали, [и] клятвенно обещал хранить верность королю и франкам. Последовав за ним, другие славянские знатные лица и царьки (Sclavorum primores ac reguli) подчинились власти короля (se regis dicioni sub-diderunt). Тогда он, покорив тот народ и взяв заложников, которых приказал дать, тем же путем, каким прибыл, вернулся к Эльбе...»

Велетское укрепление. Реконструкция

Согласно Мецким анналам, Драговит с сыном Любом упирали на какие-то старые договоры с «Карлом непобедимым», то есть, вероятно, Карлом Мартеллом, дедом завоевателя, но, поскольку ни в каких иных источниках ничего про это не говорится, то трудно что-то сказать. Вроде бы Драговит указывал, что «получил царство» от Мартелла – то есть был признан им «царем» (rex), независимым государем, равным по статусу самому Мартеллу, а формально даже выше – ведь при жизни победитель сарацин числился всего-навсего майордомом. То есть дипломатические сношения с франками начались уже тогда.

Добившись признания покорности от правителя велетов, владыка франков повернул домой.

Однако уже в 792 году все началось сначала. Опять вспыхнула многострадальная земля саксов. Мятежники выжигали взгромоздившиеся на месте святилищ церкви, резали гарнизоны. Вместе с саксами шли фризы и местные славяне. В 794 году Карл, вместе со своим сыном Карлом Юным отправился гасить мятеж. Навстречу ему выступили союзники-ободриты во главе с князем Витцаном (или Витцином, или даже Видсидом⁴⁵; в ободритских родословных его называют Витславом). Но саксы (из племени нордальбингов) то ли предусмотрели это, то ли кто-то из окружения князя их предупредил, только на реке Лабе Витцан (будем пока называть его так) попал в засаду и погиб.

В 798 году вместе с Карлом в землю нордальбингов вторгся Дражко, сын убитого Витцана. Вместе с ним шел франкский легат Эбурис (трудно сказать, имя это или прозвище, по-древнегермански – вепрь, кабан). «Явился со всем своим войском им навстречу на поле,

⁴⁵ Даже жалко, что это имя не угодило в наши летописи. Вот кого бы занесли в «норманны», не медля ни секунды!

что зовется Свентана [совр. Швентанафельд около Борнхефеда в Гольштейне (ФРГ)], и... учинил им большую резню» – флегматично живописует действия ободритского князя в земле нордальбингов франкский летописец. Только на поле боя насчитали четыре тысячи саксонских трупов, сколько было зарублено или застрелено во время панического бегства, не знал никто.

Занятная деталь: в самых ранних хрониках имя Дражко стоит впереди Эбуриза. В несколько более поздних легат христианского государя уже стоит впереди язычника. Ну а в самых поздних Дражко исчезает, и получается, что нордальбингов Эбуриз разбил сам.

Боевые топоры варяжских славян

В 799 году рядом с Дражко уже шел сам Карл с сыновьями. Саксонию и в особенности Нордальбингию словно подмели метлой. Непокорные гибли, покорившихся угоняли толпами в землю франков – подальше от могил предков, от капищ, от знакомых лесов, в которых так удобно устраивать засады на франкских кольчужников. Но если в остальных саксонских землях освободившиеся земли заселяли франками, то всю землю нордальбингов Карл широким жестом подарил Дражко.

Щедрость будущего императора объяснялась просто. Славяне должны были стать живой, надежной преградой между мятежными землями саксов и их союзниками, датчанами.

В 808 году, уже будучи императором, Карл издал законы, ограничивающие торговлю франков со славянами. Два пункта назначены были близ устья Лабы (в северо-восточном углу нынешнего Ганновера), на весьма близком один от другого расстоянии, именно в Бардовике и Шезле, и только один на всем протяжении средней Лабы, в Магдебурге, где немцы могли торговать со Стодорской землей. Я уже упоминал о запрете на продажу вендам оружия, то же касалось и брони. Уж не знаю, кого больше опасался император франков – воинов-ободритов, которых он мог видеть в действии – или ободритских оружейников. У того, кто вез за Лабу броню или оружие, по этому закону отбирали весь товар (все, что бы он ни вез), причем только половина шла в казну, а остальное делилось между сыщиком, обнаружившим контрабанду, и таможенником.

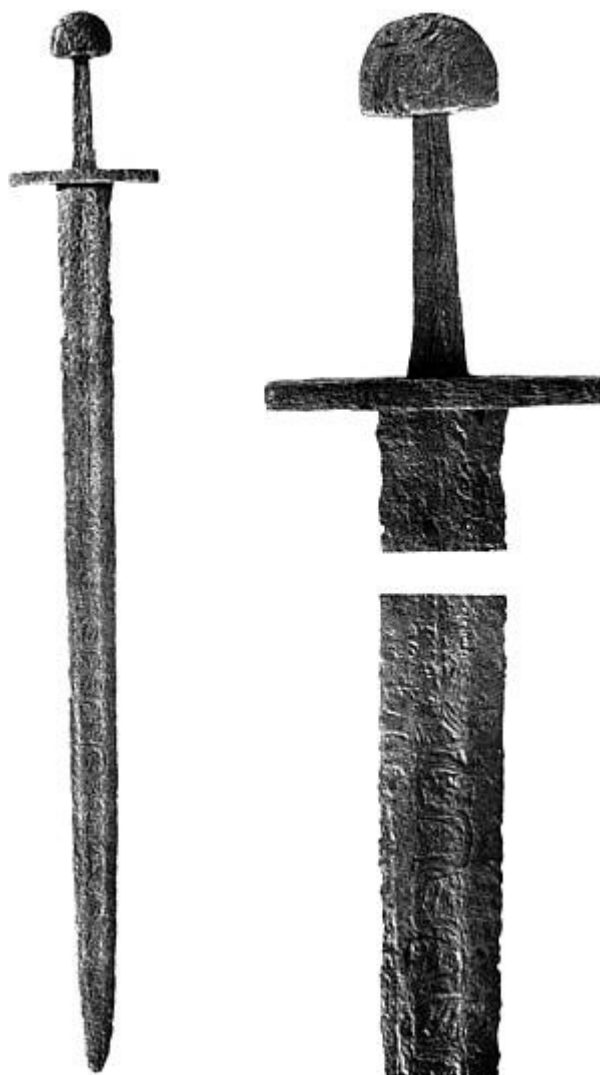
Сыщики, надо думать, усердствовали.

А мечи все равно проникали. Клинки с выбитыми на плоскости именами знаменитых

франкских мастеров, Ульфбертха, Ингелреда и иных, проникали далеко за Лабу. При этом из ста шестидесяти пяти известных западноевропейских клинков с клеймами лишь один обнаружен в Швеции, тогда как на варяжском Поморье их найдено *тридцать*, и одиннадцать подобных мечей обнаружено в пределах Руси. Это и о торговых связях, кстати...

Однако и самим союзом ободритов с франками и его плодами – в виде полученных Дрячко земель – были недовольны слишком многие⁴⁶. Причем и внутри ободритского союза, и за его пределами. Причины могли быть самыми разными – от кощунственности для язычника союза с не просто христианином, а разорителем святилищ, оскорбителем Богов, и до соображений совершенно мирских.

Возглавил недовольных Годфрид, сын Зигфрида (а сам Зигфрид, интересно, куда делся? Неужто так и остался на алой траве Свентаны?). Примкнули к ним велеты и даже двое вождей ободритов пошли против своего государя – вождь линян и вождь смельдингов.

Меч

⁴⁶ А не в те ли годы, на самом-то деле, словене ильменские с соседями «изгнаша варягов за море, и не даша им дани»? не союз ли метрополии с Карлом послужил основанием для разрыва? А то в летописи все как-то быстро, в один год. Помилуйте, да даже в наше суматошное время потребовалось лет десять, чтоб те, кто прыгал от радости в августе 9-го и рычал в телевизор «Дави коммунык!» в 93-м, начали ностальгически всхлипывать о «великой державе», которую «на колбасу променяли», и уверять всех, что лично красным стягом отгоняли от Белого дома ельцинские танки. А в средневековье, чтоб народ позвал «княжить и владеть» тех, кого изгонял, потребовалась бы смена поколений, как минимум.

Датчане ударили на ободритское побережье с моря. Велеты ворвались с суши. А линияне со смельдингами перекрыли выходы к Лабе, препятствуя позвать на помощь могучего союзника.

Дражко бежал. Его брат Годлейб (Годослав? Годолуб?) был схвачен в плен и повешен. Тут-то население торгово-ремесленного посада и выселили в Хедебю, который после этой пересадки расцвел и стал богатым торговым городом вместо никому не известной деревушки.

Если Витцан беззаветно кинулся на помощь союзнику и погиб, то император франков повел себя много рассудительней. Когда он наконец узнал о разорении ободритской земли, он отправил туда сына, того самого Карла юного, наказав не лезть очертя голову за Лабу, а, остановившись на левом берегу, подождать, пока все не разъяснится, и следить, не попытаются ли даны переправиться через Лабу. Тогда и только тогда – вступать с ними в сражение.

Впрочем, никто не стал особо ждать, пока Карл Юный разберется в обстановке. Велеты и даны с добычей разбрелись по домам. Крайними оказались смельдинги с линиями. Карл Юный, вопреки наставлениям батюшки, все же решил их наказать за предательство союзника франков (я в этом узле, честно говоря, перестал уже понимать, кто предатель, а кто нет... да, смельдинги и линияне изменили князю, переметнулись к его врагам – но ведь этот князь сам, своими руками рыл могилу всему варяжскому Поморью, сотрудничая с христианами-франками). Франкское войско навело через Лабу мост и двинулось на восток. Впрочем, кто там кого наказал – еще вопрос. Юный принц совершенно зря не послушался батюшки. Народу в карательной экспедиции он потерял много и вернулся в Германию.

Карл, видя разорение союзника, и опасаясь, что Годфрид теперь сможет беспрепятственно пожаловать к нему в гости по суше, тем временем начал спешно обустроить оборону им же отданной ободритам земли нордальбингов. На левом берегу Лабы, напротив земель линиян и смельдингов, была расположена Альтмарка, с крепостью Хохбоки, как раз напротив крепости смельдингов, Ленцина. На правом берегу Лабы встала крепость над славянским Гагом, с христианской церковью и собрался назначить туда епископом некоего Геридага (пожаловав ему укрепленный монастырь в соседней Фландрии на случай стратегического отступления от вендов или датчан). Геридаг, однако, умер в дороге, а престарелый император, погрязнув в срочных делах, так и не собрался отправить в крепость нового епископа.

Тем временем объявился Дражко, не в лучшем настроении. Спешно заключил мир с Годфридом и даже отдал ему в заложники своего сына Чедрага (или Сидрага). Столь же скоростно помирился и с саксами. А потом объединенными силами ударил на... велетов.

Велетскую землю прошел огнем и мечом, вернулся с добычей, разделил ее между воинами и кинул новый клич в саксонскую марку. Доборовольцев прибыло изрядно, и уже с ними он пошел воевать смельдингов и делать из них урок всем, кто не понимает, что такое князь и зачем он нужен ободритам. Урок получился изрядный, главный город смельдингов, Конев, спалили до тла.

Впрочем, на этом дела Дражко и кончились. В том же 809 году он был убит где-то в Волине, как утверждают, наемниками датского короля. Впрочем, так ли? Во-первых, уж больно все вышло цивилизовано, без набегов, пожаров, шума... доросли ли до такого датчане? Во-вторых, через год сам Годфрид был убит слугою, а его сын Хемминг поспешил замирился с императором франков.

Наводит на размышления. Или великий завоеватель под старость понял, что на этом свете есть методы похитрее прямого и тяжелого франкского меча, или в его окружении завелся кто-то, уже это понявший. Где империи, там всегда интриги.

Последние годы жизни и правления императора Карла и первые – его преемника Людовика не представляют собою ничего приятного славянскому взору. Они все еще смотрят на императора, как на Старшего Брата, и даже выбранного на вече князем

Славимира предъявляют ему на «утверждение». Или это римский имперский символизм столь завораживающе влиял на умы потомков федератов?

Велеты, очухавшись после учиненного им Дражко погрома, тем временем перешли Лабу и спалили выстроенную против линянской земли крепость.

Реакция Карла была мгновенной. Для начала туго пришлось смельдингам, бетеничам и линянам. Затем целых три войска пошли на велетов, и тем пришлось просить мира и давать заложников.

Через некоторое время император франков скончался. Надо сказать, что Карл вел себя со славянскими противниками все же ощутимо иначе, чем с германскими, возможно, тем и завоевал их уважение. В славянских землях он не крушил кумиров, не казнил сотнями и тысячами пленных, не угонял огромные полоны. Он же переломил хребет многовековому врагу и разорителю славян Средней Европы – аварскому каганату. Не суть важно, что делал он это не по доброте душевной, и не от большой любви к славянству – он так делал, и это тогда было для славян главным. Видимо, в знак уважения к нему немалая часть славянства стала называть высших своих правителей «королями». Забавно, что в германских языках – «карл» – это мужик, смерд, слово с явным оттенком пренебрежения. Майордомы Каролинги сохранили это имя в своем роду с тех пор, когда не были допущены во дворцы.

Характерно, что глава посольства Олега в Царьграде звался Карл. Имя германское – но только чуждый германским традициям и германскому языку человек мог поставить человека с таким именем во главе дипломатической миссии в чужую страну. Для сравнения: в уже крещеной Норвегии приближенный конунга Олава святого решил наречь родившегося в отсутствие отца сына конунга в честь Карла Магнуса, Карла Великого. И при этом предпочел дать ребенку непонятное имя Магнус – нежели слишком понятное Карл.

И замечу еще одну деталь. Именно Карл сыграл решающую роль в продвижении христианства за пределы Римской империи. Но не насильственным крещением соседей, нет. Именно он показал множеству языческих вождей, что можно быть христианином и великим, жестоким, сильным и умным полководцем.

Первые годы после смерти Карла все выглядело довольно тускло и царствовало какое-то сутяжничество. Людовику Благочестивому приходилось разбирать споры о наследстве то у ободритов, где выбранный на вече Славомир тягался с вернувшимся из датского плена Чедрагом Дражковичем, то у велетов, где судились внуки Драговита, дети погибшего в войне с ободритами Люба, Милогость с Целодрагом, то между ободритами и велетами.

Замок. Станислав Якубовский

Славимир, получив приказ приехать на суд, оскорбился, даром, что князь был выборный, а не природный, и вместо этого заключил союз с датчанами на предмет нападения на франков, что и было приведено в исполнение. Славимира немедленно схватили верные люди франкского короля (а скорее, прежнего князьего рода) и выдали франкам. Чедраг торжественно воссел на отцовский престол. А через короткое время Людовик узнал, что теперь с датчанами сговаривается уже Чедраг. В ужасе он выпустил Славимира из темницы, чтоб усадить его на трон вместо вероломного Чедрага, но тот умер по пути домой.

В случае с велетами сын великого императора явил глубокую дипломатию. У погибшего не позднее 825 года князя Люба было два сына, вече сперва выдвинуло Милогостя, а потом, поглядев на такого князя, решило вопрос переголосовать, князя с дедова престола согнать, а на его место посадить младшего брата. Благочестивый не раньше высказал свое суждение, чем убедился, что глас велетского народа действительно за младшего. Но и старшего отпустил с богатыми подарками, чтобы не обижался.

Кстати, во всей этой суеде мало кто вспоминал, что у Дражко, отца Чедрага, был брат, и что у него были дети, точнее, три сына – Рюрик, Сивар и Трувар. Да-да-да. Те самые.

«Племенем оботритов управлял король по имени Годлав, отец трех юношей, одинаково сильных, смелых и жаждущих славы. Первый звался Рюриком, второй Сиваром, третий Труваром. Три брата не имели подходящего случая испытать свою храбрость в мирном королевстве отца, решили отправиться на поиски сражений и приключений в другие земли... Они направились на восток и прославились в тех странах, через которые проходили. Всюду, где братья встречали угнетенного. Они приходили ему на помощь, всюду, где вспыхивала

война между двумя правителями, братья пытались понять, какой из них прав, и принимали его сторону. После долгих благих деяний и страшных боев братья, которыми восхищались и благославляли. Пришли в Руссию. Народ этой страны страдал под бременем долгой тирании, против которой не осмеливался восстать. Три брата, тронутые его несчастьем, разбудили в нем усыпленное мужество, собрали войско, возглавили его и свергли власть угнетателей. Восстановив мир и порядок в стране братья решили вернуться к своему старому отцу, но благодарный народ упросил их не уходить и занять место прежних королей. Тогда Рюрик получил Новгород, Сивар – Плесков, Трувар – Бело-озеро». Ксавье Мармье, Письма с севера (Les lettres sur le nord), «Воетерс», Брюссель, 1841).

Впрочем, не станем забегать вперед. До этого события еще не скоро, а пока... пока у нас в разгаре эпоха викингов. В том числе и славянских.

В 837 году стряслось доселе неслыханное. Велеты и рерики-ободриты объединились и вместе поднялись против Восточно-франкского, немецкого, если угодно, королевства. Людовик выслал войска против язычников. Результат был неожиданным – прибыло посольство от... короля Дании с требованием оставить славян в покое и признать их зоной интересов Дании. Да, и Фрисландию, пожалуйста, тоже, там все равно наши уже все разграбили, зачем она вам теперь? Пораженный наглостью северных язычников король посольству, естественно, отказал. Королевские полководцы явились с пленниками, которых именовали заложниками, и заверениями, что мятеж язычников погашен. Что чувствовали эти добрые люди, когда на следующий год те же самые венды, велеты и ободриты и присоединившиеся к общему веселью датские викинги начали гулять по Лаббе, выжигая немецкие деревни – история умалчивает. Как не стали летописцы записывать и то, что говорил по этому поводу своим воякам король Людовик.

Людовик послал теперь встречать незваных гостей целую армию из тюрингов, саксов и австралийцев, но его придворные хронисты почему-то не хотят рассказывать, чем закончилось это мероприятие.

К сожалению, венды упустили блестящую возможность, не поддержав в 840 году восстание Стеллингов, «Людей Старого Закона», едва ли не последнее заметное выступление саксонских язычников. Очень жаль. Зато Гамбург в 841 году был захвачен некими морскими разбойниками, которых западные франкские летописцы в своей обычной манере именуют норманнскими. Нападавшие перебили множество горожан, грабили два дня, а на третий зажгли город и ушли. Священники и епископ едва успели уволочь святые мощи из городского собора, епископ даже позабыл плащ.

Местное же предание гласит, что вождя «норманнов» звали... Борутой. И войско его было из живущих недалеко от границы славян.

В 844 году, когда стеллинги были задавлены, Людовик напал на ободритов. Погиб их старший князь с поразительно знакомым именем Гостомысл.

В 845 году во время очередного ответного визита Людовика за Лаббу упоминается «король их» (т.е. вендов) Рерик. Тенденция, однако. Тогда же венды вновь грабят Гамбург.

В 858 году король сам ведет войско на битву с велетами и ободритами.

После 862 года «королем» ободритов именуется Табомысл. А где же Рерик? А Рерик занят, и очень далеко, на другом краю Варяжского моря.

«В 880 году норманны, – пишет А.Ф. Гильфердинг, – устремились на Германию с особенной яростью и ударили на нее в двух местах: на Шельде и на Эльбе. На Шельде, в Нидерландах, они были отбиты; но в земле саксов (вероятно, в Нордалбингии) удалцы севера одержали одну из самых славных своих побед (2 февраля). Поражение саксов было полное; несколько столетий жило о нем воспоминание. Оружие норманнов и неожиданно выступившая из своих берегов река (без сомнения, Эльба) уничтожили все войско саксов: тут погиб герцог саксонский Брун, дядя знаменитого впоследствии короля Генриха Птицелова; с ним погибли 11 графов Саксонской земли со своими полками и 18 служилых королевских людей вместе с их дружинами; наконец, погибли два епископа, Тиотрих Минденский и Маркварт Гильдесгеймский, которые, по возникавшему в эту эпоху на западе

обычаю, сражались в рядах войска. В этой великой победе участвовали и славяне – без сомнения ближайšie к саксам и датчанам бодричи и лютичи. О епископе Маркварте летописец говорит, что он убит был славянами; но главную роль в битве играли норманны: славяне составляли, как видно, только вспомогательную рать, которую норманны вызвали идти на немцев. Оттого большая часть летописцев даже не упомянула об их участии в этой войне».

В 902 году балтийские славяне опустошают Саксонию.

В 916 году ободрицы разоряют Норальбингию.

Голос германских летописей едва звучит в это время. Христианская цивилизация испытывает тяжелейший кризис. С юго-востока несутся венгры, их боевые кони доносят всадников до самой Атлантики, навывлет прошивая германские княжества и баронства. С севера по рекам поднимаются норманны и иногда – славяне. Наконец, собственно славяне атакуют с востока. В 880 году король жаловался, что даже саксы опять начали обращаться к старым Богам.

В это время испытывает второй подъем цивилизация славянской Атлантиды.

Но это уже «бабье лето». Впереди только осень.

В 919 году в земле восточных франков приходит к власти Генрих Птицелов – и вот это действительно начало конца. Именно он сделает страну восточных франков Германией, а его сын – Священной Римской империей германской нации. И именно это государство поглощает, как океан, славянскую Атлантиду.

Гильфердинг упрекает варяжских славян: почему в предоставленный им историей период они ничего не сделали, чтоб помешать воплощению планов Карла Великого?

Упрек несправедливый. Эти планы, как их рисует Александр Фомич, существовали только в его голове, из действий Карла их нельзя было вывести.

Карл не старался уничтожить славянские капища. Карл не сажал в славянские земли маркграфов, укрепляя лишь границы. Он объединял германцев и возрождал для них римскую империю – вот его сверхзадачи. Очень мало он помышлял о продвижении на восток, о покорении иных племен или навязывании им «истинной» веры (хотя, как всякий христианин, крещение язычников, разумеется, приветствовал). О каком «продвижении» и «насаждении» можно было говорить, если в самой его империи то и дело вспыхивали бунты до самой его смерти? По сравнению с Франкской державой первых Каролингов Русь времен Игоря или Олега Вещего – образец стабильности. Там большинство племенных «княжений» восставало против Киева не больше раза при жизни одного Великого князя. А сколько раз тому же Карлу приходилось воевать саксов? Три? Столько же раз он воевал с Аквитанией. И в других краях королевства было по большей части не лучше.

Трудно заметить такие злодейские планы и в отношении Людовика – к концу жизни его позиция вообще становится сугубо оборонительной.

Молодая и энергичная Саксонская династия – совсем иное дело. Ко всему прочему, если для Карла славянская граница была лишь одной из множества граней его исполинской империи, то для Саксонской династии, начатой Генрихом Птицеловом, это, пожалуй, главный участок приложения сил.

Кроме новой династии и нового государства – Священной Римской Империи Германской Нации, в варяжских краях обозначились еще две силы, а именно – Римская церковь, которая за век с лишним, прошедший со времен Пипина и Карла, со времени «обнаружения» подложного «Константинова дара», значительно прибавила в аппетитах. Вторых... эх, скользкая эта тема. Ну да ладно, из песни слова не выкинешь. Я говорю об еврейских работорговцах-рахдонитах⁴⁷, появляющихся у восточных границ тогдaшней

47 Во избежание ритуальных обвинений в «антисемитизме», даю небольшую сводку из мнений специалистов:

Мец А. Мусульманский Ренессанс. М.: Наука, 1966. С. 366 – 367: «Основной товар, поставляемый Европой – рабы – находился полностью в руках евреев». Нидерле Л. Славянские древности. М.: Алетейа, 2000. С. 390: «Вся торговля славянскими рабами и связанная с нею кастрация находилась в руках евреев». Мишин Д.Е. Сакалиба (славяне) в исламском мире в раннее средневековье. М.: Институт востоковедения РАН, 2002. С. 141:

Германии как раз в X веке – хотя некоторые успели чуть-чуть раньше. Сохранились имена тех, кто получал еще в IX в. от короля Людовика монополию на торговлю людьми: рабби Донат и Самуель, лионцы Давид и Иосиф, сарагосец Авраам.

Священной Римской империи германской нации нужны были земли варяжской Руси.

Церковь рвалась уничтожить «престолы идолопоклонства» (ну и от земель тоже не отказывалась).

А работорговцам война с язычниками сулила неслыханное обогащение.

Именно Генрих I Птицелов, взяв город славян-гломачей Гане, перебил всех взрослых, а детей и подростков угнал в рабство. У него, у его вассалов, у его и их потомков такое обращение с «погаными язычниками» стало нормой.

В 927 – 929 годах все народы между Лабой и Одрой были покорены и принуждены платить дань.

В год смерти Генриха Птицелова попытались взбунтоваться ратарии-велеты.

Но вернемся, однако, к нашему невеселому рассказу. Оттон, сын Генриха, не пошел сам войной на ратарей, а направил к ним Германна Биллунга. За расправу над повстанцами Германна наградили званием маркграфа на нижней Лаббе, в области ратарей, ободритов и датчан. На следующий день Геро получил назначение на среднюю Лаббу для противодействия велетам.

Да... и кстати, о велетах. Именно в этот исторический момент происходит что-то странное. Резко изменяются название и форма правления. Бывшие велеты (вильтины, вильцы, велетабы и пр.) становятся лютичами. До X века этого названия никто не знал. После X-го очень быстро исчезает прежнее.

И одновременно столь же резко изменяется форма правления.

Мы с Вами помним, читатель, что у велетов были князья. Легендарный Вильтин и его потомки и вполне реальные Драговит, Люб, Милогость, Целодраг. А вот у лютичей князей нет. От слова совсем. Они все решают на сходке, даже во время войны.

Очень странные перемены! Неужели в племени произошла революция?

И примерно в это же время – может быть, чуть раньше – из междуречья Днестра и Днестра исчезает целый союз племен. Последний раз он упоминается в 940-е годы, в княжение Игоря Старого. Я говорю про уличей – или, как их называют в некоторых летописях «лютичей». Кстати, в начале отечественной исторической эпохи именно такое чтение считалось каноническим – загляните хотя бы в Карамзина. И кстати – этот племенной союз не входит в число тех, у кого есть «княженье свое».

Случайное ли это совпадение? Кто же знает – разве что археологи подскажут.

Но вернемся к марграфу Геро. В 938 году, когда возникла опасность восстания, пригласил к себе лучших и знатнейших людей племени, опоил вином со снотворным – и хладнокровно уничтожил. Такое вероломство заставило взяться за оружие чуть ли не всю варяжскую Русь. В 939 году восстание дошло до области ободритов. Восставшие перебили саксонское войско графа Хойко, не уцелел и сам граф. Пришлось кайзеру Оттону лично встать во главе войска.

Но немцы действовали отнюдь не только мечом – это уже не были жестокие, но простодушные саксы Видукинда. Произошла, например, такая история – выросшему в неволе княжичу-гаволянину Тугомиру немцы помогли «бежать» от них. Родной город, Браниборь, встретил юного героя с распростертыми объятиями. Вскоре Тугомир убил племянника, сына брата, последнего князя племени, и отворил ворота завоевателям.

Наряду с предательством инструментом покорения восточных язычников становилась новая вера, принесенная на копьях пришельцев. В славянских областях стали возводить церкви, а в 948 году для координации миссионерской деятельности были учреждены Хафельбергское и Бранденбургское епископства, подчинявшиеся Майнцскому архиепископству. В середине X века Геро и Биллунг предпринимали настоящие крестовые

«работорговля... велась преимущественно иудейскими купцами-рахданитами».

походы, силой принуждая балтийских славян принимать новую веру.

954 год: Геро покорил укров. «В тот год Геро одержал славную победу над славянами... Добыча была взята огромная, и в Саксонии поднялось великое ликование», – пишет Видукинд Корвейский.

В 955 году поднялись ободритские князья, Након и Стойгнев вместе с саксонцем-язычником Вихманом предприняли грандиозный поход на Запад. Маркграф Германн Биллунг попытался остановить их, но был отброшен и бежал. Ободриты захватили городок со странным названием Кокаресцемий, перебив гарнизон и уведя в неволю жен и детей.

16 октября 955 года на территории ободритов у реки Раксы (Рекниц) произошло сражение, закончившееся жестоким поражением славян. Их предводитель князь Стойгнев был убит, а голова его выставлена на позор в поле; около 700 пленных победители обезглавили. Под кольями, на которые были вздеты безголовые тела, умирал походный жрец Стойгнева, ослепленный, с вырванным языком и переломанными конечностями.

Крещение или смерть! Вернер Грауль, 1936

Однако и это не устрасило варягов. В 983 – 1002 годах поднялись лютичи. Имперская администрация и церковь были выброшены с варяжского поморья. Восставшие захватили епископские резиденции в Бранденбурге и Хафельберге, а монастырь в Кальбе разгромили. В Старигарде лютичи соединились с ободритами, в 983 году в очередной раз ходившими на

многострадальный Гамбург. Велигардского, точнее, мекленбургского епископа Иоанна долго водили по городам и весям, а потом, привезя в Радигощ, принесли в жертву Сварожичу, разрубив и разметав на куски тело, а голову утвердив на стене храма-крепости на копье. Точно так же наши былинные герои поступают с противниками – с Тугариным, с Жидовином. И русы князя Святослава именно так поступили с византийским военачальником Куркуасом, впрямую называя его при этом «жертвенным животным».

Имперские князья при поддержке поляков пытались напасть на повстанцев, но каждый раз бывали биты. Тогда Генрих ²² сменил тактику и заключил с лютичами договор, к великому негодованию церкви (тогда-то и заговорили о «кровавых знаменах дьявола Сварожича») пользуясь их помощью против Польши. После того как поляки вместе с немцами нападали на них, лютичи, полагая, были счастливы отплатить им той же монетой. Генрих настолько ценил союзников, что заставил одного не по уму усердного христианина, во время похода швырнувшего камнем в хоругвь с языческой богиней, выплатить лютичам солидный откуп.

В 1043 году датский король Магнус напал на Волын-Винету. Его воины не полезли на неприступные стены, а сумели разрушить плотину – и на город обрушился потоп. На долю датчан осталось немного. «Самый большой город Европы» стал морской легендой, и моряки долго еще шепотом рассказывали друг другу, где можно услышать гудящие под водой колокола.

В 1066 году лютичи и ободритская знать убили князя Готшалка, пытавшегося создать независимую Вендскую державу с опорой на... Датского короля и Бременского архиепископа. Такая «независимость» не понравилась ободритам. Восставшие призвали с Рюгена-Руяны умного и смелого воеводу Крута, успешно действовавшего против немцев. Его, однако, убил сын Готшалка Генрих.

В 1113 году ободритское княжество распалось. В 1131-м Никлота провозгласили князем бодричей (малого племени), а племянника Генриха Прибыслава – князем вагров и полабов. Оба были яркими противниками христианства и немцев. Однако силы варяжских княжеств иссякали – несколько столетий почти постоянных войн с фанатиками христианской веры, смыкающееся кольцо блокады делали свое дело. Поморяне и часть лютичей подчинились Польше, Рюген, святыня многоликих Богов, стал данником датчан. В 1138 году пришла очередь Вагрии, и к 1142 году княжество Прибыслава было завоевано. В 1147 году папа Евгений III провозгласил крестовый поход против варяжских язычников, в котором приняли участие Генрих Лев, датские короли Кнуд и Свейн, епископ Аскер и многие иные. Однако крестоносцы были разгромлены, благодаря тому, что ободриты, поморяне и жители Рюгена действовали заедино. Это было именно то, чего не хватало варяжскому Поморью всю его историю. В Висмарском заливе и на суше флот и войско захватчиков были разгромлены.

Никлот

Гибель Никлота

Именно эта битва послужила основой для написания А.К. Толстым прекрасной поэмы «Боривой» (в образе самого Боривоя изображен, скорее всего, Никлот).

Однако ободриты изменили союзу, и пошли на примирение с христианами. Правду сказать, их поступок никак не отразился на судьбе Дании, которую воины Никлота с Рюгена и Поморья прошли из края в край огнем и мечом в 1152 году.

В 1157-м потеряли навсегда независимость лютичи, которым никто не пришел на помощь.

В том же году датчане попробовали на зуб Аркону, но были разбиты. Через три года они пришли вновь, поддержанные с суши войсками Генриха Льва. Никлот пал в бою, и ободриты были покорены. Последней искрой вспыхнуло восстание Прибыслава, сына Никлота в 1164 году. Увы, победы он не одержал, да и не мог уже, наверное. В 1174-м он признал себя вассалом кайзера Фридриха ² Барбароссы и получил титул мекленбургского герцога.

Святотатцы

До сих пор во дворе замка Мекленбургских герцогов в Шверине красуется мраморная статуя Никлота на коне. Умерший непобежденным, он улыбается, глядя мраморными глазами в какой-то иной мир, где над белыми скалами Арконы по-прежнему реют красные стяги Свентовита и по-прежнему кипит под надежными стенами торг в двенадцативратном Вольне-Винете.

В 1168 году войска крестоносцев берут Аркону. Торжествующий епископ Абсалон едет верхом на поверженном кумире Свентовита, который волочет к морю упряжка быков.

Это был конец.

Еще жили люди. Еще звучала речь – под Любеком еще в XV веке стояли деревни, речь жителей которых была без толмача понятна путешественнику со славянских Балкан, на Рюгене говорили по-славянски до XVI века, на Лабе – до XVIII. Не было того, что создает цивилизацию – смысла. Не было того, за что люди были готовы умирать, и ради чего хотели жить.

ЭПИЛОГ

*Пламя древнее в Капищах святых...
Други верные, сожжены мосты...
Память горечью тех кровавых лет...
Черной полночью затерялся след...*

*Кто, если не мы, пламя воскресит?
Застилает дым, даль глаза слепит...
Кто, если не мы, встретит радугу?
Тяжело брести по пояс в снегу.*

Велеслава

Я сначала хотел написать очень длинный эпилог. Даже название придумал – «как забывали славянскую Атлантиду». А потом понял – не надо. Это как на могиле убитого и оклеветанного деда громогласно обличать клеветников и убийц. На могилах – молчат. Ну, не кричат во всяком случае.

Я просто хочу попросить Вас, читатель. О трех вещах.

Сперва о не очень важном. Не обижайтесь, пожалуйста. Мне не всегда было легко писать эту книгу, и это, наверное, заметно. Ничего, мы еще поговорим об этом не раз. Ведь мы только пригубили историю славянской Атлантиды – право же, о ней еще сто лет назад были пять больших книг, я не мог втиснуть их, да еще то, что узнали за прошедший век, в эту, в маленькую!

Еще поговорим.

Если Вам будет интересно, конечно.

И – ищите. Ищите, собирайте то, что о ней написано. Это ведь наш исток, наше начало. Говорите о ней. Вспоминайте ее. И ее людей – наших предков. Они заслужили.

Ну и наконец, третье. Наверно, самое важное.

У них были храмы, ослеплявшие великолепием тех, кто видел папский Рим.

У них были города, подобных которым не было в тогдашней Европе.

Их воинов боялись римские легионеры и скандинавские викинги.

Их купцы торговали со всем миром.

Их крестьяне не знали слова «голод».

И их нет.

Им не хватило малости – умения доверять и быть верным. Умения держаться друг за друга. Умения забывать обиды – от личных до «деды воевали».

И их теперь нет.

А у Вас все это есть?

Мы – будем?